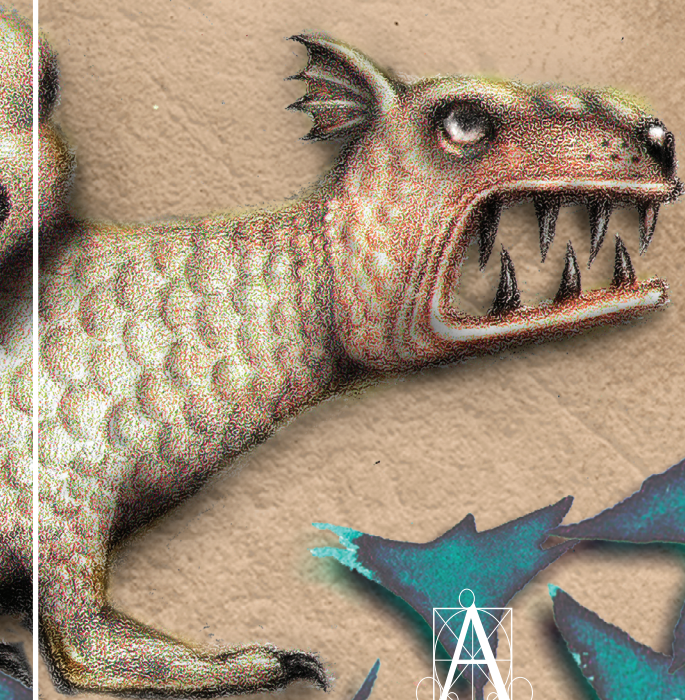

МАРИЯ-ЛУИЗА ФОН ФРАНЦ

МОТИВ
ИСКУПЛЕНИЯ
в волшебных сказках

Мария-Луиза фон Франц

Мотив искупления в волшебных сказках

Психологическое значение

«Академический проект»
Москва, 2022

УДК 159.9

ББК 88

Ф84

THE PSYCHOLOGICAL MEANING OF REDEMPTION MOTIFS IN FAIRYTALES

Marie-Louise von Franz

Права на издание получены по соглашению с Stiftung für Jung'sche Psychologie. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Франц М.-Л. фон

Ф84 Мотив искупления в волшебных сказках: психологическое значение / Мария-Луиза фон Франц; Пер. с англ. Н.А. Кочинян. — М.: Академический проект, 2022. — 148 с. — (Психологические технологии).

ISBN 978-5-8291-3946-9

Книга «Мотив искупления в волшебных сказках: психологическое значение» швейцарского психоаналитика, последовательницы Юнга М.-Л. фон Франц, прославленной своими исследованиями в области фольклора и мифологии, впервые вышла в свет в 1980 г. Как в случае со многими другими работами этого автора, в основе этой книги лежит материал курса лекций, прочитанного фон Франц в 1956 г. в Институте им. К.Г. Юнга в Цюрихе. Исходя из основной идеи юнгианского психоанализа, связанной с понятием коллективного бессознательного и населяющих его архетипов, автор приводит богатый материал сказок и мифов различных народов мира, рассматривая его в качестве результата творчества коллективного бессознательного, с тем чтобы через него попытаться осмыслить проблемы индивидуальной психики и отыскать возможные пути их решения.

Книга будет интересна не только для специалистов и студентов, изучающих психологию, но также и для широкой аудитории.

УДК 159.9

ББК 88

© 1974, Stiftung für Jung'sche Psychologie. First published in 1980 by Inner City Books

© Перевод на русский язык.
«Академический проект», 2022

© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2022

ISBN 978-5-8291-3946-9

Лекция 1

Слово «искупление» необязательно должно быть связано с христианским учением, или теологией; существует множество различных коннотаций данного термина. В волшебных сказках, в частности, искупление связано с обстоятельствами, в которых персонаж, на которого наложили чары или проклятия, оказывается освобожден благодаря определенным случайностям или событиям в ходе истории. Природа таких событий разительно отличается от того, что мы наблюдаем в контексте христианской идеи искупления.

Проклятия могут быть различными. В мифах, сказаниях или сказках персонаж зачастую обречен принимать форму животного или жить в обличье жуткой старухи или старца, и затем, благодаря искуплению, он превращается в принца или принцессу. Всевозможные животные, классифицированные в две большие группы — теплокровные и холоднокровные, например, медведи, лисы и львы, зачастую оказываются связаны с интересующим нас мотивом, ассоциируясь с теми же символами или мифами. Мы также встречаем уток, ворон, воробушков, лебедей, сов или змей. В иных случаях какой-то персонаж, на которого было наложено заклятие, вынужден в конце концов, сам того не желая, сеять зло и разрушение. Например, принцесса может приносить гибель всем своим возлюбленным, но в конце концов, освободившись от чар, благодаря этому самому искуплению она объясняет, что действовала таким образом, поскольку находилась под воздействием волшебного заклинания, и отныне она не будет ни для кого угрозой. Таковы наиболее часто встречающиеся типы злоключений, которые претерпевает герой

в волшебных сказках, — те смертоносные заклęcia, от которых он или она в конце концов избавится.

Я не стану выбирать конкретной истории среди множества волшебных сказок, впрочем, я подробно рассмотрю различные фантастические мотивы, которые присутствуют во всех этих историях, — с тем чтобы классифицировать различные типы чар и заклятий, которые не только составляют основу сюжета, но и имеют важное психологическое значение.

Человека, загнанного в невротическое состояние, в каком-то смысле можно сравнить с заколдованным героем. Люди, страдающие от неврозов, зачастую могут поступать не слишком сознательно и способны, исходя из базовой или инстинктивной мотивации, совершать резкие действия, губительные как для них самих, так и для окружающих. В сказках, описывающих таких персонажей, заостряется внимание не столько на проблеме заклятия, сколько на методах искупления, и в этом плане они служат полезным примером при поиске соответствующих терапевтических процедур и процесса излечения.

В качестве общего примера рассмотрим заколдованных персонажей, которым необходимо искупаться в воде или молоке, при этом купание иногда может сопровождаться избиением. Некоторые персонажи просят их обезглавить — так, лисе или льву отрубают голову; иным требуется, чтобы их полюбили или поцеловали, кому-то нужно съесть цветок и т. д. Или же на персонажа необходимо надеть какую-то кожу или шкуру животного, или задать какие-то вопросы, или же, наоборот, не задавать определенных вопросов. Вот такого рода мотивы нам и следует рассмотреть.

В терапии часто бывает, что врач надеется отыскать рецепты и формулы, однако, не в пример другим психологическим школам, юнгианцы зачастую утверждают, что не существует средства против *типов* заболеваний.

Каждый случай представляет собой уникальный процесс, происходящий с уникальным индивидом, а индивидуальный случай всегда имеет свои особенности и отличается от всех прочих. Таким образом, можно сказать, что мы не выписываем терапевтических рецептов, а потому не можем рассматривать их в общем виде в теоретическом изложении, мы можем лишь давать отдельные советы людям, сталкивающимся с определенными случаями, в том, как им следует себя вести с тем или иным конкретным пациентом. В такой весьма непростой ситуации, в которой врач или аналитик не располагает какими-либо указывающими правилами по уходу за своим пациентом, мы обращаемся к интерпретации сновидений, и мы полагаем, что, приводя, точную и объективную интерпретацию сновидений наших пациентов, не принося в них элементы своих собственных теорий, мы сможем понять, в каком направлении нам следует дальше двигаться.

Так, единственное теоретическое подспорье или руководство, на которое мы опираемся, — это способность точным и объективным образом интерпретировать мотивы сновидений так, чтобы суметь выявить способ лечения, который нам предлагает бессознательное. Здесь мы попадаем в сферу, которая является не только индивидуальной: хотя процесс исцеления всегда индивидуален, сказки и мифы служат репрезентациями инстинктивных процессов, протекающих в психике, и эти процессы характеризуются общезначимостью. Аналогичным образом, несмотря на существующие между нами различия, все люди ходят на двух ногах, у всех у нас один рот и два глаза, также и человеческая психика, несмотря на различия, обладает некоторыми базовыми структурными характеристиками, которые можно где угодно отыскать. На этом уровне коллективного бессознательного мы находим репрезентации типовых процессов лечения типовых недугов. Если вы в общих чертах представляете себе,

каково значение купания для заколдованного персонажа, и вашему пациенту снится, что анализ сравнивается с купанием, то вы получаете интуитивное представление о типе предложенного лечения. С другой стороны, если в сновидении появляется идея того, что необходимо разрубить живое существо на части, у вас опять же появляется интуитивное представление о направлении, в котором должно развиваться лечение, и вы располагаете некоторым знанием того, как следует поступать в данном конкретном случае. Разумеется, всегда остается вопрос, кого именно нужно искупать и кого надо обезглавить, однако такая информация, как правило, предоставляется содержанием сновидений.

Таким образом, мы должны внимательнейшим образом рассматривать это содержание, комментируя общую проблему, что весьма усложняет понимание мифологического материала и сказок — в особенности. Прочитывая такую сказку эмоционально, с наивным взглядом, вы всегда будете отталкиваться от идеи, что центральный персонаж истории — принцесса, принц, мальчик или девочка — это человек, и будете отождествлять себя с ним (как правило, женщины — с женщинами и мужчины — с мужчинами), сопереживая их злоключениям. Когда мы читаем миф, например «Одиссею» или «Эпос о Гильгамеше», отождествлению способствует тот факт, что герой ведет себя как обычный человек: ему может быть страшно или грустно, радостно и т. д. Он говорит — что же мне делать и проч., тем самым приближаясь к человеческой действительности, так что мы легко можем отождествлять себя с этим персонажем. Герои в мифах, в отличие от сказочных персонажей, как правило, привязаны к определенному этносу.

Многие ученые отмечают (и их аргументы вполне убедительны), что герои или героини сказок сильно от-

личаются от персонажей мифов. В сказках они куда менее человечны в том смысле, что лишены какой-либо внутренней жизни или психики. Они не ведут внутренних монологов, их не терзают сомнения или неуверенность, они также не проявляют человеческих реакций. Так, в сказках герой храбр, смелость никогда его не покидает, и он продолжает бороться, пока не победит своего врага. Героиня будет стойко переносить все пытки, пока не достигнет своей цели. Нам никогда не сообщают о каких-либо человеческих реакциях, которые они могли бы проявлять. Таким образом, один из исследователей, доктор Макс Люти, и вовсе утверждает, что персонажи фольклорных произведений подобны трафаретам, примитивным штампам с какой-то типичной чертой, будь то смекалистость, стойкость, верность и т. д., и они остаются неизменны на протяжении всей истории. Вы никогда не найдете ничего сродни психологической трансформации у героя волшебной сказки, тогда как в мифах часто происходит изменение характера героев. Несмотря на то что они наделены вполне человеческими качествами, герои сказок не вполне люди. Дело в том, что они представляют собой не столько типы людей, сколько архетипы, а потому их нельзя непосредственно сравнивать с человеческим Я. Мы не можем считать героя сказки каким-то конкретным мужчиной, а героиню — конкретной женщиной.

Поверхностное знакомство с юнгианской психологией может оказаться хуже полного незнания, поскольку люди берут сказки в придачу с парочкой юнгианских понятий и навешивают куда ни попадя — эго, душа, самость и т. д. Это куда хуже, чем отсутствие интерпретации, поскольку это ненаучно, необъективно, инфантильно и даже нечестно, ведь для того чтобы суметь приложить юнгианские понятия к такого рода сущностям, нам пришлось бы переиначить историю. Допустим, например, что

человек нечаянно впадает в заблуждение и применяет свойство тени к одному из персонажей сказки, и затем обнаруживает, что из этого ничего не получается. Такой человек скажет вам, что, стало быть, он ошибся еще в самом начале и что он сам не вполне разобрался, или что в самой сказке была ошибка! Или же он замнет неловкость, приводя общее утверждение и обкатывая его различными идеями, стремясь подогнать свою интерпретацию к соответствующему случаю. При должном внимании вы увидите, что эти понятия юнгианской психологии нельзя использовать при интерпретации сказок без некоторых ограничений. Когда я сама совершила это открытие, я внезапно осознала, что причина этого в том, что сказки созданы не индивидуальным сознанием и не представляют собой индивидуальный материал.

Доктор Юнг выстраивал свои концепции, основываясь отчасти на наблюдениях за процессами, протекающими в его собственной психике, отчасти — на наблюдениях за другими. Говоря о душе, мы представляем человека как индивида, как душу определенного существа, или эго — как эго конкретного человека, и тень обозначает низшую составляющую личности. Но эти термины не следует запускать в область сказок, которой они не принадлежат, и если мы мыслим их в ходе наблюдения за большим числом индивидов, весьма спорно, можно ли применять эти понятия к такому материалу, как содержание волшебных сказок, которое, скорее всего, произведено многими людьми или группой людей. Следовательно, мы должны обратиться к основной проблеме волшебных сказок. Поскольку не существует общепринятой идеи их происхождения, мы можем рискнуть, выдвинув очередную гипотезу, а именно гипотезу, исходящую из психологической точки зрения.

Среди простого народа, скажем крестьян или дровосеков, т. е. в среде, где в наши дни главным образом цир-

кулируют волшебные сказки, можно выделить два определенных типа: местная сага и настоящая сказка. Первая, как правило, несильно отличается от сказки и обычно повествует фантастическую историю, которая произошла в какой-то конкретной местности или в конкретном замке. В саге говорится, что жители местной деревушки были свидетелями какого-то события, совершившегося здесь, и т. п. История разворачивается в определенном месте, а герой становится конкретным человеком; сама история рассказывается так, как если бы речь шла об определенном событии, которое в действительности имело место, хотя она обладает всеми характеристиками волшебной сказки. В сказках нам часто встречаются парапсихические явления, тогда как элементы страшилок чаще фигурируют в сагах. Легенды, как правило, основаны на исторических или отчасти исторических событиях. В них могут фигурировать святые или исторические персонажи.

В Швейцарии существует легенда о Вильгельме Телле; историки бьются над вопросом о том, стоит ли за ней реальная история, или же это просто сказка, или же она ближе к саге, поскольку аналогичный персонаж встречается в скандинавских сказках; тем не менее эта история претендует на историчность, и описываемые в ней события, как говорится в легенде, происходят в определенном месте в определенное время. С психологической точки зрения это можно прокомментировать следующим образом. Иногда бывает так, что в жизни обычного человека случаются столь фантастические события, что, если бы у нас не было возможности их проверить, мы могли бы подумать, что нам рассказывают сказку; я частенько оказывалась в подобной ситуации. И тут мы подходим к проблеме синхроничности. Поразительно, как часто могут в действительности происходить такие события, которые описываются в волшебных сказках, если возникает

архетипическая ситуация. Если происходит такое невероятное событие, вполне вероятно, что молва о нем расходится, история обрастает деталями, которые на самом деле не имели место. К ней могут добавить какие-нибудь подробности, которые делают ее интереснее, и нам следует признать, что подобное случается нередко; таким образом, все мифологическое событие оформляется и застывает.

Таким образом, я бы сказала, что как местные саги, так и исторические легенды основаны на реальных событиях, пережитых конкретными людьми, которые передавались из уст в уста, перерастая в историю, пересказываемую на протяжении длительного периода времени. Я находила действительные свидетельства в пользу этой теории. В одной деревушке, расположенной в швейцарских горах близ Кура, некогда жила семья мельника, у которого была книга, повествующая о событиях, произошедших в его роду. Некоторые потомки этого рода живут теперь в Куре и держат дома семейную книгу, в которой записаны события, приключившиеся с их предками 150 лет назад. В одной из историй говорится о мельнике, встретившем лисицу, которая говорила человеческим языком, вскоре после чего мельник умер. Теперь это широко распространенное в мире поверье: встреча с душой куста, говорящим животным предвещает скорую кончину.

В 1937 году студент, изучающий фольклор, расспрашивал деревенских старцев о мельнице, и ему поведали, что там бродит призрак; он услышал ту же историю, что-то из нее убрали, что-то привнесли, сказав, что лиса прошла между ног мельника, тем самым став причиной его гибели. Во всей этой провинции бытует поверье, что лиса символизирует душу ведьмы и может воспламенять кожу (рыжая лиса = рыжая кожа), таким образом, мы видим, что изначальное событие слилось с расхожим фольклорным поверьем.

Говорили также, что лиса — это душа мельниковой тетушки и что смерть мельника — происки ее ведовской души. Деревенская жизнь порой бывает скучной, вот и приходится выдумывать всякие захватывающие истории.

В таких случаях мы можем видеть, как из продукта индивидуального сознания вырастает архетипический образ, местная сага. Далее, если местная сага достаточно пространна, она переключивается из исходного места в соседние деревни, утрачивая по ходу своей миграции свою местную значимость. Так, например, тот мельник изначально носил определенное имя, жил в определенном месте, но со всеми изменениями кочующая сага утрачивает местные особенности, привязывающие ее к определенному историческому времени и месту, обретая более общий характер и тем самым теряя местную значимость, но и становясь все более расхожей.

Поэтому, когда мы изучаем какой-то сказочный мотив, мы занимаемся чем-то сродни сравнительной анатомии человеческой психики: все, что относится к индивидуальному или местному, в подавляющем большинстве случаев устраняется, поскольку не имеет важности. Несмотря на этот факт, позднее я буду вынуждена вернуться и несколько видоизменить эту теорию, поскольку волшебные сказки не вполне «очищены» от некоторых специфических факторов. Если мы сравним между собой сказки, мы увидим, что, несмотря на некоторые сходства: ведьмы, животные, приходящие на подмогу, и др., сюжеты сказок североамериканских индейцев разительно отличаются от европейских сказок, даже если имена и названия мест были отброшены. Изучение мифов подобно исследованию тела целой народности. Изучая сказки, вы словно изучаете ее скелет, однако я полагаю, что исследование сказок также помогает раскрыть наиболее основополагающие черты в более чистой форме, и если

мы хотим изучить базовые структуры человеческой психики, то нам лучше изучать сказки, а не мифы. Исходя из этой гипотезы, мы можем вернуться к тому, о чем я говорила ранее, а именно к тому, что герой и героиня представляют собой не человеческие индивиды, а архетипические образы.

Поначалу, когда я пыталась продвигать эту теорию, стремясь добиться признания других людей, я ощущала немало сложностей, и мне пришлось признать, что я и сама не вполне довольна этой теорией. Я должна была вновь повторить, что я абсолютно убеждена в том, что персонаж в сказке не человек, хотя нам сложно избавиться от навязчивого желания рассматривать их в качестве отдельных людей. Долгое время это оставалось серьезной проблемой, пока я не пришла к выводу, что у эго должно быть общее инстинктивное основание и что нам следует предположить существование врожденной склонности человеческой психики, которую можно назвать «фактором построения эго» (*the ego building factor*) и который, по-видимому, составляет одну из отличительных черт человеческого существа.

Итак, если вы исследуете детскую психологию (и я советую вам обратиться к работам Майкла Фордхэма), вы увидите, что эго может проявляться в проекции, как если бы это было «не мое эго». Многие дети говорят о себе в третьем лице, называя себя по имени, вместо того чтобы говорить «я», поскольку их «я» проецируется на имя. Назвать правильное имя иногда оказывается очень важной задачей: «Джонни выплюнул молоко». Здесь отсутствует переживание опыта тождества с эго. Понаблюдав, вы можете заметить, что зачастую на следующем этапе развития эго оно проецируется на предмет сильной привязанности ребенка. Это может быть школьный приятель, которому ребенок раболепно пытается подражать. Можно сказать, что будущая форма эго прое-

цируется на этого приятеля. В таком случае можно сказать, что качества, которыми впоследствии будет обладать эго такого мальчика, еще не определены, но они спроецированы на другого человека.

Здесь мы видим, как фактор построения эго действует через увлечение, вызывающее желание подражать. Если же, с другой стороны, вы изучаете примитивные общества, вы можете наблюдать то же явление в иной форме, ведь в таких обществах свойством индивида наделяется лишь правитель или вождь и знахарь. Если в примитивном племени кто-то совершает преступление, может быть доказано, что это преступление совершил один человек, однако вину могут списать на другого человека, который примет наказание. Такой обычай, конечно же, печалит миссионеров! Психологическое объяснение состоит в том, что преступление, совершенное в племени, должно быть отомщено и любой, на кого пал жребий — необязательно, чтобы это был виновник преступления, — может понести наказание, и такое решение в порядке вещей. Опять же, если белый человек обидел одного из своих чернокожих слуг, последний способен повеситься, тем самым желая досадить своему хозяину! Тот факт, что человек умирает, чтобы вызвать потрясение, сам по себе не важен — важно то, что хозяин будет потрясен. В этом контексте эго настолько слабо, что индивид не важен — важно возмездие. Можно сказать, что пациент со слабым эго оказывается в аналогичном положении.

Приступая к рассмотрению комплекса эго (*ego complex*), мы увидим, что речь идет об очень сложном феномене; мы должны помнить, что нам крайне мало о нем известно, впрочем, по-видимому, он обладает некоторыми расхожими характеристиками. Можно выдвинуть рабочую гипотезу — дескать, у героев сказок есть психологический образ, который доказывает эту склонность построения эго и служит ее образцом. Слово «герой»

предполагает, что перед нами образцовая личность. Желание подражать такому образу возникает произвольно. Чуть позже я вернусь к этой идее, чтобы рассмотреть ее более подробно.

Исследование содержания мифов, основанное на сравнении героев и героинь, показывает, что все они разделяют практически одни и те же типичные качества, в значительной степени отождествляющие данный образ с тем, что Юнг называет архетипом Самости и что он определяет как нечто совершенно отличное от эго. Эго составляет лишь отдельную часть личности человека в целом. Значительная часть человеческой психики не тождественна личности. Юнг определяет саморегулирующую деятельность целостности как архетипическую Самость. Отождествление с Самостью, говорит Юнг, губительно, и очень важно различать понятия Самости и эго.

В «Таинстве воссоединения» Юнг говорит, что тот самый таинственный фактор, благодаря которому выстраивается эго и который поддерживает его устойчивость, это и есть архетип Самости. Комплекс эго невероятно устойчив. Например, если я с разбегу ударюсь обо что-то, я буду помнить об этом на следующий день. При желании я могу бесконечно долго хранить воспоминания или эмоции, и в этом состоит один из критериев, по которым можно оценивать силу комплекса эго. Устойчивость мысли свойственна для хорошо развитого комплекса эго, и ее можно практиковать. Устойчивость эго — весьма загадочное явление с точки зрения психологии. Можно сказать, что такое мощное качество устойчивости, которое, по всей видимости, способен развивать человеческий комплекс эго, основывается на архетипе Самости.

Таким образом, когда мы интерпретируем сказки, постоянно возникает сложность в связи с интерпретацией главных героев в истории. Если персонаж ведет себя

как эго или как Самость, то можно сворачивать удочки. Поэтому я называю это *той частью архетипа Самости, которая задает модель комплекса эго и его общей структуры*. Одна из основных функций архетипической Самости состоит в том поддержании сознания эго, а также обеспечении соответствующего типа его непрерывности. Если представить себе личность человека в качестве сферы, так что Самость будет охватывать всю сферу целиком, являясь при этом саморегулирующимся фактором, находящимся в центре, то всякое отклонение будет компенсироваться. Мы замечаем такие проявления в сновидениях. Если вы оказываете деструктивное воздействие на другого человека, вам может присниться, что вы чем-то кидаете в этого человека, и вам следует прислушаться к этому предупреждению, поскольку сновидение как бы комментирует то, что вы делаете. Долгое время вам может вовсе ничего не сниться, но если над вами нависает угроза отклонения от собственной целостности, сны непременно появятся. Для здоровья индивида лучше всего, если комплекс эго функционирует сообща с Самостью — в этом случае невротические волнения относительно минимальны.

В сказках на героя или героиню наложено заклятие, из-за которого он или она вынуждены вести себя деструктивным, отрицательным образом, и задача героя состоит в том, чтобы освободить заколдованного персонажа. Можно сказать, что всякий архетипический комплекс, всякое структурное единство коллективной бессознательной психики может быть заколдовано: во все не обязательно, чтобы жертвой заклęcia был герой, т. е. на его месте может быть любой другой комплекс. Мы всегда должны внимательно всматриваться, чтобы суметь определить, какой именно элемент был заколдован. В общем, можно сказать, что эту ситуацию можно сравнить с невротическим состоянием. Если верить

сказкам, заклятие частенько налагается без всякой причины. Это некое состояние, в которое персонаж попадает произвольно и, как правило, незаслуженно, или же его вина незначительна — как в истории с яблоком в райском саду.

Если в сказках герой и бывает виновен в чем-то, то речь идет о более или менее незначительной провинности — за что на персонажа налагают заклятие. Так, например, обстоят дела в сказке братьев Гримм «Семь воронов». В этой истории отец отправляет своих сыновей за водой для крещения их сестренки, и они разбивают сосуд, в котором должны были принести воду. Произнося проклятие, отец желает, чтобы мальчишки превратились в воронов — те превращаются в воронов, а их сестра должна будет их освободить. Иногда в сказках говорится о такого рода провинностях, но, как правило, заклятие никак не обосновывается. Сказка обычно начинается с того, что нам говорят о некой заколдованной принцессе, не объясняя при этом причины, почему на нее пало заклятие. Другой вариант сюжета: мы узнаем об уродливой ведьме, возжелавшей прекрасного принца, который ее отвергает, за что она налагает на него заклятие, превращающее его в какое-нибудь животное.

Примитивные общества живут в постоянном страхе перед заклятиями. Это может произойти с кем угодно в любой момент и без какой-либо провинности человека. Например, у коров может вдруг пропасть молоко, и подобное может произойти с чьей угодно коровой. Переводя на язык психологии, можно сказать, что некий импульс склоняет нас к неправильной позиции, так что мы отчуждаемся от своих собственных инстинктов и утрачиваем внутреннее равновесие. Человек может очутиться в подобной ситуации в силу унаследованных черт характера. Вам могут нравиться приключения, но вы не сможете вести образ жизни, полной приключений,

если вы чрезмерно чувствительны. Таким образом, человек рождается с противоречивыми импульсами.

Говоря словами психолога, мы можем сравнить персонаж сказки, на которого наложено заклятие, с кем-то, в ком было нарушено функционирование одной из структурных единиц человеческой психики, так что она не способна нормально функционировать. Все комплексы взаимодействуют друг на друга. Если анима человека невротична, хотя сам по себе человек не таков, он будет чувствовать себя частично заколдованным. Это можно наблюдать в сновидениях. Я проснулся однажды утром и сказал миру «Прощай!», ибо я думал, что умру. Я был несчастен. В таком странном настроении я пребывал весь день. Я сентиментально глядел на цветочки, был ко всем очень добр, все это было невероятно романтично. В последующую ночь мне приснилось, что некий очень романтичный мальчик в самом деле умер. Ведь умершим было не что иное, как инфантильный анимус, и ему уже давно пора было уйти, но его посмертное «Прощай!» и сопутствовавшее ему настроение подействовало на мою психику в целом. Такая ситуация вполне типична.

Можно сказать, что невроз не распространяется на психику в целом — недуг затрагивает лишь один из комплексов, и поэтому в известном смысле болезненное состояние захватывает личность в целом. Иногда в нормальном человеке уживается невротический комплекс. Один комплекс оказывается поражен, и он воздействует на остальную личность — этим объясняются неврозы разной степени интенсивности. С другой стороны, когда поражены некоторые комплексы, нормальный во всем прочем человек может совершенно сойти с ума. В общем, быть заколдованным значит, что была искалечена или повреждена какая-то структура психики, так что ее функционирование было нарушено, и это отразилось на всей целостности, ведь все комплексы, так сказать, сосуще-

ствуют в некоем подобии социального порядка, который задает целостность психики. Именно поэтому для нас представляет интерес мотив заклѣтия и избавления от него.

Лекция 2

В прошлый раз мы обсуждали, какой персонаж выполняет роль героя в сказке, и мы пришли к заключению, что героя нельзя сравнивать с человеческим эго. Скорее, герой волшебной сказки представляет тот аспект Самости, который отвечает за формирование эго, за его отлаженное функционирование и укрепление. Он также служит архетипической моделью и образцом правильного поведения.

Тем не менее, сравнивая одни сказки с другими, в этом отношении мы обнаруживаем широкое разнообразие. Некоторые герои просто сидят себе на печи, позевывают и, казалось бы, ничего собой не представляют, но в конце концов женятся на принцессах, тогда как иным приходится бороться с разбойниками, колдунами и т. д. И все же, когда мы читаем сказки, у нас возникает ощущение, что так и должно быть, что, лишь ведя себя таким образом, герой сумеет достичь своей цели, тогда как все другие терпят неудачу. Таким образом, в некоторых ситуациях лучше быть глупым, в других же ситуациях героям нужно проявить смекалку и героизм. Иногда требуется прибегнуть к магии или к помощи животного, иной же раз герой справляется с задачей в одиночку. Казалось бы, всегда есть какой-то типичный правильный образ действия. Если вы полагаетесь на свое ощущение, вам будет казаться, что именно так нужно поступить, и посредством этой идентификации вы будете чувствовать, что, мол, вот он — тайный подход к жизни. Таким образом, можно сказать, что поведение героя можно осмыслить лишь в контексте всего сюжета сказки и что он репрезентирует человека, чьи инстинктивные действия являются правильными в данной конкретной ситуации.

Однако что *есть* «правильный» образ действий? В этом состоит одна из проблем в связи со сказками, поскольку

они столь наивно убедительны, что нам и в голову не приходит поставить их под вопрос. Очевидно, что поведение героев не сообразуется с обыденными стандартами обывателей; он может быть несмысленным, наивным или жестоким или использовать всяческие уловки, что для нас может быть предосудительно, и тем не менее, когда он поступает тем или иным образом, у вас остается ощущение, что он все делает правильно. Поэтому эту «правоту», вероятно, было бы вернее определить в терминах совершенного соответствия целостности сложившейся ситуации. Вы не можете сказать: «Так, всех разбойников нужно резать, а всех ведьм — всегда обжигать!» — ведь всегда можно найти другие истории, где это вовсе не так. Выходит, что отсутствие универсальных формул вполне возможно. Мы лишь можем сказать, что *данная* история очевидна, исходя из вывода, что герой поступил правильно, хотя никогда не могли бы предугадать его следующий шаг, ведь действия героя всегда должны нас удивлять. Поэтому такого рода случайное попадание в правильный вариант действий несколько более примитивно, нежели рационально правильная позиция; оно проистекает из глубин личности и сообразуется с Самостью. Таким образом, это обстоятельство иллюстрирует факт, который мы также можем наблюдать в психологически сложных индивидуальных ситуациях, например, в ситуации, когда не существует конвенционального решения для индивидуального комплекса.

Как правило, аналитик (*analysand*), начиная свой анализ, уже разобрался в том, что вообще можно было бы сделать в сознательной ситуации; так, перед вами предстает щекотливый вопрос, адресованный нам обществом, о том, что же должен делать человек в конкретной, сложившейся у него ситуации, и здесь мы можем сказать, что «правильное» поведение можно охарактеризовать как такое поведение, которое будет сообразно

с целостностью психологической личности (*psychological personality*). В сказках складывается аналогичная ситуация, поскольку, по сюжету, герой и героиня могут представлять образец функционирования эго в гармонии с целостностью психики. Они служат образцами для здорового эго, т. е. комплекса эго, которое не нарушает целостного устройства личности и которое нормально функционирует в качестве ее органа выражения.

По сравнению с другими теплокровными животными человек уникален в том плане, что он сумел развить особую сфокусированную форму сознания, которую мы не найдем у других живых организмов, во всяком случае, не на этой планете. Животные, по всей видимости, куда больше ограничены определенными паттернами поведения, зачастую это может приводить к деструктивным последствиям. Например, лемминги (маленькие грызуны, обитающие в арктической зоне, внешне напоминают полевую мышь или белку), как многие другие животные, образуют стаи и время от времени мигрируют. Очевидно, что природа наделила животных такой инстинктивной потребностью, чтобы им приходилось искать пропитание в разных местах, не съедая все до остатка в каком-то одном месте. Этот инстинкт миграции столь силен, что они всегда перемещаются по прямой, даже если путь преграждает речной поток, в котором они в конечном итоге тонут. Они не способны остановиться и действовать иным образом. Таким образом, животные не способны отойти от свойственных им паттернов поведения, даже если в противном случае они могут погибнуть.

Человек же, напротив, обладает куда более развитой способностью к адаптации и может жить в любом климатическом поясе и способен выживать в условиях, отличных от тех, в которых он был рожден. Однако за такую способность ему пришлось заплатить огромную цену, ведь благодаря такой адаптируемости и способности

идти против собственных животных инстинктов он также способен подавлять эти инстинкты так, что при этом у него возникают неврозы и целостность его личности больше не может нормально функционировать. Такова огромная цена, которую приходится платить человеку за бóльшую свободу. Таким образом, человеческое эго также противостоит соблазну отклоняться от инстинктов вплоть до того, чтобы из этого могли возникать всеческие трудности. Поэтому для сознания человека чрезвычайно важно держать в уме некий образец, некий паттерн, исходя из которого эго может функционировать, соотносясь с целостностью человека. Наличие множества различных возможностей лишь подтверждает сложность этой задачи.

Первый мотив искупления, который я хотела бы обсудить, связан с купанием. Это очень широко распространенная техника искупления. Во многих волшебных сказках присутствует мотив проклятого или заколдованного персонажа (будь то мужской или женский), который обречен творить зло и которого может освободить от заклятия только особого рода купание. Речь может идти просто о наполненном водой чане, куда герой должен трижды окунуть своего спутника, тем самым осуществив искупление, или же жидкостью может быть коровье молоко или лошадиная моча. Температура ванны может вовсе не упоминаться, или же речь может идти о какой-то разновидности бани с очень высокой температурой, или же персонаж, подвергнутый заклятию, должен свариться в воде. Иногда вместо ванны присутствует образ печи, но этот образ мы рассмотрим отдельно.

Пример процедуры купания содержится в норвежской сказке, которая называется «Товарищ»: принцесса попадает в лапы горного демона — дряхлого старика с белой бородой. Он оказывается тайным возлюбленным принцессы, и вместе они замышляют план, в кото-

ром принцесса должна будет заманивать мужчин в свои сети и загадывать им загадки. Если человек не смог разгадать загадку, ему отрубают голову; в итоге принцесса — нравится ей это или нет — должна убивать всех своих ухажеров. В другой версии этой сказки принцесса облачена в кожу тролля (согласно Оксфордскому словарю, тролль — «в скандинавской мифологии [это] сверхъестественное существо, великан или (позднее) дружественный, но озорной карлик»). В обеих версиях сказки появляется герой с невидимым помощником, который подсказывает ему, что нужно делать. У этого помощника есть крылья, и он может прилететь в укрытие, где зломысляют принцесса и демон, подслушать, как те придумывают загадки, и так он узнаёт ответы на вопросы принцессы. Тем самым он депотенциализирует зло, сосредоточенное в принцессе, и она соглашается возлечь с ним и принять его в качестве супруга, но тогда персонаж-невидимка говорит, что битва еще не выиграна и что принцесса погубит героя в их первую брачную ночь, если только он не приготовит для нее чан с водой и трижды не погрузит в него принцессу.

В германской версии этой сказки уточняется, что погружение должно произойти, когда принцесса, желая убежать, ночью выскочит из кровати и свалится в стоящий возле кровати чан с водой. Тогда принцессу должны будут схватить, и вылетит ворон, рвущийся на волю, а затем и голубка, которую также необходимо погрузить в воду, вслед за чем принцесса обретает свой истинный облик и может спокойно выйти замуж. В скандинавской версии героям грозит более серьезная опасность. Герой ложится в кровать и притворяется спящим. Принцесса пытается проверить, действительно ли он уснул, и хватается за нож, намереваясь его убить, но тот успевает ее скрутить и бьет ее плетьюми из орешника, пока они не треснут. Затем он моет ее сперва в кислом, затем

в сладком молоке, после чего с нее спадает кожа тролля, а вместе с нею — и ее злые умыслы. В этой версии сказки она не только собиралась убежать в первую брачную ночь, но и убить новоиспеченного супруга. Тот же мотив мы находим в апокрифической Книге Товита.

Еще одна версия той же истории гласит, что в теле принцессы спрятаны ножи, так что возлегший с ней супруг будет убит. Мотив оружия, скрытого в теле невесты, мы также встречаем в алхимических текстах в контексте экзорцизма через омовение.

В контексте символизма купания можно провести параллели со всевозможными обрядами крещения, существующими в нашей религии, а также с дохристианскими ритуалами. В частности, во время элевсинских мистерий участники должны были сперва окунуться в море, проводя ритуальное омовение. Подобного рода очистительное омовение, совершаемое перед посвящением в наиболее глубокие таинства, — символ, широко распространенный по всему миру. Североамериканские индейцы, как правило, отправляются в парильню, где они сидят в комнате, вырытой под землей; горячие камни поливают водой, так что горячий пар обволакивает человека, пока он натирается шалфеем, тем самым как бы очищая себя от совершенных им грехов и от злых духов.

В ранних интерпретациях христианский обряд крещения также подразумевал очищение и отделение от греха и изгнание злых духов. Здесь прослеживается связь с идеей обновления, ведь человек, прошедший крещение, как бы возрождается во Христе, избавляясь от былых языческих прегрешений. В знак этого люди облачались в белые одеяния, которые указывали на очищение и появление новой личности (*personality*). Та же связь прослеживается в большинстве обрядов омовения, вкуче с идеей возрождения из воды.

Вообще, вода указывает на бессознательное, а погружение в воду и выход из нее, по-видимому, представляют некоторую аналогию погружению в бессознательное. В христианстве купель частенько сравнивается с утробой Матери-церкви, таким образом, возникает связь с идеей материнства: человек перерождается в «вечном лоне», коим является вода. Это материнский оплот, из которого мы возникаем и в который мы возвращаемся в обновленной форме. В эпоху раннего христианства крестили только взрослых, целиком погружая их в купель. Крестить младенцев начали исходя из представления о том, что попасть в рай и лицезреть Господа могут только крещенные, — конечно же, родители-христиане не желали, чтобы их дети умирали язычниками. В свитках Мертвого моря также упоминается возрождение через крещение.

Во многих сновидениях преаналитический процесс ассоциируется с принятием ванны, а анализ часто сравнивается с омовением или купанием. В немецком языке есть выражение, которое буквально переводится как «вымыть кому-то голову», т. е. отчитывать или объяснять кому-то, что он неправ. У большинства людей, которые приходят к психоаналитику, возникает странное ощущение, что им необходимо что-то такое и что их грехи могут выйти наружу. Таким образом, идея купания оказывается очень очевидной аналогией. Покрывающая тело грязь может обозначать психологические воздействия в среде, замаравшей исходную личность.

Человеку гораздо проще быть собой и вести себя естественно, если он живет один. Интроверты очень чувствительны и часто говорят, что им комфортно находиться в одиночестве, в компании же других людей они испытывают беспокойное воздействие, теряя свое внутреннее спокойствие. Пациенты, как правило, не слишком амбициозны, но если один из них предпринимает шаги, чтобы достичь чего-то, все остальные пожелают

сделать то же самое. Это феномен массовой психологии — здесь превалируют примитивные эмоции. Зараза заполняет разум, менее образованные люди заражают других, и все летит в тартарары. Если у другого человека такая же потенциальность, она мгновенно активируется. Как только вы входите в человеческое стадо, вы тут же дурнеете и ваша собственная тень констеллируется. Можно сказать, что ваше собственное темное начало активируется извне, но вы также можете подхватить тьму, которая вам вовсе не принадлежит. Люди попадают в капкан настроений, которые им на самом деле чужды, и когда у них появляется время подумать, они сами удивляются, что же с ними произошло. Это необходимо периодически вычищать — так, в общем, мы интерпретируем образ купания как необходимость проработать теневые проблемы.

Велик соблазн приложить это значение к сказкам, сказав, что персонаж-анима должен пройти процесс возрождения, но если мы поступим таким образом, мы отойдем от нашей собственной гипотезы, согласно которой персонажи представляют собой архетипы, а не отдельных людей. Таким образом, можно сказать, что ванна, вода — это возвращение к бессознательному, цель которого состоит в очищении от некоторых теневых аспектов, которые в действительности нам чужды. Если анима проходит через этот процесс, это вовсе не значит, что через него проходит и сам человек. Мы имеем дело с невротическим комплексом, а не с человеком; мы выталкиваем его обратно в воду, т. е. в бессознательное, где деструктивные невротические импульсы рассматриваются посредством метода амплификации. Нам нужно обратиться к сновидениям и посмотреть, что за ними стоит. Амплифицируя сновидение, мы помещаем его в исходный контекст. Фрагмент сновидения погружен в амниотическую жидкость, которая его питает, и через этот процесс

расширения он может проявиться вновь — уже в иной форме.

Купание как-то связано с амплификацией или с психологическим настроем на восстановление комплекса в его изначальной полноте с тем, чтобы увидеть, что за силы в нем действуют. Невротические симптомы зачастую возникают в результате того, что какой-то элемент застрял между бессознательным и сознанием. Я приведу вам пример. У одной девушки был комплекс, из-за которого она заперлась в своей квартире. Как только она выходила на улицу или садилась в трамвай, ее комплекс говорил ей, что любой рабочий, которого она встретит, тут же заразит ее сифилисом; хотя она прекрасно знала, что это невозможно, она не могла вести себя разумно, как не могла избавиться от этой навязчивой идеи.

Было ясно, что девушка боялась рабочего труда, поскольку рабочий символизирует рабочую энергию. Через рабочий труд ее рабочая энергия становилась негативной и разлагивала ее эротические функции. Болезнь возникла из ее комплекса отца. Она несколько раз устраивалась на работу и вскоре увольнялась, и ее отец, который был очень богатым человеком, всегда шел у нее на поводу. Так, рабочий в униформе инфицировал ее энергию, которая не использовалась, тем самым инфицировав личность деструктивным образом и нанеся удар женщине в наиболее чувствительное место — ее женственность. Эрос и любовь подвергаются заражению и разрушаются из-за неиспользуемой энергии либидо. Бессознательное явно отправляло ей целительное послание, но она не смогла ее распознать. Доктору Юнгу потребовалось всего полчаса, чтобы проработать ее симптом, и за эти полчаса девушка была исцелена. Она придерживалась крепких моральных устоев — проглотила таблетку и приступила к работе: он сказал ей, что, если она этого не сделает, она окажется в сумасшедшем доме.

В этом примере мы видим, что девушка оказывается заперта в совершенно деструктивной ситуации, однако ее бессознательное указало метод лечения через символизм симптома. Целительное послание иногда оказывает деструктивное воздействие, если его не распознали или не смогли правильно использовать. Они остаются на границе сознания. Символическое послание бессознательного подобно заколдованному персонажу, содержание, застрявшее в пограничной области в силу определенных состояний бессознательного, которые не позволяли ему выйти наружу; если затолкнуть его обратно и лишь затем позволить ему выйти наружу в его полном исходном значении, деструктивное воздействие исчезает.

Давайте рассмотрим мотив избиения принцессы ореховыми прутьями. Ореховое дерево и его ветки, в частности в кельтской и германской мифологии, ассоциируются с даром правдивости, которую может посоветовать герою мудрый лосось, поевший лесных орехов, произрастающих вблизи водоема. Ветка орехового дерева ассоциируется с правдивостью и беспристрастностью.

Во время старогерманских тингов (тинг — собрание свободных мужей племени), когда должны были судить одного из участников, перед началом суда мужчины брали палку из орешника, тем самым они подразумевали обязательство не судить предвзято и в то же время выражали свое намерение быть как можно более объективными и честными в своем суждении. Этот предмет напоминает нам королевский скипетр, который также репрезентирует беспристрастный принцип авторитета, а не комплекс личной власти. Таким образом, если герой колотит принцессу палкой из орешника, он как бы преподносит ей объективным образом нелицеприятную истину, что оказывает экзорцистическое воздействие.

Значение сновидения может быть весьма болезненным и резать по живому. Сновидение может намекать, что нена-

вистный человек похож на нас, но беспристрастная, объективная критика позволяет очистить его от этого деструктивного аспекта. Также немаловажен тот факт, что ветка орешника — нечто, что естественно произрастает в природе. Некоторым людям Господь разрешает быть ленивыми, и не стоит самонадеянно полагать, что вы достоверно знаете, как людям следует себя вести; некоторым людям удастся совершать самые невероятные вещи, никак при этом не вкладываясь. В некоторых цивилизованных обществах лень — вполне нормальное явление, и такие люди отнюдь не невротики. Однако если возникает симптом — это уже совсем другое дело, поскольку он возникает в душе пациента.

Полное подавление комплекса можно сравнить с захлопыванием свинцового гроба, тогда как смерть комплекса можно проиллюстрировать с помощью трансфера либидо (психической энергии), как, например, в следующем случае.

Деревенская девушка занималась черной магией; ей часто снился ее дед, который при жизни проводил сеансы (черной магии), но которого она никогда не видела. В одном из снов он появился в обличье гермафродита — наполовину мужчина, наполовину женщина. В бессознательном гермафродит символизирует «это и то»; этот образ иллюстрирует промежуточное состояние, «застойную» природу комплекса. Здесь фигурируют две вещи: с одной стороны, неудовлетворенный, неразвитый ум, а с другой стороны, очень страстная женская природа, которую подавляет в себе эта девушка. Эти два элемента образуют гермафродического монстра. В ходе анализа ей предстояло в этом разобраться. Ей приснился сон, в котором ей нужно было пройти в опочивальню ее матери, в глубь пещеры, где прекрасная женщина родила дитя; чудесные роды принимал ангел. В то же время она слышала стоны и видела

своего умирающего деда, который лежал на кровати. Таким образом, как только в ее душе родилась женственная личность, монстр утратил свою энергию и темная магическая сила деда опорожнилась точно пустая ракушка, а вместе с тем пропал и ее интерес к этому предмету. Она осознала, что ее занятия черной магией были лишь бесплодной попыткой достичь того, чего она желала, тогда ее либидо в черной магии подошло к психическому процессу индивидуации.

Обычно купание происходит не в море, а в ванне, и это довольно важная деталь, поскольку ванна — искусственно созданный человеком сосуд определенных размеров, в который человек может погрузиться. Ванна репрезентирует бессознательное в очень специфической форме, так что нам следует разобраться в символическом значении сосуда — что чрезвычайно важно. Сосуд — это лоно Матери-церкви, утроба, таким образом, он обладает неким женским, материнским свойством. В мифологии он зачастую осквернен своим содержанием. Для алхимика сосуд и вода суть одно и то же. Вода — это сосуд, в котором отливается философский камень, ведь емкость и содержимое в алхимии получают одновременно. Коль скоро сосуд — это вместилище, в котором человек хранит воду для всяких своих нужд, он также связан с функцией сознания; способность пользоваться этим инструментом — это прерогатива человеческого сознания, и она указывает на его деятельность в качестве символа. Сосуд может представлять понятие или способ представления некоторого предмета.

Церковь является такого рода сосудом, поскольку она указывает на способ, посредством которого христианские ценности и представления скрепляются некой догматической системой. С точки зрения психологии сосуд как-то связан с клятвами, идеями, базовыми чувствами и понятиями, которые мы пытаемся связать воедино,

чтобы они не рассыпались, ведь сосуд может хранить все это так, чтобы ничего не растерялось. Таким образом, сосуд символизирует средство обретения сознательности.

Во многих языках понимание и разумение выражают функцию вместилища — некоторого средства схватывания и вылавливания, идеи или предмета, облаченных в форму, в которой к ним можно обращаться. Техника алхимиков не предполагала, что здесь у нас есть система, а там — психический феномен; скорее, психологическое понятие психик должно было выводиться из себя самого. Это беспечно забыто. Мы изучили юнгианскую систему вкупе с такими понятиями, как «анимус» и «анима», но в том кроется опасность. В сущности, доктор Юнг вывел эти понятия из своего собственного опыта бессознательного, так что здесь сосуд и содержание будут одним и тем же. Мы пытаемся осмыслить психику средствами самой психики — это называется «символическое мышление». Мы не станем полагать, что компульсивный невроз составлен из таких-то и таких-то феноменов, так что его следовало бы лечить таким-то и таким-то образом.

Суть в том, что нам следует определить, каким образом наша психика справляется с проблемой, которую представляет собой таинственная сущность содержащего и содержимого. Алхимики полагали, что обращаться с материей может научить сама же материя. Тем не менее мы располагаем некоторым методологическим арсеналом, в частности толкованием сновидений, и определенное понимание о природе психики и это общее представление можно сравнить с символом сосуда. В отличие от фрейдянцев мы не поощряем пациентов к тому, чтобы они пускали бесконечный поток ассоциаций; для нас скорее важно не упускать из виду символ и мотив, так чтобы они не растворились в бескрайнем море бессознательного. Мы проводим гибкую границу между тем, что туда относится, и тем, что не относится.

Знать, что туда относится, — это вопрос практического умения. Если мы имеем дело с полусознательным комплексом, как, например, в случае девушки, у которой был комплекс сифилиса, мы заталкиваем его обратно в воду нашей ванны, не давая ей расплескаться; детские воспоминания сюда не относятся. Мы остаемся внутри некоего поля, пытаюсь определить решение, отталкиваясь от эмоций пациента. Таким образом, у нас достаточный объем неизвестного, чтобы комплекс мог проявиться, ведь в противном случае мы рискуем затеряться в бескрайности бессознательного. Затем идет сваривание или купание в кипятке, холодная ванна, горячая ванна и огненная ванна. Символизм температуры, конечно же, указывает на эмоциональную интенсивность; тепло — это то, что вызывает у нас эмоцию. Холод ассоциируется с умиротворением; холод — это менее эмоциональное состояние, его также может символизировать влажное покрывало, как бы накрывающее энтузиазм. Вода тоже репрезентирует некоторую эмоцию: морские волны, движущаяся вода. Как правило, это не упоминается. Прохлада может быть связана с разумом.

Вы можете хотеть убедить анализанда, что в этой конкретной ситуации нельзя ничего разрешить, но происходящее необходимо осмыслить. Наихудшие порывы возникают тогда, когда человек сталкивается с неизвестным фактором. Паника деструктивна, это бесцельное возбуждение сродни животному испугу. Всплески паники зачастую проявляются в психозах. Женатый мужчина влюбляется в другую женщину и впадает в панику: «Это конец света! Что же мне делать?!» Резкое возбуждение, связанное с тем, что человек не может справиться с возникшей ситуацией, — весьма опасный внутренний конфликт для личности. В этом случае инструментом успокоения служит осмысление. Можно попытаться привести человека к более широкому пониманию, показав ему,

что источник конфликта — его душа, а не он сам. Если мы можем достичь такого осознания (даже если оно может и не основываться на осмыслении) и мы принимаем решение бездействовать до поры до времени, угроза паники исчезает, сменяясь позицией выжидания. После чего мы можем ожидать появления разумного человеческого решения — вместо деструктивной паники. Человек более всего опасен тогда, когда им овладевает пламенный порыв. Вода в ванне тесно связана с разумением.

В работе Юнга «Психология трансференции» можно найти кое-какие занятные фрагменты, где затрагивается мотив воды и ванны: Юнг приводит огромное количество источников, в которых вода играет такую символическую роль — является источником разумения; автор также проводит параллели с так называемой водой мудрости алхимиков. Юнг упоминает и о необходимости интеллектуального разумения и чувственного отношения к содержанию бессознательного¹.

У меня был случай с женщиной в смертельной панике. Она хотела покончить с собой, и психиатр, с которым мы вместе работали, пытался ее остановить. Я спросила о ее сновидениях, и она сказала, что у нее было видение, в котором она увидела яйцо и услышала голос, произнесший «мать и дочь». Я амплифицировала этот материал, сказав, что яйцо — это зародыш новой возможности и т. д. Ее случай был настолько тяжел, что она не поняла ни слова из моего объяснения, заявив под конец, что она-де была не в состоянии слушать. Я говорила еще какое-то время; она успокоилась и сказала, что, пожалуй, пойдет домой. Тогда я высказала, что ей не следует интернизироваться. Впоследствии она объяснила мне, то она не смогла понять, что я ей сказала, она подумала, что

¹ Jung K.G. Collected Works. Princeton University Press, 1957. Vol. 16. Pars. 453ff. and 483ff.

фрейлен фон Франц расценила сновидение как позитивное.

Достижения понимания вполне достаточно, даже если человек не может прийти к нему сам; температура падает и наступает какое-то умиротворение, и впоследствии, вероятно, пациент придет к пониманию. Архетипическое содержание порой может быть весьма простран-ным, и если пациент не понимает его с ходу, вы никак не сможете донести до него значения этого содержания; тем не менее понимание других оказывает успокоитель-ный эффект.

Лекция 3

В прошлый раз мы обсуждали мотив охлаждающего эффекта ванны. В католицизме говорится о так называемой *aqua doctrinae* (буквально — вода учения), воде, символизирующей успокоительное действие, которое христианская догма оказывает на человеческую душу. Если у нас есть шанс все осмыслить, наши эмоции остужаются и затихают. В сказках часто оказывается, что целительная ванна должна быть очень горячей, и лишь герой способен выдерживать такую температуру, в которой иные бы тут же погибли. В одной из сказок старый король стремится погубить героя при помощи ванны, однако конь героя обладает волшебными свойствами, так что он остужает воду своим дыханием, и герой выходит из воды невредимым. Затем он предлагает королю зайти в ванну, и тот сваривается живьем. Здесь речь идет не об очистительной силе воды, а о тайной магии, которой обладает герой и которая не дает ему свариться в ванне или изжариться в печи.

Горячая вода, по-видимому, обозначает эмоцию: когда, работая с комплексом, мы заталкиваем его обратно в бессознательное, мы предполагаем, что либидо принимает эмоциональное участие во всем происходящем. Зачастую сам комплекс обладает некоторым аффективным качеством, и в таком случае мы можем сварить его в его собственном аффекте. Горячая вода — или эмоция — может проявиться вместе с проецированием, и затем вся эмоция направляется на внешний объект. У анализанда может быть тень, которую он пытается выплеснуть, облившись на другого человека, однако это нужно представить как проецирование, так чтобы анализанду или комплексу пришлось вариться в собственном соку; ведь когда нормальный выход проецирования оказывается закрыт, начинается агония, и так как уже не получается

сделать козлом отпущения внешний мир, человек вынужден сам страдать от воздействия комплекса, который более не находит выхода.

Анализанд может проявлять негативные чувства к своему аналитику, и если последний реагирует на это эмоционально, возникает проблема, но если он держится отстраненно, то эмоция замыкается на анализанде, который сам же от нее и будет страдать. Данный метод не всегда оправдан, ведь иногда нам приходится вступать в эмоциональную игру, но это вопрос правильной интерпретации сновидений и принятия соответствующей позиции, а также знания того, когда эмоцию следует удерживать в анализанде — тем самым как бы помещая его в горячую ванну с комплексом, что всегда сопровождается невероятными мучениями.

В сущности, перед нами образ ада, где вы горите в масле и не можете оттуда выйти. Это происходит с людьми ежедневно, когда они сидят и варятся в собственных эмоциональных комплексах. Этот образ может шокировать даже тех, кто не верит в ад, ведь он тем не менее выражает некоторую психологическую истину.

Внешнее нагревание ванны подразумевает, что эмоция искусственным образом интенсифицирована. Это явно прослеживается в случаях шизоидных расстройств, когда у человека могут быть серьезные проблемы, но при этом он может не испытывать соразмерных страданий. Аффект не проявляется там, где мы ожидаем его встретить, он возникает где-то в другом месте. Доктор Юнг рассказывает о пациенте, который, когда его спросили, что он записал на листе бумаги во время сеанса, ответил, что он записывал, когда он звонил Деве Марии. Если бы нормальному человеку явилась Дева Мария или состоялась беседа, такой человек был бы обескуражен, но шизофреник может говорить об этом как о чем-то совершенно обыденном, как будто речь, к примеру, идет

о его сигаретах. В таком случае или же в случае пациентов с пограничным расстройством ванну приходится искусственно нагревать — это значит, что психотерапия должна приносить эмоцию, которой ему недостает. Например, пациент-шизофреник может грозиться застрелить психоаналитика, даже не осознавая, что он говорит; в таком случае его собеседнику следует выразить некую эмоциональную реакцию, которая шокирует пациента, в свою очередь вызвав у него нормальную реакцию. Если и есть способ разрешить подобную ситуацию, то только через доведение пациента до осознания собственных слов, т. е. через внешнее нагревание ванны и привнесение эмоции, которая не могла возникнуть изнутри, как ей было положено.

В случае шизофрении бессознательное содержание склонно дезинтегрироваться, тем самым утрачивая свое нормальное эмоциональное знание. При неврозе у пациента как бы отключается часть его личности, но при этом его эмоциональные реакции будут по-прежнему адекватны, тогда как в случае психотических расстройств вся сложность состоит в возрастающей склонности к дезинтеграции без соответствующих эмоциональных аффектов. Такие люди могут обидеться на какое-то сделанное вами замечание, при этом не осознавая, что их что-то задело, и аффект проявится лишь через некоторое время. Однажды я сделала замечание, задевшее комплекс анализанда, однако он ушел от меня вполне довольным. Спустя около часа посреди улицы у него внезапно возникла идея, что человек в фургоне хочет его застрелить, и его охватила небывалая ярость — реакция возникла совершенно не в то время и не в том месте. Я отметила, что, должно быть, что-то задело его во время сеанса, поскольку в этом направлении указывало содержание его сновидения, но он ничего не помнил: та часть, которую я задела, была наглухо отключена, так что он вовсе ничего

не заметил. В действительности ему приснилось, что кого-то убили и выкинули в выкопанную в земле яму и что сам труп бесследно исчез, оставив вместо себя лишь какие-то клочки одежды. Таким образом, комплекс превращается в автономное содержание, которое было дезинтегрировано.

В психоанализе ни для кого не секрет, что человеку, переживающему обиду, может присниться, как кого-то убивают, но шизоидный анализанд, не сумевший осознать своей обиды, испытывает небывалую ярость, направленную на водителя фургона. Нам было бы затруднительно отыскать связь и практически невозможно реконструировать то, что за всем этим лежит. Таким образом, в случаях, когда комплекс не выражается адекватной эмоцией, он должен быть дан по ту сторону либидо, дабы предотвратить его дезинтегрирование, чтобы оно достаточно окрепло и сумело принять свою правильную форму; в таком случае нам следует сосредоточить внимание на данной проблеме. Проблема может подавляться, многие годы оставаясь как бы запертой в ящике, и человек может отказываться взглянуть на нее, говоря, что если он это сделает, он может впасть в депрессию. В таком случае он отказывается уделить должное внимание «запертой» части своей личности с тем, чтобы избежать мучений в кипящей ванне.

Benedictio Fontis, церковное крещение, репрезентирует очищение человеческого существа и его преобразование в новую духовную сущность; однако символизм мессы чрезвычайно изощрен, тогда как в сказках мы находим естественный процесс. В субботу перед Пасхой воду для крещения всегда освящают. Священник разливает воду на четыре части, осняя ее крестом, т. е. кровь Христа вытекала из четырехконечного креста, растекаясь по всему миру и устремляясь к новому раю, и вода становится инструментом, способствующим перерожде-

нию душ. Так говорят, что Святой Дух пропитывает воду, подготовленную для перерождения человека, таинственной примесью божественной силы, чтобы вне этой «утробы» божественного источника смогло родиться новое существо и свершилось божественное творение. Люди, отделившиеся в силу греха или пожилого возраста, — все перерождаются в младенчество через Мать-церковь и божественную благодать, и всякий нечистый дух отлетает, не смея прикоснуться к воде. Таким образом, очистившись, человек, возвращается к жизни и освобождается от греха, затем его трижды благословляют крестным знамением. Здесь объединяются мотив очищения и мотив перерождения. Священник держит пасхальную свечу в воде, трижды благословляя ее формой креста. В этот момент свет и перерождающее свойство Святого Духа проникают в воду, и принято считать, что Святой Дух входит в воду для крещения — поэтому люди, проходящие крещение, действительно проходят перерождение.

Действие огня пасхальной свечи, которую опускают в воду, имеет психологический смысл. Мы могли бы сказать, что свет свечи, вероятно, репрезентирует свет разумеющего взгляда, просвещение разума, который проникает в бессознательное и как бы удобряет, оплодотворяет его. Этот аспект, по-видимому, репрезентирует позицию добровольно приносимой жертвы, некоторое сознательное разумение и знание об истине, полученной через погружение в воду, т. е. ее возвращение в бессознательное, откуда разум возвращается окрепшим и преумножившим свои силы. Здесь также присутствует соединение противоположностей — огня и воды, — откуда возникает огненная вода. Воду для церковного крещения часто называют *aqua ignita*, поскольку она, как принято считать, заключает в себе Святой Дух и выражает остальную действительность истины, единство сознательного и бессознательного состояний. Если мы хотим интерпретировать

эту идею, придерживаясь скорее точки зрения церковного учения, нам следует добавить, что во всякой истине католического учения содержится тайна, почему ее интерпретация всегда некоторым образом ограничена: всегда остается какое-то содержание, которое невозможно объяснить в догматических формулах и представлениях. Свет свечи репрезентирует тот неизведанный аспект церкви, объединенный с другим аспектом. Через это символическое свойство затрагивается как сознательный, так и бессознательный аспект сознания участника, придавая истине двойное качество: это символ обновления нашего состояния.

Люди, длительное время проходящие курс психоанализа, не нуждаются в таком подробном анализе сновидений, как те, кто только начинает курс: им достаточно аллюзии, некой параллели с окроплением святой водой. Окропление заменяет погружение в ванну — процедуру, которая может быть неприятной с эстетической точки зрения.

Во время каникул я посмотрела фильм, в котором показывали, как проходит ритуал крещения у мандеев (народ, проживающий на территории между Тигром и Евфратом). Человек погружает в просторную ванну все, что есть в его имении. Сложно не обратить внимания на неэстетический и забавный аспект, когда, например, в воду загоняют козла, и все вокруг оказываются забрызганы грязью и водой. Как известно, становление католической церкви предполагало, что подобные вещи должны быть вытеснены более дифференцированными аспектами, однако, с другой стороны, наблюдая такой ритуал купания, мы оказываемся под впечатлением от исконной жизненности подобного действия. Люди тайно встречаются под покровом ночи, чтобы почитать фрагменты священной книги. Собравшиеся выкапывают яму, и все должны искупаться, а также вымыть всю домашнюю утварь, а затем

наступает время ритуальной трапезы. Хотя это не слишком эстетичное зрелище и в отдельные моменты едва можно удержаться от смеха, этот обычай представляет исконную эмоцию, которая некогда проявлялась в этой церемонии — куда лучше, чем во время более изощренных ритуальных действий.

Не стоит забывать, что погружение в ванну представляет определенный соматический опыт. После длительного периода времени, проведенного в горной хижине, здорово принять освежающую ванну, которая сразу же оказывает живительное воздействие, — такой опыт недоступен нам в нашей обыденной жизни. В психиатрии ванны процедуры применяются в случае легких кататонических состояний и депрессий, поскольку массаж и купание оказывают живительное действие на тело и стимулируют циркуляцию крови.

Теперь же мы обратимся к мотиву съедения цветка — еще одного странного мотива, встречающегося в волшебных сказках. В романе Апулея «Золотой осел» герой превращается в осла, и он может освободиться от заклятия, только если съест розу. Автор позаимствовал этот мотив из фольклора. Сюжет, в котором человек, превратившийся в животное, может вернуть свой истинный облик, только если съест какой-то цветок, встречается у народов всего мира. Заветным цветком необязательно должна быть роза, это может быть лилия; у разных народов могут быть различные интерпретации этой истории. Простое германское сказание повествует о муже, который признается в любви прекрасной дочери ведьмы и отправляется на войну. Мать и дочь подозревают молодого человека в неверности, и когда тот приходит домой по окончании войны, ведьма и ее дочь превращают его в осла. Долгое время ему приходится таскать мешки мельника, пока в один прекрасный день, проходя мимо ведьмино дома, он случайно не услышал, как дочь спрашивает мать,

не следует ли им превратить его обратно в человека; так он узнает, что снова превратится в человека, если съест цветок лилии. Так он и делает — и превращается обратно. Он предстает перед людьми в полном неглиже и принимается объяснять, что же произошло. Такова исходная, простая версия истории, на которой основан роман Апулея.

Сперва нам следует обсудить, что означает превращение человека в животное. Различным животным соответствуют разные типы инстинктивного поведения; если бы тигр начал вести себя как белка, мы бы назвали его поведение невротичным. Если человек превращается в животное, это означает, что он оказался вне собственной сферы инстинктов, отдалился от нее; в таком случае нам следует обратить внимание на то, о каком именно животном идет речь. Возьмем, к примеру, осла — это одно из животных, связанных с богом Дионисом. В Античности было принято считать, что это животное похотливое, упрямое и в известной степени глупое. Осел также относится к животным Сатурна, и, соответственно, он наделен сатурническими качествами. Сатурн в поздней Античности отождествлялся с богом иудеев, и во многих дискуссиях, разворачивавшихся между христианами и нехристианами, как христиан, так и иудеев осуждали за поклонение ослу. Таким образом, превращение в осла указывает на одержимость человека подобными качествами; иными словами, это значит, что он подпал под воздействие определенного комплекса, который навязывает ему подобного рода поведение. В истории Апулея, очевидно, вся подоплека выстраивается вокруг сексуального импульса. Мужчина вступает в сексуальную связь с кухаркой, утопая в вожделении. Кроме того, с Сатурном также связывают образ меланхолии.

Депрессии и меланхолия зачастую скрывают за собой некое сильное желание. В начале курса психоанализа

пациент зачастую пребывает в подавленном состоянии: жизнь не имеет смысла, он полностью лишен ощущения какого-то активного участия в жизненных событиях. Усугубляясь, это состояние может привести к полной неспособности. Человек в совсем молодом еще возрасте может оставлять впечатление озлобленного, замкнутого старика или старухи. Погружаясь в такое чернушное настроение, мы обнаруживаем, что за ним в действительности скрывается всепоглощающая жажда любви, или небывалого богатства, или обладания верным спутником, или жажда быть «самым главным» и т. п. За таким меланхолическим затворничеством мы зачастую нащупываем, словно в потемках, какую-то сквозную тему, которая все всегда усложняет: если вы подаете такому человеку хоть тень надежды, то лев, так сказать, раскрывает свою пасть, и вам придется отступить; тогда он снова замыкается в себе, и из раза в раз будет повторяться одно и то же. Либо все — либо ничего. Человек колеблется между депрессивным замыканием в себе, с одной стороны, и предъявлением чрезмерных требований — с другой. Это весьма характерно для *нигредо*, о котором говорят алхимики, — с их символикой черных туманов и парящих над ними воронов; как говорят алхимики, «все дикие животные проходят мимо». Кроме того, в переходном¹ состоянии от *нигредо* к *альбедо* вереницей проходят все дикие животные, какие только могут быть: сексуальность, власть, инфантильные влечения и пр.

Таким образом, превращение в животное означает, что человек не живет в гармонии со своими собственными инстинктами — он частично охвачен неким односторонним инстинктивным влечением, нарушающим его равновесие. Сложнее, если — как это часто бывает в сказках — в животное превращен не герой, а, скажем, его

¹ В английском тексте, по-видимому, допущена опечатка: не traditional stage, а transitional stage. — Прим. пер.

анима, а герой должен ее освободить. В сказке братьев Гримм «Золотая птица» героя всегда сопровождает лис, который всегда дает ему верный совет и приходит на помощь. Герой благополучно женится на принцессе, и затем в один прекрасный день приходит лис и просит отрезать ему голову и лапы. Герой отказывается. Лис уходит, но затем возвращается вновь с той же просьбой. С тяжелым вздохом герой соглашается, и лис превращается в прекрасного принца, который оказывается братом принцессы и который отныне свободен от злых чар.

Если в сновидении в животное превращаетесь не вы, а какой-то другой человек, вероятно, дело в том, что ваш комплекс эго перекрыт каким-то другим комплексом. Предположим, что человеку снится, что любимая женщина — его анима, превращается в черного пса, т. е. аниму, которой должно соответствовать поле человеческого опыта, человеческое выражение (внутренняя жизнь, достигшая человеческого уровня), заполонило некое влечение, так что она регрессировала в некую дочеловеческую форму выражения через воздействие внутренних комплексов.

Если персонификацией анимы выступает человеческое существо, все эмоциональные реакции и настроения анимы человека, тон и форма, через которые он привлекает других женщин, сперва находятся на уровне «человекообразной» женщины. Но потом злой колдун или колдунья накладывает заклятие на аниму, превращая ее в черного пса, — а это означает, что какой-то другой, совершенно бессознательный комплекс отравил аниму своим содержанием, оказывая на нее деструктивное или вредное воздействие. На задворках сознания вы не в силах что-либо предпринять до тех пор, пока не вмешается эго, поэтому заколдованное животное нуждается в помощи героя, чтобы избавиться от настигнувшего его состояния, иными словами, оно не может освободиться са-

мостоятельно. В европейских волшебных сказках волшебник, как правило, репрезентирует темный аспект образа Господа, который не был признан в коллективном сознании. Волшебник наделен всеми характеристиками темного языческого божества, может быть, Вотана, или тролля, или горного демона, или какого другого кельтского, дохристианского божественного образа. Поэтому можно сказать, что такие божества репрезентируют аспект божественного образа, который не был принят сознательно, а значит, какое-то время жил в тени; ему присущ бессознательный *Weltanschauung*¹, точка зрения или философия жизни, которая оказывает влияние на аниму. У человеческой анимы частенько бывает собственный *Weltanschauung*, и людям бывает сложно это понять.

Человек² вполне может описать собственную аниму, ему хорошо известны ее реакции, однако сложность состоит в том, что анима является не только выражением его настроений и чувств — она также наделена собственным *Weltanschauung* и собственными этическими стандартами. Если его аниму привлекают прекрасные, раскованные женщины или юные девушки, то для него будет ясно, что его чувственной жизни свойствен весьма наивный взгляд на жизнь и что она не столь сдержанна (*inhibited*), как его сознательное мышление; но хуже всего то, что, если он пытается приблизиться к комплексу юной анимы, это наложит на него проблему, связанную с *Weltanschauung*, а это, в свою очередь, может пошатнуть его сознательное состояние. Если мужчина обнаруживает, что его анима постоянно желает, чтобы он соблазнял юных девиц, то анима оказывается не только выражением настроения, но также стремится к поступкам

¹ Взгляд на мир, мировоззрение (нем.).

² В английском тексте фигурирует слово «man»; в данном фрагменте также был бы уместен перевод «мужчина». — Прим. пер.

и мыслям, которые противоречат *Weltanschauung* этого человека, — возникает серьезная проблема. Он может принять любовь красавицы и юную жизнь, но он не может принять то, что ему придется делать, если он последует за ней.

Таким образом, анима является носителем иного *Weltanschauung*. В нашем обществе она частенько оказывается язычницей; она любит красоту жизни, красоту природы — как в ее благих, так и в недобрых проявлениях. Таков ее *Weltanschauung*, и такова связанная с ней специфическая проблема.

Она ставит под сомнение всю сознательную позицию человека. В действительности проблема состоит в том, что его анима подпала под воздействие какого-то другого комплекса и он должен сперва справиться со злым волшебником и его негативным воздействием, сказав: «У меня один *Weltanschauung*, а у моей анимы — другой». В этом кроется самая серьезная проблема для человека, поскольку проблема *Weltanschauung* для него куда важнее, нежели проблема чувств.

Допущение о наличии другого комплекса, помимо анимы, оправдывает тот факт, что в сновидениях анима зачастую выступает изменницей, скрывающей другого возлюбленного, и тогда человеку снится ревность. Это своего рода послание от бессознательного, в котором сообщается, что анима связана с другим комплексом в бессознательном, а вот что есть анима и что это за другой комплекс — нам еще только предстоит выяснить.

Возьмем, к примеру, человека, который в своей сознательной жизни нисколько не амбициозен: он относится к мирному, ленивому типу людей, которым не хочется переусердствовать, но у него есть амбициозная тень, которая остается невидимой для его сознания и благодаря которой он всегда западает на женщин, которые сулят сделать из него великого человека. Из-за этой бессозна-

тельной амбиции он постоянно увлекается такими женщинами, которые пускают в ход известную наживку для мужчин — обещая стать для них анимой-вдохновительницей, дать ему крылья, на которых он сможет взмыть на самую вершину. Этому человеку снится сон, в котором его анима сбегает с очень амбициозным и неприятным парнем. Его анима была отравлена его амбицией. Как только он сознает свою амбицию, ему перестают нравиться такие женщины. Это была его бессознательная амбиция, и он смог с ней справиться. Но если у анимы есть свой *Weltanschauung*, то это потому, что она отравлена каким-то мужским комплексом, анима в мужчине — это импульс, направленный к жизни либо за ее пределы. Она как бы заплетает его в жизни и расплетает его из нее, но у нее нет своего отчетливого *Weltanschauung*, или если он у нее есть, то этот *Weltanschauung* непременно оказывается парадоксальным: и да и нет. *Weltanschauung* здесь является некой сконностью, существующей в бессознательном, которая не может выйти в область сознательного, и посему ей только и остается, что захватить аниму. За одним комплексом всегда оказывается другой, поэтому было бы вернее говорить о *Weltanschauung* анимы, который проявляется в виде ее неверности: она сбегает с другим мужчиной — его собственной бессознательной характеристикой, которую он не замечает. Затем мы сталкиваемся с новой проблемой: аниму необходимо освободить от деструктивного воздействия, а злого волшебника — убить.

В европейских сказках анима попадает в когти дьявола, и затем герой и анима должны бежать от дьявола, пока они не доберутся до безопасного места. Герой должен вырвать свою аниму от дьявольского влияния бессознательного.

Следующий вопрос: почему злой волшебник бросает на аниму животную кожу? Он делает это, накладывая

на нее заклятие, а затем вместо прекрасной дамы вы встречаете черного пса.

В истории с ослом ведьма бросает кожу на самого героя. Человека можно закодовать, пробегая мимо и бросая на него кожу. В сказке братьев Гримм «Шесть лебедей» сестра должна сшить рубашки, которые должны быть готовы к определенному сроку; эти рубашки необходимо накинуть на братьев, которые тогда превратятся обратно в людей. Но так как она не успевает сделать один рукав, младший брат остается с одним крылом. Таким образом, персонажа можно закодовать или освободить от заклятия, если накинуть на него какую-то кожу. Набрасывание кожи также является одним из способов наложения заклятия. В частности, это значит, что комплекс психики, обладающий человеческими средствами выражения, настолько депотенциализован, что у него остаются лишь животные средства выражения. Для этого всегда есть причина, но иногда она может быть прямой или же непрямой.

Этот комплекс зачастую сопровождается ощущением некоторой «загнанности», благодаря которой человек словно лишается дара речи. Он может совершенно точно знать, что ему хочется сказать касательно какой-то проблемы, когда он наедине с собой, для него все предельно ясно, но только лишь он оказывается в соответствующей ситуации, его переполняют эмоции, и он только и знает, что заикается да изъясняется жестами — он лишен способности выражаться по-человечески. Если он с кем-то спорит в тот момент, когда он начинает говорить, он не может и слова сказать, поскольку его останавливает его этическое сознание и он в буквальном смысле начинает вести себя как осел: все, что он может сказать, — «и-а»! Это подводит нас к небезызвестной теме писем: ведь как только анализанд оказывается дома, он понимает, что он хотел сказать, хотя во время сеанса он только

«и-акал» или валял дурака, начинал странно себя вести или говорить бессвязные вещи. Вот такое притупляющее, ошеломляющее действие оказывают эмоции.

В подобном случае потенциально человеческое в этом анализанде как бы заталкивается обратно в эмоции благодаря вмешательству другого комплекса, и он оказывается в состоянии, в котором ему доступен лишь «животный» способ самовыражения. Как правило, это либо прямо, либо косвенно обусловлено предрассудками в сознательной позиции эго — неправильной позицией эго, которая не оставляет человеку возможности адекватно самовыражаться. Он не способен услышать, что там ему хочет сказать анима. Такой человек мог бы сказать об аниме, что она есть не что иное, как сексуальность.

Если вы думаете, что анима — это «не что иное, как», то, что вам о ней известно, то вы лишены восприимчивости человека, готового выслушать, — так что она становится «не чем иным, как» грузом бушующих эмоций; вы не оставили ей никакого шанса для самовыражения, и поэтому она стала такой «бесчеловечной» и грубой. Поэтому доктор Юнг обращался к активному воображению как средству разговора с комплексом: вы просите черного пса войти в комнату и заводите с ним беседу, внимательно выслушивая, что он вам говорит. Тогда вы увидите, что ощущение перегруженности исчезает и его замещает некто более или менее человекообразный, с кем вы можете побеседовать и выяснить, что собой представляет злой колдун. До этого момента человек отвергал аниму, и колдун на ней отыгрывался — это как убить жену или ребенка человека, чтобы до него докопаться. Можно сказать, что в подобных случаях эго как-то заблокировало один комплекс другим, и тогда в качестве своего рода мщения человек оказывается заколдован. Если за анимой стоит языческий *Weltanschauung*, то человек должен будет

поставить под вопрос и переутвердить собственные установки: «Почему в моей душе возникают подобные идеи?» Тогда воздействие на его аниму прекратится и он поймет, что сама по себе она вполне безобидна.

Мне вспоминается один мужчина, который в своем сознательном поведении был очень рационален; в ранней юности ему довелось пережить огромное потрясение; он был тогда еще подростком. Его мать скончалась от рака; она умирала медленной и очень мучительной смертью, и мальчику приходилось наблюдать, как его возлюбленная мать медленно чахла у него глазах. Если раньше он был оживленным и темпераментным, то теперь он стал тихим и сухим, уподобляясь своему чрезмерно рациональному отцу, при этом вся его вера в жизнь исчезла. Чего он не сознавал, но что было выявлено при анализе его снов и видений, так это то, что он бессознательным образом пришел к заключению, что благого Бога не существует: если столь чудесное и невинное создание, как его матушка, обрекли на смертельные страдания, наслав на нее такую ужасную болезнь, значит, Господь должен быть в ответе за это. Ему не доставало бы религиозно-философской глубины, чтобы сознательно проделать такое умозаключение, но он вывел его бессознательным образом, и с тех пор он по жизни руководствовался этой идеей: «Я знаю, что так или иначе мир устроен несправедливо и жизнь полна зла», однако его сознательную позицию можно было охарактеризовать как рациональный скептицизм.

Первым явлением в его сновидениях была невероятно живая анима, демонстрировавшая плодovitость античной богини Венеры. Его тревожили сексуальные фантазии, в сущности, совершенно нормального характера. Например, ему могла сниться женщина, стоящая у изголовья его кровати, соблазняющая его своими прелестями; или дионисийские праздничные пиршества. Наяву

он был довольно аскетичным человеком, который совершенно не умел получать удовольствие от жизни; если он бывал на вечеринках, все его избегали; тем не менее его аниме был не чужд языческий опыт и чувственность. Я поощряла его к тому, чтобы он следовал за своей анимой: я говорила ему, что, если он увидит девушку, которая будет соответствовать картине, ему следует что-то предпринять. На какое-то время это подействовало, но затем перестало. Что именно его останавливало — невротический механизм или что-то другое? Я следила за тем, на что указывали его сновидения: иногда они говорили ему позвонить девушке, иногда — не делать этого.

Как-то раз он пришел ко мне под конец семестра и рассказал такой сон: прекрасная обнаженная женщина со сказочно красивой фигурой подходит к его кровати, показывая какие-то знаки и жесты и соблазняя его, но как только он попытался ее схватить, она тут же исчезла. Затем та же прекрасная женщина спустилась на лестничную клетку, точно Моисей, неся в руках скрижали, на которых были вырезаны слова: «Меня ты не получишь». Я был так разочарован и озадачен, что ответил: «Да, это уж точно». Но затем он впервые осознал, что такое анима! Придя на следующий сеанс, он сказал: «В прошлый раз вы совершили чудо! Теперь я понял, что такое анима!» Насколько я могла рассудить сама, я и не заметила, что добилась какого-то результата, но он сумел понять парадоксальную природу анимы. Он также понял, что все в его руках и что он должен был принять решение, взять все в свои руки — он внезапно осознал, что должен был что-то предпринять. Он сказал: «Ну ее в пекло — эту аниму с ее двойной игрой, я пошел работать, буду писать картины!»

Во всех его картинах и внутренних видениях появлялась темная, дьяволическая, божественная фигура, которая нападает на него, темное божество, и он понял, что

в этом и была подлинная причина его депрессии. Он всегда хотел всего и сразу, предаваясь детским мечтаниям о том, что найдет прекрасную девушку, но потом забросил эти мечты и смирился. Его депрессия была подобна состоянию фрустрированного ребенка. Теперь он вдруг понял, что за всем этим стоял его пессимистический *Weltanschauung*, что он не верил в жизнь, не верил в Бога и что он должен переосмыслить свои представления о Боге. Ужасная болезнь его матери затронула ее мозг; он видел, что с ней происходило, и, наблюдая ее страдания, он бессознательно пришел к умозаключению, что вовсе нет никакой психики. Нам пришлось подробно разбирать весь его *Weltanschauung*: его анима свелась к образу падшей женщины, которая также была порочна, и причина ее порочности заключалась в каком-то другом блоке, поскольку анима, как правило, — сущность, безразличная к морали. Хотя она достигла уровня сознания, единственный доступ моего пациента к его аниме имел весьма примитивную форму — грубого сексуального нападения, то бишь животную форму. За всем этим стояли самые что ни на есть человеческие чувства, однако он не сумел развить какого-либо способа их выражения. Хотя он был способен полюбить женщину, он не знал никакого иного способа выражения своих чувств; его анима была заколдована таким образом, что он был движим своими материалистическими представлениями.

Если вы убеждены в том, что секс сводится к гормональным процессам, протекающим в вашем теле, тогда секс становится чем-то механическим, чем-то сродни вождению автомобиля, лишенным какого-либо значения психологического, исполненного чувствами отношения. Этот человек был наказан за свои ошибочные представления временной импотенцией, его тело как бы говорило ему: «Если, по-твоему, я просто машина, то машина эта больше ездить не будет!» Ошибочная сознательная пози-

ция вылилась в психогенную импотенцию. Его сознательная позиция состояла в том, что если вести себя должным образом, то тебе гарантировано человеческое счастье; но его мама была счастлива и добродетельна, и ее жестоко погубили — ведь именно таково было его переживание смерти матери. Тем не менее в своем сознательном представлении он по-прежнему верил, что Господь всеблагой и что жизнь должна сулить ему счастье. Он никак не мог взять в толк, почему же он не может получить желаемое, — так он пришел к заключению, что *для него* все обстоит иначе. *Ему одному* ничего не светит, и он решил смириться с этим, перестать стремиться чего-то добиться от жизни; над ним навис свинцовый покров смирения, а вместе с ним — небывалая горечь, и его законное желание чувств стало подавляться. Он никогда всерьез не задумался над собственными мыслями. Он не относился к сильно умствующему типу людей и быстро смирился с мыслью, что его жизнь такова. Он даже испытывал чувство вины, полагая, что, должно быть, он очень плохой человек, раз его судьба столь печальна. Поэтому ему пришлось признать, что у Бога есть темная сторона.

Стоит задуматься о том, какими последствиями может грозить принятие того факта, что Господь вовсе не доброжелательный детсадовский воспитатель! Даже христианское учение гласит, что Господь в известной мере непостижим, и если вы способны принять это, то сможете перерасти детское представление о том, что если вы вели себя хорошо, то все у вас будет прекрасно. Этот человек избавился от своего инфантильного механизма, став в своей сознательной жизни более серьезным и грустным, но менее желчным и меланхоличным. Благодаря осознанию этого темного образа он снискал некую мудрость. До этого он был весьма критичен в отношении человеческих реакций, но, осознав темную сторону Бога и нестабильное положение человека, он стал более тер-

пимым и понимающим, ведь теперь он осознал, что все мы несчастные бесы, борющиеся с непростой судьбой, начало и конец коей нам неведом. Так, он стал принимать то малое счастье, которым мы можем наслаждаться в большей мере, если мы знаем, что жизнь — ухабистые потемки; он даже развил в себе некоторое чувство юмора, которое ранее не было ему свойственно.

В таком случае можно было бы сказать: «Страх перед Богом есть начало мудрости». Он получил нечто равноценное его снам, ведь он сумел углядеть некую красоту жизни и ее значимости, так сказать, в более скромных масштабах, коль скоро ему удалось избавиться от своей инфантильной жадности и от идеи, что ему что-то должны. Одной из его собственных теневых фигур был гангстер: если вы полагаете, что все в жизни окрашено в негативные краски, то гангстерский взгляд на жизнь будет верным! Так, хотя в сознательном состоянии он был весь из себя такой правильный, он всегда грезил о гангстерской тени: раз уж жизнь — тлен, значит, нужно хватать пистолет и грабить! У него была и другая тень — человек, всецело преданный чувственными удовольствиям, который жил, только чтобы есть и пить. Этой фигуре нравилось обзаводиться подобными ей самой товарищами во внешней жизни. У нее был приятель, заядлый пьяница и обжора, чей *Weltanschauung* был точь-в-точь как у самой этой фигуры. На все его бессознательные комплексы воздействовал образ, порожденный испытанным им шоком, который произвел фигуру гангстера и пьянчуги-патерналиста, равно как и его ресентиментное отношение к калекам, ведь он проектировал на других то искалеченное, что он нес в собственной душе.

Лекция 4

В прошлый раз мы говорили о том, что может означать превращение содержания коллективного бессознательного в животное, и в наших обсуждениях мы зашли в тупик, поскольку в нашей истории нам сперва предстоит выяснить, почему происходит превращение фигуры анимы, или, иначе говоря, почему на нее накладывает заклятие фигура дьявольского старика. Я попыталась объяснить, что анима может подпасть под влияние бессознательного *Weltanschauung* (мировоззрение или позиция) и что это влияние, эманлирующее из души этого человека, может воздействовать на прочие комплексы. Это предполагает, что комплексы человеческой психики представляют собой не просто некую связку элементов, но и то, что им присуща своего рода социальная организация; что они могут влиять друга на друга и брать верх одна над другой; что их централизация обуславливается архетипом Самости. Если это так, то вполне можно представить, что одни комплексы действительно могут влиять на другие, подавлять их или перетекать в другие комплексы.

Опираясь на взятый нами пример, мы предложили интерпретацию сюжета с заколдованной принцессой, которая под действием чар, наложенных на нее злым колдуном, творит всякие злые дела. В рассматриваемом случае аниму заколдовал дух скандинавской природы (троль), обитающий в горах (другие тролли живут в море).

До сих пор мы не разъяснили мотив животной кожи, но сперва я хотела бы предложить вашему вниманию некоторые теоретические размышления доктора Юнга касательно психики, заимствованные из его работы под названием «О природе психе»¹.

¹ Jung K.G. On the Nature of the Psyche // Collected Works. Princeton University Press, 1960. Vol. 8. Pars. 414ff.

В этой работе Юнг пытается дать описание так называемой психе, сравнивая ее с палитрой красок, спектром с двумя полюсами — инфра-красным и ультрафиолетовым. Он говорит, что, естественно, мы могли бы сказать, что все есть психе, но он скорее склонен считать, что существует такой феномен, как материя, и она отлична от психе, ведь хотя они и взаимосвязаны, нам совершенно неизвестно, каким именно образом. Этот вопрос относится к области исследования физиков — он не относится к психологии. Еще одно понятие — дух; его можно определить как тот элемент, который возникает в психе в качестве проявления порядка и который также одновременно возникает в материи.

Всякий раз, когда мы наблюдаем феномен осмысленного порядка, мы предполагаем, что за ним стоит этот дух. Мы не можем доказать существование такой вещи, как дух, так что мы просто определяем его через тот неизвестный элемент, который создает порядок. Мы не можем непосредственно наблюдать или описать ни материю, ни дух. Как вам известно, материя тождественна энергии, и оба этих феномена являются неким X для физика, который может описать поведение материи, но не может определить ее сущность. То же самое верно в отношении материи, однако в психе мы можем наблюдать некоторую активность, создающую порядок, и, следовательно, мы допускаем, что существует некий источник этой активности — этот источник мы называем духом. Таким образом, материальной составляющей в человеке будет тело, духовный же аспект будет составлять сумма архетипов, поскольку архетипы, согласно нашей точке зрения, суть неизвестные элементы, которые проявляются через установление определенного порядка в области нашей психики.

Не следует путать архетип с образом или символом: архетип — это неизведанный фактор, производящий архетипический образ. Мы лишь предполагаем существова-

ние той реальности, которая создает этот образ. Мы предполагаем, что такой феномен существует, ведь должно же быть что-то, что создает этот образ, но мы не можем доказать, что речь идет о некоей отдельной сущности. Базовая структура, создающая эти образы, — это и есть то, что мы называем упорядочивающим духом, или архетипами.

Наблюдая за поведением животного, мы можем описать его лишь внешним образом. В учебнике по зоологии мы читаем, что пчелы строят свои соты определенным образом, пчелиная матка ведет себя так-то и так-то и т. д. Здесь описывается физическая активность насекомого или зверя, свойственные им паттерны поведения, однако если мы предположим, что такое поведение является осмысленным для пчелы, то мы будем что-то на них проецировать. Мы можем лишь утверждать, что нам кажется, что они действуют таким образом, у нас ведь нет средств, позволяющих нам увидеть, как все это выглядит с точки зрения животного. Нам неизвестно, какие эмоции испытывает пчелиная матка, откладывая свои яйца. Мы можем много всего предполагать, но не можем провести научного наблюдения.

Если мы взглянем на более сложно организованные животные организмы, то пока кажется вполне вероятным, что они испытывают чувства, схожие с нашими. Я беседовала на эту тему с Конрадом Лоренцом, и, по его словам, он убежден, что это именно так, хотя он и не может этого доказать. Любой, у кого какое-то время была собака или другой питомец, относящийся к высшему животному виду, был бы убежден в том, что, действуя в соответствии с тем или иным инстинктивным паттерном поведения, они испытывают чувства, вполне сравнимые с нашими. Например, когда моя собака была щенком, бывало, изображала, будто роет ямку, чтобы спрятать в ней кость, насыпая затем поверх нее несуществующую зем-

лю. Прodelав это, она принималась бегать взад и вперед по комнате, тем самым показывая, что она довольна. Вот она опять проделала что-то, следуя своим инстинктивным паттернам, — и я могу лишь сказать, что, как мне кажется, она в полном восторге от этого, но доказать я этого не могу. Насколько сильно развита у собак способность визуализации и воображения? Они могут воображать щенков! Человека тоже можно подробно и точно описать, запечатлеть мельчайшие детали его физического поведения.

Лоренц постоянно видит в нас обезьяну; он исследует, какие части тела мы почесываем правой или левой рукой — ведь это один из наиболее устойчивых паттернов животного поведения. Большинству животных присущ определенный способ чесания, и также можно выделить определенные части тела, которые они чешут каким-то особенным образом. В этом открытии, совершенном зоологами, интересно то, что такие чесательные паттерны более устойчивы и сохраняются даже дольше, чем строение органов тела. Природе проще было бы изменить органы тела, чем паттерн поведения! В связи с этим Лоренц упоминает одну птицу, которая с течением веков потеряла свои крылья, а вместе с ними, разумеется, и способность летать. Большинство птиц при чесании задирают лапку над крылом, и хотя у этой птицы нет крыльев, она тоже проделывает эту сложную манипуляцию, когда хочет почесаться, что подтверждает вышеприведенную теорию. Зоологи даже могут определять, к какому виду принадлежит зверь или птица, основываясь на том, как они чешутся. Человеку также присущи определенные паттерны поведения, например, когда мы пытаемся развить какую-то мысль, мы инстинктивно делаем определенные жесты. Многие в нашем поведении до сих пор исходят из нашей животной природы. Мы могли бы собрать все эти паттерны, проявляющиеся в нашем повседневном по-

ведении, равно как и в поведении животных. Наше отличие состоит в том, что нам посчастливилось иметь способность наблюдать, что происходит внутри нас, пока мы проделываем все эти вещи; мы можем наблюдать за собой как внешне, так и изнутри — чего мы не можем сделать в случае с пчелиной маткой или собакой.

Поэтому доктор Юнг проводит следующее различие: в нашем теле укоренены инстинкты, определяемые как действия или типы действий. В то же время, пока мы осуществляем такие инстинктивные действия, у нас рождаются ментальные образы, эмоции и т. п., которые мы переживаем как бы «изнутри». Эти эмоции, мысли и ментальные образы носят такой же типический (*typical*) и коллективный характер, как и модусы действия. Иногда наш опыт имеет более явные проявления в физическом измерении, в самом инстинктивном действии а иногда — в сопровождающих эти действия фантазиях и эмоциях. Например, вы можете совершать какое-то действие в физическом измерении и при этом вы настолько всецело поглощены этим делом, что у вас практически полностью отсутствует психологически сознательная реакция. Как правило, когда вы едите, у вас есть какие-то внутренние ощущения, но если вы уж очень сильно проголодались, вы можете оставаться в бессознательном состоянии, пока не проглотите какое-то количество пищи; тогда вы очухаетесь и более явственно ощутите в себе обезьяну, которая только что схватила кусок и съела. Сперва реакции у вас отсутствовали, растворившись в вашем действии — приеме пищи; в этот момент вы были как бы стопроцентным животным. Другой пример: когда вы сидите задумавшись за своим письменным столом, вы полностью сконцентрированы в этом архетипическом полюсе, за исключением разве что некоторых инстинктивных чесательных движений, в остальном в вашем физическом измерении царит относительное бездействие.

Как правило, мы балансируем между этими двумя полюсами. Ощущение жизни протекает между этими полюсами, и всю жизненную активность в этой области мы назвали бы «психической», включив сюда сознательное вкупе с бессознательным. Между этими двумя полюсами есть скрытая связь. К примеру, мы можем наблюдать это особенно явно, когда люди выполняют какую-то творческую работу: мысль или задумка не всегда возникает непосредственно в уме — иногда она может появиться благодаря какому-то телесному действию. Когда вы пытаетесь рисовать, образ может сперва возникнуть исключительно в физическом измерении, и лишь затем он будет представлен на бумаге. Анализандам иногда удается выразить нечто лишь при помощи жеста, и делая этот жест, они осознают психическое содержание; они не знают заведомо, что из этого выйдет, но они должны следовать за своим ощущением. С другой стороны, если в одном из измерений происходит какое-то торможение, скажем, в случае мужской импотенции, когда физический инстинкт не срабатывает, очень часто, приведя в порядок свои мысли касательно сексуальности, иначе говоря, решив проблему в мысленном измерении, можно все наладить и в другом измерении. Значит, одно измерение может активировать другое. Вероятно, они составляют один и тот же жизненный феномен.

Мы не располагаем абсолютной свободой выбора в плане того, на каком из измерений должен стоять акцент. Например, X влюбляется в Y. В сущности, здесь возникает альтернатива: на каком уровне будет переживаться это отношение — на платоническом или на физическом. Современные мужчины пребывают в заблуждении, что могут выбирать, следует ли им, скажем, переживать архетипическую идею единства противоположностей физическим способом или предпочесть духовный способ, или же выбрать промежуточную область, включающую

и то и другое. Казалось бы, все в руках индивида. Однако если вы проанализируете сновидения людей, оказавшихся в подобной ситуации, вы увидите, что бессознательное зачастую занимает весьма определенную позицию касательно того уровня, на котором должна проживаться влюбленность, утверждая определенные табу против того или иного измерения. Если индивид совершает ошибку и решает пережить этот паттерн не на том уровне, все отношение может полететь в тартарары. Индивид может, к примеру, решить для себя, что будет переживать этот опыт в духовном измерении, и тем самым заработает себе невроз. Решение принимает бессознательное — это не вполне наш собственный выбор. Нам остается наблюдать за сновидениями, чтобы суметь разобраться в себе. Иногда мы можем обнаружить некоторое колебание от одного полюса к другому.

На ошибку в удержании неправильного баланса могут указывать различные ощущения; в случае чрезмерного отклонения могут возникнуть невротические симптомы. Следовательно, должен быть какой-то неизвестный регулирующий фактор, определяющий уровень или поле, где нам следует переживать данный опыт. Вероятно, этот регулирующий центр совпадет с общим регулирующим центром индивида, т. е. с Самостью. Если мы принимаем эту идею, нам становится ясным действительный смысл заклатья, превращающего человека в животное: речь идет об ошибке — нарушении баланса, перевешивающего в сторону полюса телесности, т. е. инфракрасного полюса. Какое-то событие, которое следовало бы переживать скорее в психическом или духовном измерении, нам приходится переживать через животный паттерн. В случае теплокровного животного, если содержание бессознательного персонифицировано неким существом, демонстрирующим животное поведение, хотя оно не должно себя так вести, это указывает на наличие какой-то психо-

логической идеи, которую нам следует переживать в промежуточном измерении, но по определенным причинам эту идею вытолкнули к одному из полюсов — это нарушение нам и следует разобрать.

В волшебных сказках этот феномен представлен через образ человека, на которого надели или накинули шкуру животного, так что этот человек проявляет себя лишь как животное. Нам следует задаться вопросом, почему это так. В случаях, встречающихся в практике, как правило, такие дурные отклонения происходят потому, что индивид сознательно придерживается представлений о жизни, которые не согласуются с его собственными предрасположенностями; как раз в таких случаях может помочь психотерапия. Разобравшись в сознательно принимаемой позиции, мы можем устранить отклонение, тем самым восстановив общие ценностные представления индивида.

Заклятие может превратить индивида в хладнокровное животное или в птицу, которая улетает прочь, так что ее нельзя поймать. Как правило, птицы в силу своей изворотливости и неуловимости представляют фантазии или духовное содержание психе — отсюда и представление о том, что у душ мертвых есть крылья и что они могут являться в облике птиц. Таким образом, если человек превращается в птицу, можно сказать, что нечто выражается лишь в виде идеи, тогда как это должно переживаться как полноценный человеческий опыт.

Мы склонны формировать общие представления о жизни и о действительности, за счет чего блокируется либо один, либо другой полюс. Если вы аскет или христианский монах, то вы будете стремиться заблокировать телесный полюс, чтобы избавиться от переживаний в этом измерении. Вы можете приблизиться к грани опыта (*go to the fringe of experience*), но в конце концов существует табу. Если вы коммунист, придерживающийся ма-

териалистических взглядов, вы будете блокировать духовный полюс, будучи убежденным в том, что никакой психе вовсе не существует и что значение индивидуальной жизни — это блажь: вы состоите только из тела и некоторого набора типичных реакций. В этом случае блокируется архетипическое поле, и вы следуете предубеждению или сознательно полагаете, что все обстоит именно так. Если вы не получите невроз, то у вас будет *Weltanschauung*, который согласуется с вашим решением; но если вас покарала беспокойностью и пр., то вам необходимо разобраться, действительно ли вы живете так, как вам следует жить. Таковы крайности, по которым вы можете определить эти два противоположных полюса. Большинство людей живут между двумя крайностями. Если что-то где-то блокируется и если духовной сущности хочется чего-то, вам может сниться, что какой-то призрак хочет вселиться в другое тело, чтобы переродиться в другое существо, и в этом случае вы можете заключить, что на одной из сторон спектра есть некое активировавшееся содержание, которое стремится проникнуть в человеческую сферу.

У китайцев есть одна легенда о духе суицида. Некоторые жители китайских провинций верили в существование духа суицида, который, убив одну жертву, тут же отправляется искать следующую. У детей или примитивных народов бытует поверье, что если человек (в особенности если речь идет о ребенке) совершает самоубийство, то возникает угроза своего рода цепной реакции, так что идея суицида, точно зараза, может распространиться на сотни жертв. Таким образом, китайская легенда гласит о демоне суицида, который пытается прельстить людей к саморазрушению и который расхаживает с веревкой в руках. В этой истории говорится о солдате, который, прогуливаясь, заглядывает в окно и видит очень печальную женщину, сидящую напротив люльки, где лежит дитя. Она, по всей види-

мости, находится в отчаянном положении, но он не знает почему. Он обращает взгляд вверх и видит, что на потолке сидит демон суицида, свесивши веревку перед этой женщиной. Он видит, куда направлен взгляд женщины, и понимает, что должно произойти. Тогда он заходит в дом и нападает на демона, но так как это призрак, солдат умудряется размозжить собственный нос, вместо того чтобы попасть в демона, теряя при этом много крови. Человеческая кровь, как оказывается, обладает волшебным свойством: демон тотчас вскрикивает и исчезает. Затем солдат обнаруживает, что веревка, которой демон приманивал людей к самоубийству, превратилась в красную полосу плоти, обвившуюся вокруг его руки, став как бы частью его собственной плоти. В конце солдата чествуют как великого героя.

Здесь, казалось бы, автономный психологический импульс ментального, или мысленного, свойства, останавливает свое деструктивное действие только тогда, когда он соприкасается с душой человеческого существа, чья кровь и обматывание веревки вокруг его руки позволяли ему воплотиться. Перед нами, безусловно, символ Самости. Деструктивное действие символа Самости приостанавливается и смещается благодаря его исцеляющему свойству.

Человек в суицидальном настроении проецирует осознание Самости (*realization of the Self*) на смерть, и это проецирование поддерживает их решение совершить самоубийство. Им кажется, что они обретут покой, избавятся от проблем и пр.; иными словами, они проецируют Самость на смерть. Суицидальные мысли относятся к деструктивному аспекту самого символа, и во время схватки с солдатом она была трансформирована, а ее последующее деструктивное действие — пресечено. Ее будущее действие родилось бы из осознания Самости — именно поэтому солдат становится великим героем, ведь

деструктивное действие веревки было приостановлено. Это символ круглого предмета. Он активировался в одном из измерений и пожелал проникнуть в сферу человеческих отношений. Если вы будете сопротивляться и блокировать его и, скажем, вы не верите в подобные вещи, тогда деструктивное влияние будет так же сильно отравлять действие активного архетипического содержания, как если бы вы подавляли какой-нибудь исконный физиологический инстинкт посредством некоторых предубеждений.

[Далее обсуждается вопрос о том, почему физическое лечение должно воздействовать на психе.]

При кататоническом ступоре лечение такими препаратами, как мескалин, может временно улучшить состояние пациента. Шоковая терапия позволяет снять блок, возвращая гибкость; после электрошока подвижность снова возвращается. Единственное, что мне известно о физиологическом лечении, — это то, что после снятия блока при помощи таких методов, если в психе (*psyche*) запускается процесс переваривания, то можно считать, что исцеление началось со стороны физиологического полюса. Если этого не происходит, то мы имеем дело с привычным процессом так называемого электрошокера (*electro-shockist*). Некоторые люди никак не могут без этого обойтись: для них это все равно что принимать опиум. В цюрихской психиатрической клинике Бургхёльзли ведется статистика на количество пациентов, больных шизофренией, которые смогли вернуться домой после проведения шоковой терапии, а также пациентов, которые после лечения электрошоком проходили курс психотерапии, так чтобы можно было сравнить количество вернувшихся пациентов из той и другой группы. Эта практика проводилась в течение длительного периода времени, более десяти лет, и результаты явно указывают на то, что пациенты, прошедшие курс

психотерапевтического лечения, возвращаются менее часто, чем пациенты другой группы. Следовательно, мы видим, что очень важную роль играет психологическое переваривание эффекта. Если вы перевариваете переживаемый вами опыт, то это пойдет на пользу, в противном случае ничего определенного происходить не будет.

Доктора Юнга как-то спросили, нельзя ли употчевать коммунистов мескалином, чтобы они наконец перестали отрицать реальность духовного опыта. Его позиция состоит в том, что если происходит выход бессознательного содержания — а именно это случается при приеме мескалина, — такой выход будет безрезультатным, если пациент не способен его переварить. Посему мы бы не стали предпринимать ничего подобного, ведь, как мы полагаем, бессознательное знает, в каком количестве нужно являть себя человеку. Если пациенту не снятся никакие архетипические сны, следует держаться подальше от его бессознательного, поскольку это свидетельствует о том, что у данного пациента отсутствует способность его переваривать.

Я бы сказала, что любое физическое лечение уместно, кроме тех случаев, когда это приносит вред. Пациенты, прошедшие шоковую терапию, зачастую оставляют надежду на то, что могли бы справиться со своей болезнью самостоятельно; такое лечение лишает их веры в то, что они способны что-то сделать сами, и по прохождении шоковой терапии необходимо помочь пациенту преодолеть подобные мысли, говоря ему: «Нет, на этот раз ты должен бороться сам». Такие пациенты куда более отчаявшиеся, нежели те, кто с самого начала стал проходить терапию.

По нашим наблюдениям, физическое лечение зачастую ослабляет инстинкт борьбы и способность к перевариванию (проявлений бессознательного) или же готовность

к перевариванию. Так что его следует применять с большой осмотрительностью и осторожностью, и только в тех случаях, когда иной возможности не находится, как, например, в случае кататонии. Это лучше, чем ничего, но необходимо помнить об опасности, и иной раз пациенту придется потерпеть, чтобы избежать чрезмерной зависимости от электрошоковых сеансов. Очень важно, чтобы пациент не терял надежду, т. е. давал себе шанс. Шоковая терапия же оставляет ощущение того, чтобы мы вконец отмени упование на Божью милость.

Я полагаю, что в культуре, основными доминантами которой являются буддизм и иудео-христианская религия, велика вероятность подавления определенных инстинктов, их вытеснения на животный уровень — коль скоро имеет место тенденция к смещению некоторых аспектов; в частности, анима проявляется в животном обличье, поскольку ее не принимают. Это предположение подтверждается многими фольклорными сюжетами. Есть одно ирландское сказание о русалках, которые некогда — до того, как в Ирландию пришли христианские миссионеры — были людьми: это были дочери предводителя пиратов. Когда явились миссионеры, он решил, что его дочерям не пристало с ними венчаться, и тогда они исчезли в морских водах, превратившись в русалок, и с тех пор заманивают моряков на верную смерть. Здесь мы явно наблюдаем регрессию анимы в животную форму. Однако против этого свидетельствует тот факт, что в наиболее примитивных цивилизациях, где, как мы знаем, отсутствуют столь резкие предубеждения против тела, мы находим тот же самое, а именно мотив злых чар, превращающих человека в лягушку или в змею. В течение некоторого времени это обстоятельство ставило под вопрос мою теорию, так что мне пришлось разобраться, в чем тут было дело.

Изучив общую преамбулу таких примитивных сюжетов, можно видеть, что они склонны допускать ту же ошибку, что и мы — интерпретировать некоторый феномен как психологический, тогда как в действительности речь идет о физическом феномене, и наоборот. Есть животные-санитары, а есть животные обыкновенные, и они не могут установить, кто есть кто. Эта неуверенность относительно того, что должно выжить, по всей видимости, является общечеловеческой. Существует очень глубоко укоренившаяся возможность ошибки и неуверенность в отношении того, на каком уровне следует переживать те или иные импульсы, и того, как их следует классифицировать. Может статься, что охотник в примитивном обществе ухитрится застрелить медведя, а затем с ужасом обнаружит, что застрелил-то он призрака предков. Он не сумел достаточно быстро пережить психические следствия. Я полагаю, что это должно быть как-то связано с тем фактом, что мы *не схватываем* сознательным образом наши пограничные (*threshold*) инстинктивные реакции; мы всегда стремимся удержать в себе такие пограничные реакции, как слабые сомнения, или слабые импульсы, — так, чтобы не пришлось ничего с ними делать. Если импульс недостаточно силен, мы склонны категорическим образом откладывать его в сторону, тем самым рана живущее в нас животное или духа. Мы проделываем это практически постоянно, ведь, как видно, то же самое происходит даже в примитивных обществах: увлекшись охотой, люди забываются. Впоследствии они говорят, что знали, что им не следовало стрелять в этого зверя, но на секунду забыли об этом; и, как мне представляется, здесь мы наблюдаем весьма характерный общечеловеческий феномен. Человек предрасположен к тому, чтобы пропускать свои инстинкты и свои духовные импульсы в силу того факта, что у него есть сознание.

В прошлый раз я оставила этот вопрос недорешенным. Я затронула вопрос о зачарованном человеке, обращенном в тигра, и сказала, что человеческий инстинкт по идее не должен вести себя как тигр. Таким образом, что бы это могло означать, если импульс проявляется во сне в облике волка или тигра? Здесь психологическое содержание было ошибочно загнано в телесную оболочку и извращено так, что оно перестало быть собственно человеческим.

Как известно, если в одной из сфер возникает некий импульс и мы не проживаем его, то этот импульс возвращается обратно, стремясь при этом приобрести античеловеческие качества. То, что должно было быть человеческим импульсом, превращается в тигроподобный импульс. Например, у человека возникает чувственный импульс сказать что-то хорошее другому человеку, но он блокирует этот импульс посредством некоторого игибирования. Тогда ему может присниться, что он переехал ребенка на своем автомобиле и он пережил спонтанный чувственный импульс на уровне ребенка; и его сознательное устремление его разmozжило. Человек все еще присутствует здесь — но в качестве покалеченного ребенка. Если он будет продолжать это делать на протяжении пяти лет, ему уже будет сниться не изувеченный ребенок, а зоопарк, битком забитый бешеными дикими животными в клетках. Подавленный импульс выходит наружу вместе с энергией, приобретая нечеловеческие очертания. Этот факт, согласно доктору Юнгу, свидетельствует о независимости существования бессознательного.

Никому не доводилось воочию лицезреть бессознательное — это лишь понятие, а не эктоплазменная реальность, которая находится где-то в пространстве. Если мне приходит на ум нечто, исходящее из моего бессознательного, мгновение спустя эта мысль может выпасть за границу сознания: я знаю, что этот мужчина —

г-н такой-то, а секунду спустя я уже забыл его имя, но спустя какое-то время я снова смогу его вспомнить. Таким образом, можно заключить, что бессознательное — это то, что не связано с сознанием эго. Если мы наблюдаем содержание, которое затем исчезает на короткий промежуток времени, скрываясь в бессознательном, вернувшись, это содержание не претерпевает изменений; *но если вы забыли о чем-то на длительное время, такое содержание не возвращается к вам в том же виде* — оно автономно развивается или вырождается в другой сфере, и по этой причине мы можем считать, что бессознательное представляет собой некую отдельно существующую сферу или сущность. В самом деле, бессознательное — нечто вроде жидкости, в которой плавают и видоизменяется некое содержание; мы даже можем подмечать, когда содержание приходит в дурную форму, и определить, как долго оно подавлялось, тем самым, став сомнительным. Резкое подавление может заявить о себе во сне в виде зловонного кладбищенского трупа, который нужно раскопать. Что-то подавлялось настолько долго, что это содержание успело распасться и сгнить в земле. Выражаясь фигурально, можно сказать, что бессознательное психе (*unconscious psyche*) представляет отдельно существующую реальность.

Если на некоторое содержание психе накидывается шкура тигра, волка или медведя, вид выбранного животного просто выражает форму, в которой это содержание стремится «вести» себя, но в которой ему не следует проявляться, поскольку оно должно быть человеческим. Некоторые люди переживают дикие аффекты, так что им может сниться, как они принимают рубить и кромсать. Если такому человеку снится настоящий медведь, вам следует набраться терпения, но если этот же человек видит сон о человеке, который ведет себя как медведь, тогда стоит сказать: «Нет, вы должны научиться вести

себя по-человечески». Даже если ранее это было невозможно, теперь им необходимо найти способ управлять своим гневом, человеку не пристало вести себя подобно медведю! Сперва содержание проявляется в виде настоящего животного, и если во сне появляется животное, которое говорит или ведет себя по-человечьи, то, значит, содержание можно ассимилировать на человеческом уровне. Однако если сон повествует о человеке, который рубит и кромсает или носит медвежью шкуру, то можно сказать, что теперь нашему сновидцу, чем сходиться с ума, следует защищать себя, прибегая к человеческим средствам.

Сам факт того, что волшебные сказки рассказывают о заколдованном персонаже, свидетельствует о том, что их животное состояние более не оправдано. Некоторые пациенты, к примеру, закатывают сцены истерики, и ясно, что здесь нужно проявить терпение, ведь они не могут иначе; но через какое-то время у вас возникает ощущение, что это более не оправдано: вы достигли той стадии, на которой подобным сценам должен прийти конец. Очень часто у людей входит в дурную привычку (закатывать истерики), и коль скоро аналитик какое-то время относился к этому терпимо, они продолжают прибегать к стратегии поведения, однако затем наступает момент, когда вы должны сказать такому пациенту, мол, пора бы сбросить с себя звериную шкуру — даже если ранее вы безусловно мирились с его выходками. Таким образом, это вопрос выбора времени, и тут мы подходим к одной из ключевых проблем, связанных с мотивом искупления, — проблеме времени. Чтобы не погрязнуть в теоретизировании, я изложу вам краткую версию длинной русской сказки, которая называется «Царевна-лягушка».

У русского царя было три сына. Когда сыновья возмужали, царь приказывает им взять по серебряному луку и медной стреле и пустить стрелу как можно дальше; куда

стрела упадет — там и найдет каждый из них себе невесту. Старшему сыну достается боярская дочь, второму — купеческая дочь, и каждый из них обручается с девицей, которая приносит ему медную стрелу. Стрела, выпущенная меньшим сыном, падает в болото, и ее приносит лягушка, которая требует, чтобы царевич взял ее в жены. Старый царь приказывает всем своим снохам испечь каравай, устраивая своего рода конкурс. Младший сын приходит к лягушке и принимается сетовать, но лягушка ухитряется испечь лучший каравай. Следующее задание — соткать ковер, и победу вновь одерживает лягушка; третье испытание должно определить, которая из невест самая красивая. Тогда лягушка говорит жениху, чтобы тот шел домой и в ней не сомневался, и тогда-де он увидит, что будет; когда пойдет дождик — пусть скажет, мол, это моя невеста в бане парится, а когда услышит гром да увидит молнии — пусть скажет, мол, теперь она наряжается. Так он и поступает. Все пирующие вновь пускаются в смех и потешаются над ним — но дверь отворяется и входит прекрасная девица, красотой затмевающая всех присутствующих жен.

Во время пира бллая лягушка кладет себе в рукав обглоданные кости. Другие (невесты) находят это потешным, но повторяют за ней. (Она взмахивает рукой, и) кости, выпав из рукава царевны-лягушки, превращаются в прекрасное дерево, а на дереве — большой черный кот песнь заводит и сказку говорит. Другие (невесты также взмахивают руками, так чтобы кости выпали), но они летят царю в лицо, и тот гневается на снох. Младший царевич доволен своей расколдованной невестой, которая избавилась от обличья лягушки. Он поднимается в свои покои и видит лежащую на полу лягушачью кожу. Он хватает ее и бросает в огонь. Вбегает невеста и говорит, что он загубил все дело и теперь ей придется уйти, но, возможно, ему удастся ее найти, если он проявит недюжинную смекалку. Царевич направляется к известной колду-

ные — Бабе-Яге, которая указывает ему путь. Тогда он отправляется за тридевять земель, где находит свою невесту в великой печали, запертую в стеклянном дворце за железными, серебряными и золотыми дверьми. Он спасает ее, и они скрываются, преследуемые драконом, которому принадлежит этот самый дворец. Мы узнаем, что царевну заколдовал собственный отец, заставив ее служить этому дракону, но теперь чары разрушены. Так, мы видим, что сожжение лягушачьей кожи влечет за собой большую катастрофу.

Другая сказка (итальянская) начинается так: английский король женится на венгерской королеве, и у них появляется сын, которого нарекли принцем Поросенком, потому что он рождается на свет поросенком. У колыбели появляются три феи: первая дарует принцу высокие нравственные качества, вторая — красоту, а третья говорит, что он должен жить как свинья. Так, принц живет жизнью свиньи. Когда ему исполняется двадцать, родители хотят найти ему невесту и идут к бедной прачке, у которой есть три прекрасные дочери. Старшая дочь понимает, что получит немалые богатства, а свинью можно заколоть, и принимает предложение, но принц Поросенок замечает у нее кинжал и успевает убить ее первым. Та же история повторяется со средней дочерью. Третья дочь, которая оказалась честной и доброй нравом, тоже соглашается, но в отличие от сестер не замышляет свиноубийства. Она добра к принцу, и когда свекровь спрашивает ее, как ей нравится быть супругой свиньи, она отвечает, что всякий должен любить то, что он имеет. Каждую ночь принц сбрасывает с себя свиную кожу, превращаясь в прекрасного принца. Однажды король и королева заглядывают в покои принца и обнаруживают сброшенную наземь свиную кожу. Они тут же кидают ее в огонь, и тогда принц освобождается от чар. В этой сказке сожжение кожи оказывается средством искупления, тогда как в первой чуть ли не приводит

к непоправимой катастрофе. Я привела эти две истории, поскольку в них изображены два противоположных способа искупления, хотя есть много таких историй, которые противоречат друг другу.

Таким образом, у нас возникает вопрос о том, каков же правильный способ искупления и каково значение сожжения кожи животного. Следует ли нам ее сжигать или нет? Как нам известно, если человеку приходится расхаживать в коже животного — дело пахнет закланием и так или иначе что-то здесь не так. Если провести параллель с психологическими фактами, это может означать, что некий комплекс, который мог бы функционировать в сознании человека, подавляется произвольным образом, так что ему ничего не остается, как вести себя в такой извращенной, животной манере. Следовательно, можно сделать вывод, что животную кожу необходимо сжечь, — однако в одной из сказок все обстоит иначе. В первой сказке царевич вначале ничего не делает, и (после сожжения кожи) должен исполнить свою роль, проявив любовь и преданность. Именно это делает девушка в истории про свинью, и в финале сказки кожу сжигают.

Похоже, что нельзя просто так взять и выбросить животную кожу — необходимо прилагать длительные усилия, направленные на сознание, чтобы помочь комплексу продолжить функционировать по-человечески. Я бы сказала, что в конечном итоге все упирается в зрелость сознательной позиции. Если последняя способна интегрировать содержание, то животную кожу можно сжечь, если нет, значит — нет. Заклание в действительности вызвано неким предубеждением, которое до сих пор не было проработано. Пока сознательная позиция не достигнет зрелости, изменив отношение к комплексу, одно лишь сожжение животной кожи не поможет.

Сперва всегда требуется, чтобы произошла перемена в сознательной позиции, а для этого, в свою очередь, не-

обходимо, чтобы человек приложил какие-то усилия и проявил человеческую преданность. Иначе мы не устраним саму причину заклатья, и оно сможет повториться; иными словами, из-за инфантильности сознательной личности невротическая ситуация может возникнуть снова. Это не только вопрос терапевтической работы с симптомами, но и развития сознательной личности в целом — ведь в противном случае могут возникнуть другие симптомы. Поэтому необходимо менять предвзятую или узкую сознательную позицию, а не только бороться с симптомом.

Лекция 5

Мы успели обсудить мотив кожи животного, которая была сожжена в итальянской сказке, благодаря чему принц Поросенок был освобожден от чар. В русской сказке, с другой стороны, когда царевич сжигает лягушачью кожу царевны-лягушки, последняя не освобождается от заклятия — напротив, она должна покинуть жениха со словами «что же ты наделал»: теперь он должен идти на ее поиски, буквально отправившись на край света. Когда же он наконец ее находит, она говорит, что не приди он к тому моменту, было бы уж слишком поздно.

В первой истории возлюбленная принца Поросенка успела проявить к нему любовь и преданность перед тем, как кожа была сожжена, тогда как во второй истории царевич ничего такого не делал. Таким образом, очевидно, что простого сожжения кожи явно недостаточно, поскольку требуется приложить какое-то усилие — либо сперва, либо после.

Приступая к обсуждению символизма этого мотива, нам сперва следует понять, что, собственно, может означать сожжение животной кожи. Огонь, как правило, обозначает какую-то эмоцию. Существует множество различных аналогий: когда человек влюблен, он «пылает», о гневе говорят «вспыхнул от гнева» и т. д. Огонь, так сказать, в малых количествах не несет разрушение, но его можно использовать, например, для готовки, он может символизировать внимательное отношение любящего человека, т. е. эмоциональное участие в насущной проблеме. Если кожу животного сожгли и уничтожили, мы могли бы сказать, что речь идет о моменте, когда мы пытаемся *эмоционально* осаждать бессознательный комплекс. Такое воздействие человек может оказывать на себя сам

или же претерпевать от кого-то другого, например, во время психоаналитических сеансов или от своего партнера — словом, в ситуациях эмоционального осаждения бессознательного другого человека.

В психоанализе можно долгое время указывать анализанду, что что-то не так и необходимо в этом разобратся, раз сновидения указывают в этом направлении, но осознание может не приходить. У вас возникает ощущение, что анализанд не осознает этого в полной мере и что ему нужен, так сказать, электрошок — этот эффект может быть вызван при случайных жизненных обстоятельствах, или в отношениях анализанда с его партнером, или же в процессе общения с аналитиком. Такой эффект невозможно заранее спланировать — это было бы нелепо, даже если мы уверены, что рано или поздно это неизбежно произойдет, ведь человек не вполне осознал проблему. Для него она остается абстрактной идеей, мелкой незначительной вещью, и он не осознает, как, собственно, функционирует комплекс. Иногда, как раз в тот момент, когда мне приходит на ум, что пора бы уже как-то разрулить такое неудовлетворительное состояние, в тот же день ко мне приходит анализанд, получивший шоковую терапию от другого человека.

Казалось бы, конфликт достиг высшей точки напряжения — когда сама жизнь преподнесла шоковую терапию, раз этого не получалось достичь посредством анализа; самое время сжечь кожу животного. Временами я могу находить, что было бы уместно мне самой произвести или вызвать подобного рода эмоциональный шок, а не ждать, пока жизнь сама проучит анализанда. Такая ситуация возникает тогда, когда предоставить все судьбе чересчур рискованная затея: мало ли что может стрястись за то время, привнеся больше разрушения, чем созидания. С другой стороны, если вызвать шок самостоятельно, проявив собственную эмоциональную вовлеченность,

вы сможете контролировать ситуацию и заодно удерживать ее в «человеческом режиме».

Наблюдая за своими собственными реакциями, мы можем определить, когда выстраивается эмоция, и нам следует хорошенько подумать, не будет ли лучше действовать, нежели ждать, пока шок будет вызван каким-то другим источником, принимая при этом риск того, что подобный шок может нанести ущерб. Я полагаю, что в таком случае разумное решение состоит в том, чтобы сделать поблажку аффектам другого — в качестве своего рода дружеского жеста, ведь, в сущности, давая своему ближнему негативный аффект, мы совершаем дружеский жест — но только если мы сами не одержимы им! Если аналитик одержим (аффектом), то его выражение ничего не стоит; но если вы можете легко проглотить свой собственный негативный аффект, тогда возникает этическая проблема. Человек *может* быть отстраненным — но если так, то его партнер лишается непосредственной теплоты участия низменного животного рода. В подобных случаях не стоит принимать на себя роль понимающего и отстраненного христианина; человеку необходима теплота более тонкого рода, ведь чем легче вы даете волю своим непосредственным эмоциям, передавая другому свой аффект и проявляя свою эмоциональную вовлеченность, тем более тесным и смиренным будет ваше участие и тем более явно другой сможет ее ощутить.

Таким образом, подчас, благодаря обсессивному состоянию другой личности можно не только сжечь животную кожу, но и разрушить несвязанную с ней слепоту (*blindess*). Иногда в случае достаточно тесных отношений это единственный способ привести человека к осознанию некоторых комплексов. Либо до, либо после — проблему необходимо проработать на другом уровне, ведь после подобного шока, по крайней мере, несколько последующих психоаналитических сеансов должны быть посвяще-

ны обсуждению этого, поскольку, естественно, тот другой человек станет упрекать вас за то, что вы выпустили аффе́кт.

Иногда происходит обратное, и состояние одержимости вытесняется «снизу». Анализанд может вести себя как ослепленный зверь, одержимый неким бессознательным содержанием, и вам может казаться, что это его естественная реакция. Но спустя некоторое время привычка реагировать на все чрезмерно эмоционально начинает выглядеть чересчур театральной. В данном случае вы наблюдаете комплекс, поверх которого накинута звериная кожа. Порой вам кажется, что анализанд незаметно сместился, но на поверхности — старая привычка по-прежнему остается. Теперь вы смогли бы ее сокрушить, и впоследствии вы часто будете слышать, дескать, он знал, что нужно было прекратить еще гораздо раньше, просто-де ему не доставало сил сделать это самостоятельно.

Так же и с детьми: порой им тоже свойственны ребяческие привычки, которые, казалось бы, они уже почти переросли, но требуется дополнительный толчок, чтобы помочь им совершить последний шаг. Иными словами, сперва необходимо проработать комплекс, лишь затем сжечь кожу, тогда как в другом случае сперва нужно применить шоковую терапию, а после — сжечь кожу. В любом из этих случаев можно сказать, что существует разделение между комплексом и способом его проявления, ведь животная кожа — это способ выражения, который некогда *был* вполне непосредственным, и просто он вошел в привычку и более уже не выражает комплекс. Подобное можно наблюдать у людей, страдающих фобиями, которые, скажем, одержимы желанием наводить порядок на столе. Сперва они делают это произвольно, но спустя некоторое время в продолжение сеансов, когда они все еще продолжают следовать старой привычке, вам уже приходится попросить их прекратить это делать.

Ранее это было бы невозможно, но к завершению анализа это приносит пользу — когда это означает «сжечь» последние остатки негативного комплекса, так что энергия, до сих пор заключающаяся в симптоме, могла переключиться на какую-то другую деятельность.

В русской сказке царица исчезает каким-то особым образом. Сперва она появляется в облике лягушки, а затем постепенно превращается в человека. Но когда царевич сжигает кожу, она исчезает, и ему предстоит вновь отыскать ее, отправившись за тридевять земель, запертую в стеклянном дворце посреди леса. Здесь он должен пройти через железные, серебряные и золотые двери, за которыми сидит царица, прядет пряжу и плачет. Она говорит царевичу, что, не приди он тотчас, он бы никогда больше ее не увидел. Это довольно странный мотив, хотя подобная ситуация вполне типична, и она часто повторяется в сказках, сюжет которых завязан вокруг избавления от заклятия.

В прошлый раз мы говорили о схеме психических событий или, иначе говоря, о психологической жизни, сравнивая ее со спектром, разделяющим два противоположных полюса, один из которых (инфракрасный) представляет тело с балансом инстинктов, а другой (ультрафиолетовый) — архетипы, или дух упорядочивания.

Наше допущение состоит в том, что эти два полюса, вероятно, являются двумя сторонами одной медали и описать их можно лишь в одной либо в другой перспективе. Можно сказать, что точкой единства будет трансцендентальная реальность человеческого существа. В нашей истории анима впервые констатируется в этой реальности. Она не смогла бы сразу же войти в психическую реальность. Почему она не могла явиться царевичу во сне? Зачем ей понадобилось сперва отправиться на болото и явиться ему в образе лягушки? Почему она не приняла человеческий облик? В сказке говорится, что причи-

ной тому было заклятие, наложенное на нее ее же отцом; нам неизвестно, за что, но, скорее всего, это как-то связано с *Weltanschauung* человека в целом. Если в моем сознании существует некая базовая установка, которая не позволяет некоторому психическому содержанию проникнуть в нее, тогда эти содержания ополчатся против меня, стремясь как-то мне навредить. Если человек не способен воспринять это, тогда и бессознательное также будет не способно выявить такое содержание. В нашей сказке мы видим блокирование, направленное против анимы. Могут возникнуть беспокойства, сновидения и всякие симптомы, но бессознательное не располагает никакими средствами, которые позволили бы нам разобраться в нем, если в сознании не присутствует установка, адекватная для восприятия такого рода послания.

Подобное происходит в цивилизациях, характеризующихся некоторой узостью коллективных представлений, по причине чего новое не может адекватным образом проявляться. Например, в сновидениях современных североамериканских индейцев — тех самых, о которых пишет в своих книгах Пол Радин, и в ритуалах, в которые лишь недавно были привнесены некоторые изменения, мы можем видеть, как бессознательное пытается предложить индейцам какие-то средства для адаптирования к вторжению белой цивилизации. Последняя стала полной психологической катастрофой для индейцев, и они не располагали никакими средствами для адаптации; это нечто, с чем-то они никак не могли взаимодействовать. В их сновидениях проявляется попытка бессознательного как-то им помочь, однако их сознательный *Weltanschauung* совершенно неспособен адекватно воспринимать информацию, поступающую от бессознательного, поскольку они придерживаются очень буквального метода интерпретации сновидений, а потому они не могут понимать сны на правильном уровне, т. е. на психологическом уровне.

Для изобретения нового метода толкования сновидений им необходим творчески мыслящий знахарь, принадлежащий их собственному племени, который помог бы им разобраться с тем, что происходит в их бессознательном. Опять же здесь имеет место блокирование, а потому, хотя бессознательное предпримет попытку сгладить это затруднение, оно не может заставить себя услышать, поскольку отсутствуют адекватные средства интерпретации; в силу принимаемого ими *Weltanschauung* они не способны переживать некоторый необходимый опыт.

Негативная реакция вытесненного комплекса не проявляется непосредственно — анима заколдована другим архетипом, злым волшебником: он разгневан тем, что его не признают. Благодаря *Weltanschauung* архетип анимы теперь оказывается в ситуации, где он не может никак иначе прорваться в сознание, и посему такая попытка совершается через тело, так что анима проявляется в образе болотной лягушки, что указывает на соответствующий полюс осознания.

У племени алгонкинов есть сказка, повествующая о великом боге, который хочет открыть племени какие-то секреты и врачебные ритуалы. Для этого он, вместо того чтобы созвать знахарей, принимается обучать рыб, выдр и прочих мелких животных, обитающих в водоемах; он раскрывает им тайну, и сами эти животные передают тайну людям. Согласно этому сказанию, божество было не способно обучить человека непосредственно — ему пришлось обучать животных, которые в свою очередь смогли научить человека. С психологической точки зрения это означает, что, вероятно, в мышлении индейцев отсутствует отдельная идея и представление, посредством которых они сумели бы достичь понимания, так что они должны были обучаться посредством инстинктивных движений тела — именно это мы пытаемся делать

в психоанализе, когда мы просим пациентов активно задействовать воображение и следовать главным образом инстинктивным психическим импульсам. Когда возникает вопрос о том, чтобы вывести наружу содержание, скрытое далеко в глубинах бессознательного, нам порой приходится совершать случайные движения при помощи бумаги и карандаша. Таким образом мы обогащаем психологический материал, но начало этого движения было положено через телесную составляющую. В самом деле, мудрость подобного содержания — или скрытое в нем послание — заключено в теле. Я полагаю, что это весьма характерная особенность того способа осознания определенных вещей, который принят у примитивных народов: физический «выкуп» фантазии определенными объектами.

У одной из таких примитивных народностей существует древний миф об изобретении лука и стрел (миф предков). Он гласит о том, что был некогда прародитель лука, чьей женой была тетива, которая всегда висела на его шее, обвив ее руками в вечном объятии. В таком виде они являлись людям, и так человек научился мастерить лук и стрелы и стрелять ими. Тогда лук-муж и тетива-жена скрылись под землей. Таким образом, для изобретения целого инструмента потребовался первоначальный бессознательный архетипический материал, фантазия, и именно благодаря этому, согласно собственному свидетельству представителей этой культуры, появилось такое изобретение, как лук и стрелы. Я убеждена в том, что большинство великих изобретений человека были спровоцированы такого рода игривым архетипическим материалом. Такие изобретения всегда приписываются божественным силам и божественной магии — их происхождение не объясняют лишь прагматическими нуждами, ведь всем известно, что их исток находится в импульсах бессознательного. Значительная часть величайших

творений современности изначально проявлялись через сновидения и инстинктивные импульсы.

Иногда, когда вы сталкиваетесь с ситуацией, где нечто от вас скрыто и вы не знаете, что именно, единственное, что вам остается, — расхаживать вокруг да около, подбирая все, что привлечет ваше внимание, стремясь определить, как энергия проникает внутрь, наблюдая при этом за собой — с тем чтобы понять, куда устремляется психическая энергия; затем вы начинаете играть этим предметом, даже если это кажется сумасбродством. Позволив своей энергии поиграть с предметом, вы сможете затем вызволить то, что было скрыто в бессознательном. Такое примитивное представление о ребяческой игре может быть очень плодотворным.

Итак, если анима сидит, точно лягушка в болоте, и ловит медную стрелу молодого царевича, я бы предположила, что в бессознательном возник некий психический импульс. Человек часто появляется в образе заколдованной лягушки, которая имеет определенное сходство с человеческим телом: у нее маленькие ручки и ножки, и — на уровне маленького хладнокровного животного — она представляет собой своего рода карикатуру на человека. Мы часто зовем детей лягушатами. Если бессознательное содержание проявляется в виде лягушки, я всегда заключаю, что оно могло бы стать сознательным, более того, что оно *хочет* стать сознательным. В бессознательном присутствует такое содержание, которое может быть уклончивым и которое сопротивляется выходу на сознательный уровень, но вот это относительное сходство строения лягушки и человеческого тела обеспечивает соответствующее символическое выражение для чего-то, что отчасти захоронено в соматических слоях бессознательного, но что тем не менее обладает определенными стимулами к сознательной реализации.

Сюжетный поворот, когда лягушка подбирает медную стрелу, сам по себе весьма забавен, поскольку лук и стрелы играют немаловажную роль в любовной символике.

У Лоуренса ван дер Поста есть маленький лук, который смастерил бушемен из пустыни Калахари. В тех краях, если молодой человек интересуется девушкой, он мастерит такой миниатюрный лук и стрелу. Бушмены способны откладывать жир на своих ягодичах, так что они будут заметно выпирать — за счет этого жира бушмены смогут продержаться в трудные времена. Молодой человек выстреливает из смастеренного им лука в эту часть тела девушки, которая его привлекает. Она вынимает стрелу и смотрит, кто же в нее выстрелил; если она желает принять ухаживания молодого человека, она должна подойти к нему и вернуть его стрелу; если нет — она ломает стрелу и бросает себе под ноги. Бушмены до сих пор используют стрелу Купидона! Понимаете, почему Купидон, античный бог любви, носил при себе лук и стрелы!

Мы можем интерпретировать брак стрелы, с психологической точки зрения, как проекцию или как снаряд¹. Если я проецирую свой анимус на мужчину, то тем самым часть моей психической энергии как будто бы направляется к этому мужчине, и в то же время я буду испытывать к нему влечение. Получается своего рода стрела — некоторое количество «заостренной» психической энергии, и она внезапно устанавливает некую связь. Стрела бушменов из пустыни Калахари как бы говорит девушке, в чей зад ее выпустили: «На тебя пала энергия либидо моей анимы», и та девушка либо принимает ее, либо нет. Но она не оставляет стрелу у себя, а возвращает ее, т. е. молодой человек должен забрать свою проекцию, но через нее

¹ На английском языке приводится игра слов projection — проекция и projectile — снаряд.

установилось человеческое отношение. В этом сюжете содержится весь символизм брака.

Медь — металл, ассоциирующийся с планетой Венерой (Киприс с острова Кипр), металл (богини) Венеры как-то связан с любовными делами и богиней Венерой. Лягушка подбирает стрелу, и тем самым завязывается отношение. Алхимики называли медянку — яд, выпускаемый медным металлом, — опасным аспектом принципа любви. Медь легко может стать ядовитой, ведь она очень легко воспринимает всякое внешнее воздействие; это опасный металл, он мягкий и ковкий, но обладает ядовитыми свойствами. Его также можно использовать для отливания сплавов — что также вписывается в любовную символику; медь легко соединяется с другими металлами, подобно тому как любовь может связывать людей друг с другом. Вероятно, именно благодаря его способности образовывать *соединения* (*union*) этот металл стали связывать с именем богини Венеры. Мягкие металлы, как правило, ассоциируются с женственностью, а твердые — с мужественностью.

Анима, царевна-лягушка, показывает гостям, собравшимся на празднество, что в действительности она никакая не лягушка. Она обладает сверхъестественными силами, умеет печь чудесные караваи, прясти пряжу, невероятно хороша собой, и из обглоданных костей, опущенных в ее рукав, вырастает дерево с ученым котом, что умеет и песнь завести, и сказку говорить. Таким образом, она показывает, что, хотя ей и пришлось сперва появиться в таком неказистом виде, она вовсе не лягушка — она сверхъестественное божественное существо, богиня, которая умеет превращать одно в другое. Она также способна сотворить дерево, точно колдун, который умеет появляться и исчезать; такую способность она, по-видимому, унаследовала от своего отца. Можно сказать, что она — тот персонаж, который преобразует всю действительность в исполненный смысла паттерн, где искусство,

красота и чувства подобны творческим проявлениям архетипических образов. Анима привносит в жизнь мужчины одновременно и иллюзию, и разочарование. Она придает ей ощущение значимости и служит вдохновением для его творческих фантазий. То, как человек реагирует на аниму, зависит от его жизненной установки.

В нашей сказке весьма неудачным оказывается то, что все совершенное фигурой анимы появляется лишь во время пира: возникает тенденция к неправильной оценке этого проявления. Если бы подобное произошло с кем-то в действительности, он, безусловно, пал бы ниц, умоляя объяснить ему, что же за всем этим скрывается. Относительная легкость реакции, последовавшей в ответ на это проявление божественности, вероятно, стала причиной того, что царевич так опрометчиво сжигает кожу, и что царевна исчезает, перенесясь за тридевять земель, и что потребовалось приложить столько усилий, чтобы отыскать ее вновь. Так всегда и случается, что весьма характерно, когда мужчина принимает воздействие и проявления анимы лишь эстетически, но не воспринимает ее всерьез в этическом плане.

Во внешней жизни это могло бы проявляться в некотором «донжуанском» отношении к женщине — когда мужчина просто флиртует с ней на вечеринке. Многие творцы могут писать прекрасные тексты или картины, но если вы спросите их о значении того, что они сделали, они тут же пойдут на попятную, отвечая, что, дескать, психологическая интерпретация разрушает произведение искусства. Такую позицию разделяют очень многие современные деятели искусства, которые не хотят испытывать на себе серьезность того, что они создали. Поэтому они пытаются оставить это на уровне художественного развлечения и просто повеселиться. Так, можно сказать, что исходное затруднение, а именно некоторое предубеждение в сознании, все еще имеет место, и это

затруднение как раз служит причиной того, что все внешне рушится, как только кожу сжигают. Сознательная позиция не принимает аниму всерьез, и поэтому происходит катастрофа и молодому царевичу предстоит пройти долгое испытание, чтобы вновь ее обрести.

Интересно, что, когда он ее находит, она заперта во дворце в лесной чаще — очевидно, эту структуру можно интерпретировать как символ Самости в ее наиболее феминном аспекте. Этот образ олицетворяет мистический опыт, переживаемый в душе — как это описывается в мистических сочинениях Терезы Авильской, где мы встречаем «внутренний замок» из золота и серебра — известный образ сокровенного центра психе (*innermost centre of the psyche*), который мы называем Самостью.

В этом замке также находится опасное существо, которое нам не показывается. Не вполне ясно, кто это: отец-колдун или дракон. Девица оказывается в его власти, жениху же предстоит ее вызволить и поспешить с нею скрыться, иначе может произойти нечто ужасное. Если сравнить этот сюжет с другими сказками, можно заметить, что в роли этой ужасающей фигуры, как правило, выступает дьявольский приспешник. Это странный компенсаторный процесс, окупающий факт недооценивания фигуры анимы в бессознательном. Ее темная сторона отравлена образом Бога.

Чем более упрямо человек не признает ценности анимы на сознательном уровне, тем больше она приобретает дьявольские черты или же отождествляется со всем бессознательным в целом и с образом Бога, — как если бы он бессознательно посадил ее на трон и поклонялся ей просто потому, что ему недостает сознательности. Это нечто сродни дьявольской одержимости, которая может субъективно переживаться как религиозное чувство.

Это можно наблюдать на примере нацистов. Нацисты или коммунисты не сознают факты внутренней психиче-

ской жизни как таковые, поскольку на уровне сознания их интересуют исключительно социологические теории. Их эмоциональная жизнь, таким образом, подпадает под область бессознательного, связываясь с бессознательным образом Бога; отсюда возникает тот диковинный «религиозный» фанатизм, наблюдаемый у всех сторонников подобного рода движений. Они даже готовы умереть за эти идеи или сжечь дотла весь мир. Спрашивается, почему, если это всего лишь политическая программа? Вывод всегда один и тот же: то, что они в действительности проецируют на свои политические идеи, есть не что иное, как Царство Господне. Они хотят устроить его на земле — «должным образом», — а посему у них есть право истреблять всех остальных, взять и убить пару тысяч людей. Беседуя с таким человеком, вы понимаете, что такова их бессознательная эмоциональная позиция. Большинство из них одержимы и проецируют образ Бога — вокруг чего повязаны все их идеалистические эмоции; вот пример заражения анимы образом Бога, где символ Самости стремится стать деструктивной одержимостью.

Символ самости или образ Бога, которые не были осознаны, оказываются наиболее деструктивными, поскольку затем они превращаются в силу, действующую исподтишка, и это обуславливает появление деструктивных эмоций и множества всевозможных предубеждений. Именно поэтому с такими одержимыми людьми бывает так сложно вести разумную беседу: они безнадежно связаны идеей Самости и не сознают этого, поскольку они не способны взглянуть на себя с психологической точки зрения; все это проецируется вовне. Такая регрессия фигуры анимы крайне опасна и деструктивна. Царевна говорит: если бы царевич не пришел тотчас, он больше никогда бы ее не увидел, т. е. все действительное психологическое развитие могло погибнуть, а это также бы означало

смерть самого индивида. Поэтому он должен долго и терпеливо прилагать усилие с тем, чтобы вновь вывести все это содержание бессознательного, ибо в противном случае они проявляют себя лишь эстетически и затем исчезают в бессознательное.

Образ дворца в лесной чаще подводит нас к теме алхимического символизма. Металлы всегда ассоциировались с планетами: железо, как правило, соответствует Марсу и войне; серебро связано с Луной, женским началом, белым началом, мягкий металл может легко образовывать сплавы; белое золото ассоциируется с Солнцем. Стекланный дворец с деревянной, железной и золотой дверьми включает четыре субстанции Самости, которые, кстати, также требуются для создания философского камня. Железо или свинец — это *нигрето*, затем серебро, которому соответствует *альбедо*, белизна, где доминирует женское начало, далее идет черед золота — *рубедо*, красного состояния, в котором появляется золото. Стекло — субстанция, репрезентирующая дух или духовный субстрат в конкретной форме. Однако в этой сказке алхимический символизм Самости появляется с негативным нюансом, и я полагаю, что такой негативный нюанс присущ здесь всем этим элементам; фигура анимы заключена в тиски нечеловеческой жестокости. В наши дни у людей складывается негативный образ Самости, которая невероятно ожесточилась. Некоторые нацисты устраивают состязание, стремясь убить в себе чувства: искусственное, деструктивное огрубление чувств казалось им чем-то героическим.

В работе Юнга «Психология переноса» он говорит, что, как бы протестуя против своего рассеивания в массы, сегодня бессознательное стремится закрепить в людях индивидуальность. Мы можем наблюдать эту тенденцию к закреплению индивидуальности в современном человеке. Если этот процесс протекает неправильно или

работает бессознательно, тогда происходит ожесточение, чем они, будучи одержимыми, чрезвычайно гордятся, ведь их предводители тверды как камень; тут закрепление индивидуальности развилось неправильно. Можно сказать, что в современном мире у нас остается лишь один выбор: либо стать ожесточенными, деструктивными индивидами, таким образом бессознательно себя защищая, либо стать внутренне более крепкими индивидами. В первом случае мы будем одержимы символизмом Самости, вместо того чтобы служить ей.

Таким образом, четыре субстанции указывают на четверичную структуру Самости, привнося, однако, негативный нюанс: символизм становится деструктивным, если человек не строит свои взаимоотношения должным образом.

Убийственный аспект одержимого или заколдованного существа также проявляется в нашей следующей истории — датской сказке «Король Линдворм». Это кельтско-германское слово означает «змея» или «дракон»; им также называют водный поток, по форме напоминающий змею (например, река Лиммат на севере Швейцарии или Линдт — здесь, в Цюрихе). Кроме того, это слово может обозначать большого червя или драконо-червя — короля драконов, по виду напоминающего змею.

У короля и королевы не было детей: наутро после брачной ночи над кроватью они обнаружили надпись, гласившую, что у них никогда не будет детей. Однажды отчаявшаяся королева встречает старуху, которая сулит ей помощь. Она советует королеве пройти в северо-западный угол сада, взяв с собой миску, которую ей нужно будет перевернуть вверх дном и оставить лежать в том месте. Наутро, подняв миску, она найдет алую и белую розы. Если королева съест алую розу, у нее родится мальчик, если она съест белую — родится девочка, но ни в коем

случае ей нельзя съесть сразу оба цветка, иначе случится непоправимое.

Королева следует совету старухи и на следующее утро находит розы. Она принимается рассуждать: если она съест алую розу и родит сына, то, когда он вырастет, он уйдет на войну и его убьют, но если она съест белую розу и родит дочь, то она вырастет и выйдет замуж. Поразмыслив, королева заключает: почему бы, в самом деле, ей не съесть сразу оба цветка и родить двойню? Так она и поступает, но вместо близнецов у нее рождается ужасный дракон мужского пола. Он тут же устраивает всяческие неприятности, угрожая снести замок и сожрать всякого, кто станет ему перечить. Когда отсутствовавший все это время король возвращается с войны, дракон встречает его сыновним приветствием. «Как же так, — восклицает король, — неужели я твой отец?!» — «Да, — отвечает дракон, — и если ты не будешь мне отцом, я уничтожу и тебя, и этот замок». Так, все вынуждены подчиниться, страшась угроз этого дракона.

По достижении 20 лет дракон желает вступить в брак. Король возражает, говоря, что никакой свадьбы не будет, но дракон отвечает, что, если король не найдет для него невесту, он уничтожит и короля, и его замок. Тогда ему отыскивают прекрасную принцессу, но в брачную ночь монстр съедает ее. Та же участь постигает и следующую невесту, и найти новую оказывается все более затруднительно. Но дракон все пуще устрашает своими угрозами, так что отчаявшийся король идет к старому пастуху и просит отдать ему пастушью дочь. Старый пастух не желает отдавать дочь, но в конце концов вынужден сдаться, о чем сообщает дочери.

Девушка, зная, чего ей следует ожидать, сбегает в лесную чащу и горько плачет. Там она встречается старуху, и та спрашивает ее, в чем причина ее печали. Девушка отвечает, что ей придется стать женой дракона, который не-

пременно ее убьет, в ответ на что старуха предлагает свою помощь и говорит ей, как следует поступить. Когда свадебный пир подойдет к концу и придет время отправляться в супружескую опочивальню, девушка должна надеть на себя десять рубашек — одну поверх другой, и когда в темноте дракон прикажет ей снять рубашку, она должна ответить ему, что снимет с себя рубашку, если он снимет с себя кожу. И так ей следует отвечать всякий раз, пока она не снимет с себя девять рубашек: к тому времени на драконе больше не останется кожи, которую он мог бы скинуть, тогда как на ней будет оставаться еще одна рубашка. Дракону ничего не останется, как лежать точно комок кровоточащей плоти, девушка же должна будет высесть его ореховыми прутьями (предварительно смоченными в щелочи, которую она спрячет в опочивальне), пока дракон едва не развалится на части; затем она должна испускать его в сладком молоке и завернуть в девять рубашек, после чего она ненадолго уснет, держа его в объятиях.

Девушка делает все, как советует ей старуха, и, проснувшись, видит рядом с собой прекрасного принца, освобожденного от злых чар. Далее по сюжету сказки появится злодей, который убьет принцессу, но мы сосредоточимся на первой части этой истории.

Вся эта кутерьма возникает из-за жадности королевы: она хочет и рыбку съесть, и косточкой не подавиться. Она уверена, что родит близнецов; хотя с таким же успехом могла бы предположить, что произведет на свет гермафродита — ближайшего родственника дракона. Алхимики толкуют либо о драконах, либо монстре-гермафродите — некой монструозной, противоестественной и непозитивной твари, которую необходимо порубить на части, уничтожить или расколдовать, поскольку она представляет собой единство противоположностей в самых потаенных глубинах бессознательного. Здесь мы снова встречаем тот же мотив, о котором мы говорили ранее, — дворец,

в который удаляется царица-лягушка: тут, вместо того чтобы осознать архетип Самости и выстроить с ним связь, человек оказывается подчинен Самости. Это часто можно наблюдать в случаях пограничного расстройства личности, а также у людей, которые смогли соприкоснуться с бессознательным материалом посредством особого рода исследования — скажем, изучения мифологии или примитивных народностей и т. п. Такие люди не могут установить правильную связь с таким материалом — этот материал овладевает ими. Их речь исходит как бы «вне архетипа», «сообщая» об архетипическом материале наподобие того, как пожилой медик объявляет диагноз, но он не связывает этот материал со своим современным уровнем сознательности, не задаваясь вопросом об этой связи.

Значимость архетипических паттернов настолько велика и образует столь мощную эмоциональную хватку, что такие люди способны говорить, как пишут, утопая при этом в архетипическом материале, вместо того чтобы его понимать. Я говорю о том типе людей, которые встречаются в современной цивилизации: чванливые волшебники. Некоторые женщины и мужчины, вместо того чтобы осознать содержание своего бессознательного, поддаются под его влияние, отождествляя себя с архетипом Самости и вставая в позу Мудрого Старца или Великой Матери. Они всегда умеют провозгласить великую истину, но если хорошенько вдуматься в то, что они говорят, да всмотреться в то, как они себя ведут, можно увидеть, что в них говорит их одержимость архетипом. [Наличный в них] материал вроде бы исполнен смыслом, но они утратили облик своей собственной личности, они преисполнены [этим материалом].

Как правило, все это каким-то образом отражается на моральной позиции такого человека. Он подобен «радиопередаче», транслирующей архетипический материал, при этом нарушается его способность испытывать человеческие

чувства. Это состояние практически равносильно моральной невменяемости. Таким человеком был Гитлер. Он оказывал невероятно сильное впечатление на людей, но если вы проанализируете его публичные выступления, вы увидите, что он всегда произносил великие истины, которые он интуитивно выводил из бессознательного, перемешивая их с самой что ни на есть отвратительной аморальной дурью. Но так как эти драгоценные крупницы истины явились ему через поверхностные слои бессознательного, люди оказывались захвачены тем, что он говорил, не сознавая при этом примешанной к ним дурь.

Гитлер, безусловно, представляет крайний пример, но и в нашей повседневной жизни мы встречаем множество людей, относящихся к этому типу, — людей с извращенными этическими взглядами, которые сполна соответствуют архетипу, а не человеческому существу. Зачастую они вовсе не безумны, но как бы играют роль «радиотрансляторов» своего бессознательного содержания, которое желает быть выражено и которое производит такое впечатление на окружающих. Они производят деструктивное действие. Некоторые люди способны усмотреть их моральную ущербность, но другие — те, кто менее приспособлен к критическому мышлению, или люди с неустойчивой этической позицией — попадают в ловушку. Именно таких людей в переходном состоянии имел в виду Юнг, говоря о заражении и, как следствие, размытости комплекса эго и архетипа Самости. Таким образом, эго отображает свойства Самости, которыми оно не должно обладать, а Самость воспринимает свойства эго, которые не должны в нем присутствовать.

Мы определяем архетип Самости как тотальность личности, и, как таковая, она стоит у истоков человеческой жизни. Бессознательная тотальность присутствует уже в раннем детстве, подобно тому как в желуде уже содержится целое дерево. Как правило, по мере развития

жизни комплекс эго отходит все дальше от Самости, и, только пройдя земной путь до половины, эго начинает предпринимать попытку взаимодействия с тотальностью личности до тех пор, пока, в идеале, не сможет достичь полного осознания эго и Самости, — так, как это описывается в дзен-буддизме, а также на примере какого-либо иного мистического опыта, в котором эго воспринимает Самость, вновь становясь единым с ним. Порой эго и вовсе до конца не отделяется от Самости: этот процесс нарушается, и, соответственно, эго не откалывается от остального массива бессознательной личности, отходя от нее, образуя с ней вместо этого некую бесформенную смесь. В результате получается странная личность: либо инфантильная, либо премудрая, более или менее сознательная, чем другие люди, но при этом безнадежно несознательная, ни рыба ни мясо.

Вести психоаналитические сеансы с такими людьми — крошечный ад, так как, с одной стороны, когда вы успели поговорить о бессознательном, они уже все об этом знают; в самом деле, они хорошо в нем разбираются, но если попытаться отвлечь их от этого, они отвечают-де, мы знаем достаточно о значении бессознательного содержания, чтобы это предотвратить. По всей видимости, здесь перестраивается значение чувствования через бессознательное. Работа с такими пациентами всегда очень долгая и утомительная: никак не получается различить эти два фактора — эго и Самость.

Возьмем, к примеру, королеву, которая сперва съедает алую розу: у нее должен был родиться ребенок мужского пола, но он превратно заражен своей женственной составляющей: он, по сути, гермафродит, завернутый в то, что ему принадлежать не должно, он как бы завернут в женственность, в драконью кожу анимы, которая обволакивает его превратным образом. Как вы знаете, одним из высших символов Самости является Христос,

окруженный Церковью, — *vir a femina circumdatus*¹. Церковь — невеста Христа, и в конечном итоге, когда достигается их целостность, Христос полностью воплотится во всей множественности верующих христиан, церкви, таким образом достигая идеала «мужа, окруженного женой». Жена подобна кольцу, заключенному вокруг мужа, божественное существо в середине мандалы, ἄνθρωπος², стоящий на квадратической форме как своего рода идее маскулинного аспекта Самости, укорененной в феминности, подобно Будде, сидящему в цветке лотоса.

От этого высшего символа человеческой цели падает жуткая, отвратительная тень, негативный аспект — это и есть наш драконий принц. Ровно та же ситуация наблюдается, когда он (символ?) ошибочен и деструктивен и не был распознан в сознательной жизни человека, захватив человека исподтишка, со всеми его деструктивными аспектами — вместо конструктивных. Наш принц Линдворм тоже представляет собой мужа, окруженного женой; но он принимает облик куска кровоточащей плоти, завернутой в драконью кожу — регрессивную форму единства противоположностей.

Такие символы Самости возникают каждый раз, когда у индивида появляется склонность к решению проблем через регресс к предшествующему этапу развития цивилизации. В эпоху раннего христианства, в первое тысячелетие новой эры, впервые происходит осмысление проблемы жизни и отношений между мужчиной и женщиной через призму христианства. В силу своего патриархального содержания эта попытка осмысления отбрасывает всякий сексуальный аспект. Мужчине позволено вступить в связь с реальной женщиной лишь посредством общественного института брака, все прочее считалось грехом, или посредством сублимирования оставшейся фигу-

¹ Муж, женой окруженный (лат.).

² Человек (др.-греч.).

ры анимы и ее проецирования на образ Девы Марии. Решись он спроецировать ее на какую-то другую женщину — тут уж ему несдобровать.

Такое разрешение всей проблемы жизни и проблемы отношения между полами было доминирующим в XI–XIII вв. Христианские рыцари той эпохи предпринимали попытку развить проблему анимы и человеческих отношений посредством так называемых «судов любви» (*Les Cours d'Amours*), во время которых мужчина имел право выразить свои чувства к женщине. Благодаря этой практике у мужчины появилась возможность осознать проблему анимы. Само собой, это повлекло за собой кучу неприятностей и бесконечные этические и общечеловеческие сложности. В тот период христианскому рыцарству приходилось соприкасаться с исламским миром, и существующий в этом мире институт гарема, казалось бы, предлагал неплохое решение проблемы: ни тебе проблем с сексом, ни старых дев. У каждой женщины есть мужчина — каждая женщина сексуально удовлетворена.

Институт гарема — вполне хорошее решение с психологической точки зрения: не нужно подавлять сексуальность; но, с другой стороны, отношение между мужчиной и женщиной при этом обедняется: мужчины общаются с мужчинами, женщины — с женщинами. Мужчина обращается к женщине лишь с эротическими заигрываниями — такого рода цивилизации неизвестно, что такое настоящие отношения. Тем не менее, когда христианское рыцарство соприкоснулось с гаремом, в психологическом плане они столкнулись с огромным соблазном принять это в качестве решения. Однако такое принятие было бы регрессом, поэтому в мифах мы видим, что исламский мир угрожает рыцарям, проявляясь в образе некого гермафродитного существа.

Так, исходя из [архетипического] материала, можно сказать, что [гарем] мог бы послужить выходом из за-

труднения, однако такое решение означало бы регресс к более раннему, более примитивному положению дел. Такой огромный соблазн возникает повсеместно; вместо того чтобы пытаться нащупать какое-то новое решение, человек ступает на путь регрессии к предыдущему примитивному состоянию, в котором подобной проблемы еще не было. Поэтому некоторые люди уезжают на Гавайи или еще какие другие острова в надежде достичь единства с природой, т. е. принимают решение проблемы в регрессивной форме; но при этом человек становится еще более невротичным, поскольку такое решение неверно.

Лекция 6

Нам остается еще обсудить странный мотив, присутствующий в датской сказке о короле Линдворме, где девушка, желая освободить драконьего принца от заклатья, должна нарядиться в десять рубашек, так чтобы каждый раз, когда жених-дракон просит ее снять рубашку, она отвечала, что тогда ему придется снять с себя одну из своих роговин; и так до тех пор, пока от него не останется лишь несчастная хнычущая и кровоточащая масса распростертой на полу плоти. Затем она должна высечь его ореховыми прутьями, омыть в сладком молоке, тем самым освободив его от заклатья, так что он превращается в прекрасного принца.

Я начала свою интерпретацию с того, что попыталась показать, что могут означать эти многочисленные облачения — множество покровов, скрывающих истинную, хотя и неустановленную природу принца. Я выдвинула предположение, что эти покровы представляют некий комплекс, в котором сознательное эго и архетип Самости оказываются заражены. Я описывала тип людей, в ком эго отождествлено с Самостью, так что ни эго, ни архетип Самости не способны функционировать должным образом, поскольку, в силу их зараженности, психе не смогла адекватным образом поляризоваться. Здесь обозначен один из аспектов такой фигуры, как принц, облаченный во множество драконьих шкур, но мы также можем взглянуть на это под другим углом. В волшебных сказках принц и принцесса зачастую представляют персонажей, которые затем должны будут стать королем и королевой — ведь это будущие король и королева, так сказать, *in statu nascendi*¹.

¹ По рождению (*лат.*).

В своей работе «Таинство воссоединения» Юнг посвящает целую главу теме символизма короля в алхимии. Так же как и в египетской теологии и мифологии, в алхимии фигура короля репрезентирует доминанту коллективного сознания. Тогда как старый король представляет устаревшую или изжившую себя систему коллективного сознания, молодой король, как правило, репрезентирует новый символ Самости. Как же получается, что будущий король репрезентирует Самость, если в мифологии старый король, как правило, представляет доминанту коллективного сознания?

Чтобы разобраться, что все это значит, необходимо вспомнить некоторые исторические факты. Когда Будда, сидя под деревом бодхи, достиг просвещения, он пережил некий опыт Самости, и когда он встретил своих учеников, он стал символом Самости для тех, кто его окружал. Многие религиозные системы кристаллизовались вокруг фигуры Будды, который играл роль божественного существа, того самого божественного человека, символа Самости. Изучая буддизм в последующие этапы его развития, можно заметить, что Будда становится центральной репрезентацией коллективной религиозной организации, символической идеей того, что в наши дни называют буддизмом и всей религиозной системой в целом.

Также следует сказать, что фигура Христа прошла аналогичную эволюцию: как только произошла кристаллизация символа Самости, осталась лишь центральная репрезентация коллективной системы и самого символа, которые изначально представлял реальный внутренний опыт, — остались лишь пустые словоизлияния. Остается некая интеллектуальная система или предание, тогда как исходный символ постепенно исчезает, выхолащиваясь и превращаясь в ритуальную привычку. Именно эта идея стоит за образом старого короля, и по этой причине он часто изображается как персонаж, который сопро-

тивляется чему-то новому, что только-только возникает. Когда предсказывают рождение божественного младенца, старый король трепещет в страхе лишиться своего положения. Поэтому он пытается уничтожить это дитя, ведь, хотя он сам был символом Самости, он обрел негативное и деструктивное качество, поскольку, как нам показал Юнг, основываясь на внушительном объеме различного материала («Эон»), Самость, подобно всякому иному архетипу, не просто статическое ядро психе — это самообновляющаяся система.

Если понаблюдать за символизмом Самости в том виде, в каком она проявляется в индивиде, можно видеть, что она находится в состоянии постоянного изменения. Она отбрасывает какие-то аспекты, постоянно обновляясь. Поэтому Юнг сравнивает ее с атомом водорода, который, находясь в высоких слоях, время от времени «скидывает» одни электроны и принимает другие. Аналогичного рода процесс осуществляет Самость в человеке, будучи динамическим центром психе, который, по-видимому, пребывает в состоянии постоянного внутреннего изменения. Именно поэтому никакое сознательное формулирование опыта Самости не может долгое время претендовать на абсолютную значимость: артикуляцию опыта Самости приходится из раза в раз переадаптировать, так чтобы она могла «идти в ногу» с процессом изменения Самости.

По этой причине религиозные символы необходимо подвергать постоянной переинтерпретации, и для действующих религий всегда существует опасность закоснения и реформы, возникающие в стремлении заново выстроить исходные понятия, переведя их на более современный язык и приурочив к актуальным нуждам нового исторического периода. То же самое касается и индивида, ведь даже если вы пережили очень глубокий опыт, он может износиться; истина вчерашнего дня более не остается таковой *сегодня*,

и то, что некогда было основополагающим идеалом, становится износившейся системой, которая препятствует дальнейшему внутреннему развитию. В таком случае вчерашние истины необходимо отложить в сторону, уступив место тому, что конституирует истину *настоящей* психической жизни человека.

В волшебных сказках принц, как правило, представляет такой символ Самости *in statu nascendi*, который необходимо раскопать или который внезапно вырастает из глубин коллективного бессознательного. Если он покрыт всеми этими шкурами подобно тому, как это описано в нашей сказке, это означает, что нет никакой возможности проявления этого содержания в его истинной форме: сперва оно должно проявиться в животном обличье.

Аналогичная ситуация порой наблюдается у индивидов, влекомых каким-либо сильным инстинктом или устремлением. Человек становится одержим таким устремлением, хотя он может при этом испытывать необъяснимое чувство, что «это не то». Скажем, мужчина влюблен в женщину, которая кажется пределом его мечтаний, однако он чувствует при этом, что в действительности это вовсе не любовь, что он одержим этой идеей лишь потому, что она недостижима, и что получи он желаемое, чувства тут же испарятся. В таком случае терапевт должен руководствоваться собственным инстинктом. Люди часто становятся одержимы каким-то желанием и будут настаивать на том, что за этим стоит что-то настоящее, однако это сомнительно: кажется, что речь идет лишь о внешнем проявлении чего-то, что скрывается за видимостью — центральная репрезентация же пока остается невыраженной.

Вообще, можно сказать, что, если у человека проявляются симптомы одержимости, увлеченности или какой-либо формы несвободы или неспособности поступить каким-то сильным желанием, это верный признак

того, что речь не идет (по крайней мере пока) о чем-то настоящем. Тогда мы должны принять выжидательную позицию: раз мы наблюдаем такое ребяческое желание, можно нисколько не сомневаться в том, что здесь что-то да не в порядке. Нужно переждать некоторое время, пока ядро в психе не сбросит свои многочисленные проявления, проявившись в конце концов в своей истинной природе.

Интересно то, что девушке, которая пытается расколдовать драконьего принца, приходится носить так много рубашек: она должна закутаться, не показываться обнаженной, т. е. в своем истинном виде. Это весьма щекотливая тема для обсуждения, но во время сеансов порой приходится ощущать собственную реакцию на нереалистичные требования анализанда. Вы не можете просто отклонить эти требования, ведь за ними стоит нечто реальное; с другой стороны, не следует также быть совсем наивным: выразившись негативным образом, вы получите деструктивную реакцию либо чувство шока, что вредит вашим отношениям с анализандом. Подвергнуть себя чужой одержимости — затея рискованная и довольно глупая. Вы должны быть достаточно дифференцированы, чтобы чувствовать, что есть что, соотносаясь только с подлинным, от прочего же держаться поодаль. В подобных ситуациях такая задача самая сложная.

То, что говорит девушка, в сущности, означает, что если дракон проявит более честную реакцию, то и она ответит ему тем же, однако если он предпримет жестокое нападение на нее, то обнаружит ее отсутствие. Аналогичным образом, если вы наивно поведетесь на одержимое требование вашего анализанда, это приведет лишь к разочарованию, ведь он почувствует, что угодил в капкан. Поскольку его желание иллюзорно, его лучшая природа будет уповать на то, что вы на него не поведетесь, а если поведетесь — он от вас отвернется: часть его останется

неудовлетворена, ведь его приняли на слишком уж наивном уровне.

Вот так выглядит проработка комплекса в отношениях аналитика и анализанда, однако такой комплекс также может проявляться в отдельном индивиде: это своего рода напутствие для сознательной позиции, которой не следует принимать чересчур поспешные выводы, ведь у бессознательного содержания множество слоев, так что оно не проявляется в своей истинной форме. Оно проявляется в сновидениях в завуалированном образе, но вы, вероятно, сможете сделать какие-то заключения о том, что за ним лежит. Если это не располагает достаточно тонкой теорией бессознательного, оно снимет лишь верхнюю завесу, не сумев достичь сердцевины комплекса.

Допустим, что это придерживается фрейдянской теории и ядро проявляет себя в сновидениях откровенно сексуального содержания. Если вы полагаете, что имеете дело с *оно*, а это оказывается не так, тем самым отношение с бессознательным разрывается, и тут уже возникают трудности. С другой стороны, вы должны быть уверены в том, что интерпретация Фрейда неверна. Поэтому наилучшей реакцией будет надеть на себя побольше рубашек, т. е. принять множество различных позиций, говоря при этом, дескать, «для брэнного существа это выглядит как множество различных позиций». Иными словами, вы оставляете внешнее проявление — адекватную теоретическую интерпретацию, но при этом оставляете место для другой возможной интерпретации, которая может оказаться более адекватной. Нельзя заранее предугадать, как долго будет продолжаться «пилинг» или пришли ли вы к финальному уровню интерпретации. Необходимо развиваться в процессе, ступая в ногу с анализандом, ведь правильный анализ всегда сопровождается трансформацией. Нужно быть готовым к тому, чтобы отбросить свой метод интерпретации и отказаться от всякой

теории и гипотезы, которые вы могли выстраивать вокруг вашего анализанда. Вы должны быть готовы признать, что проблема еще сложнее, выжидая, пока произойдет осознание подлежащей истины. В такой момент задаешься вопросом, как можно быть уверенным в том, что финальный этап уже достигнут, но в этом должен помочь инстинкт; аналитик и анализанд могут одновременно достичь спокойствия ума, и, если речь идет только о внутреннем комплексе, вы почувствуете, что это действительно *оно*. Как правило, это ощущение долгоиграющее, и вы перестаете чувствовать беспокойство и тревогу, которые всегда присутствовали ранее.

Порой когда человек говорит, что у него есть проблема и что он совершенно точно знает, в чем она состоит и как ее следует толковать, вы чувствуете, что он надеется на ваше согласие и в то же время что он этого не желает. Если вы сами несете в себе какой-то мучительный недуг, можете не сомневаться в том, что сняли с себя недостаточно много рубашек и драконьи покровы еще не обнажили истину.

В «Короле Линдворме» обнаженной истиной оказывается не что иное, как тот кровоточащий кусок плоти, который необходимо экзорцировать, чтобы он превратился в прекрасного принца. Эта сказка представляет компенсаторную фигуру Самости, ведь король-дракон — это аспект, не снискавший достаточного внимания в христианской символике. Человеку из плоти и крови и телесным нуждам нет места в период раннего христианства, такое отношение было неадекватно, именно поэтому многие покинули церковь. Развитие символизма Самости нечто привносит в нашу центральную религиозную репрезентацию, так чтобы она вновь могла функционировать и чтобы какие-то отдельные составляющие нашей жизни смогли вновь вписаться в общую жизненную позицию. Если Самость представляет собой тотальность че-

ловека, то она также выражает соответствующую часть человека, и мы должны отыскать ответы, которые позволят нам проживать также и эту часть нашей природы.

Сказка остается истиной на протяжении трех-четырех сотен лет; затем она, как правило, изменяется и эволюционирует. Это можно увидеть, сравнив сказки христианско-европейской традиции с китайскими или античными сказками. Человеческое сознание, по всей видимости, эволюционирует очень медленно, и приблизительно в том же темпе происходят изменения в волшебных сказках. Поэтому сознательные формулы необходимо переадаптировать к текущему процессу, происходящему в бессознательном и психе. По крайней мере, в психологической перспективе едва ли можно найти принцип, который мог бы действовать очень длительное время — в силу постоянно изменяющегося процесса, протекающего в психе.

Мотив животного или кожистого покрова, прячущего истину, тоже можно найти в фольклорной традиции других цивилизаций, причем с весьма типическими вариациями. Китайская сказка под названием «Нэчжа» повествует о благородном человеке и его жене, у которых не было детей. Жена, дожившая до седины библейской Сары, уже сутки лежала в постели, когда в комнату зашел даосский монах, который принес с собой прекрасную жемчужину. Он велел ей проглотить жемчужину, посулив, что тогда-де она произведет на свет дитя. Затем он исчезает, и девять месяцев спустя у женщины рождается комок плоти, источающий алое сияние и чудесное благоухание. В комнату входит супруг и своим мечом разрубает этот комок плоти, который тотчас превращается в ребенка — мальчика.

Мальчик растет диким, деструктивным и злобным: он будит морского дракона и вообще проделывает всевозможные шалости, принося горе и своим родите-

лям, и богам, но в конце концов он сознает, что должен искупить все содеянное и для этого ему нужно принести себя в жертву. Так он становится божеством, и все ему поклоняются, ведь он искупил все зло, совершенное им в юности. Здесь опять же возникает мотив символа Самости, однако он проявляется в области, куда более близкой к природе. По окончании долгого пути самопожертвования и перенесенных страданий Нэджа становится новым божеством, сменившим старых через новый религиозный символ.

В алхимических текстах часто упоминается замурованное божество, которое необходимо вызволить из деструктивной материи, в которую он заключен; речь идет о пресловутом *extractio animae*, при котором накаливается руда, так чтобы из нее вытек металл. На этот сюжет алхимики проецируют схожий психологический процесс, который связан с материалом, извлеченным из бессознательного, которому необходимо уделить очень пристальное внимание (т. е. тепло), чтобы извлечь нечто значимое. Именно это мы и делаем, занимаясь толкованием сновидений. Когда человек впервые рассказывает о своем сновидении во время психоаналитического сеанса, он либо смеется, либо извиняется за то, что приводит что-то, что кажется ему совершенной чушью, и он будет поражен, если вам удастся совершить своего рода *extractio animae*, изъяс значимое содержание из того, что казалось ему хаотичной бессмыслицей. Интерпретация сработала, если человеку удалось воспринять жизнеутверждающее значение, содержавшееся в том, что казалось ему лишенным смысла.

Меч, которым сражается король, репрезентирует акт дискриминации — интеллектуальной дискриминации, которая совершается тогда, когда мы приходим к конечному решению. Я могу привести вам пример такого рода, показав, каким образом бессознательное может принимать

решение вместо нас. Однажды, когда я сомневалась, стоит ли мне брать нового анализанда, мне приснился сон про человека, который только что уволился с работы, потому что перетрутился и больше не мог этого выносить. Очевидно, что этот сон говорит: «Не забывай, что в тебе присутствует этот фактор», тем самым, проясняя всю ситуацию. Мы достигли интеллектуальной дискриминации с элементом решительности; подход к проблеме был найден на инстинктивном уровне личности, и сновидение озвучило решение, принятое бессознательным. Таким образом, решение и дискриминация тесно связаны в *statu nascendi*. В Книге Апокалипсиса меч, выходящий из уст Господа, является дискриминирующим фактором, а сюжет, в котором Александр разрубает гордиев узел, передает аспект принятия решения.

Правильно истолкованное сновидение не только помогает рационализировать проблему, но также подсказывает ее решение, причем в сновидении акценты зачастую расставлены иначе, чем в сознании. Наконец, сновидение оказывает как интеллектуальное, так и этическое воздействие на сознательную личность. Как для бессознательного, так и для осознания необходимо применение дискриминирующего элемента: эти две позиции всегда должны перемешиваться друг с другом.

Зачем девушка надела на себя все эти рубашки? Почему не какой-то другой предмет одежды? У значения, которое может иметь одежда, выделяются два аспекта. С одной стороны, одежда относится к персоне — это маска, которую мы показываем внешнему миру. Мы одеваемся сообразно своему вкусу, чтобы показаться своему социальному окружению. В былые дни для всякого занятия существовал определенный дресс-код, и основополагающая жизненная позиция проявлялась в персоне. Таким образом, одежда зачастую призвана скрывать истинную личность и прятать «голую правду».

Ханс Кристиан Андерсен рассказывает историю о короле, желавшем облачиться в самое прекрасное одеяние. Король отыскивает портного, который уверяет его в том, что может сшить такое одеяние, однако его не смогут видеть ни глупцы, ни те, кто не соответствует своему месту. Увы, сам король не может увидеть своего нового платья, но он слишком глуп, чтобы догадаться о том, что портной — мошенник, и выходит на улицу в чем мать родила. Горожане, которым было известно о свойствах этого одеяния, твердили, как великолепен королевский наряд, и лишь ребенок сказал: «Но он же голый!» — и тогда все принялись смеяться. Одежда может оставлять ложное впечатление, однако всегда интерпретировать ее как маску или персону было бы слишком банально.

Во многих мистических культах подлинное изменение личности передается через перемену одежды. Когда Апулея посвящали в мистерии Исиды, он облачался в королевские одежды, украшенные знаками зодиака, а в период раннего христианства после обряда крещения люди одевались в белое, тем самым указывая на свое перерождение и очищение от грехов. Поэтому я бы сказала, что одежда, как правило, должна репрезентировать состояние человека, которое он желает продемонстрировать окружающим. Люди могут показывать внешне благоприятное состояние, тогда как внутри роятся всякие грязные фантазии и нечистые реакции. Или, напротив, внутреннее состояние может быть более чистым и более истинным. Есть еще поговорка «Вывешивать свое грязное белье перед публикой».

Рубашку носят на голое тело, поэтому этот предмет одежды обычно репрезентирует наиболее сокровенные мысли человека. Скажем, если мне не симпатичен г-н такой-то, я могу сказать при встрече, что я рада его видеть, но внутри я буду испытывать прямо противоположные чувства; в этом состоит разница между нижней и верхней

одеждой. Рубашка репрезентирует мысль или отношение, которые хоть и не составляют голую истину, но все же очень близки к ней, ведь рубашка носится под одеждой, покрывая голую кожу. Именно в этой промежуточной области должна раскрыть себя девушка из сказки о короле Линдворме: это практически ее истинная природа, но не вполне: она раскроет ее лишь после того, как дракон предстанет перед ней в своем подлинном обличье, тогда она сможет снять с него заклятие. До тех пор ей следует проявлять естественную, непосредственную реакцию, однако не раскрывая пока всей истины.

Рубашка также репрезентирует способ или средство выражения, впрочем, я хотела бы подробнее разъяснить этот пункт, обратившись к еще трем сюжетам братьев Гримм, в которых тема рубашки освещается в несколько ином свете.

Первая сказка, «Двенадцать братьев», повествует о короле и королеве, у которых было двенадцать сыновей. Король говорит, что если следующей родится дочь, он желает завещать ей все свои богатства, а всех мальчишек — поубивать. Он приказывает подготовить двенадцать гробов с подложенными в них подушками для голов; все гробы доставляют в одну комнату, а дверь запирают, чтобы юные принцы не смогли их увидеть. Но мать очень несчастна, и когда ее младший, принц Бенжамин, спрашивает ее, отчего она так печальна, королева рассказывает, что задумал король, и показывает мальчику гробы. Мальчик говорит матери, чтобы она не грустила и что ее сыновья непременно избавят себя от этой напасти. Они убегают в лесную чащу, забираются на высокое дерево и наблюдают: если над замком поднимут черный флаг, они будут знать, что родилась девочка; белый же флаг будет означать, что родился мальчик; если флаг будет черным, принцы попытаются спастись бегством.

В итоге над замком поднимается черный флаг, что приводит принцев в ярость, и они клянутся, что, попадись им в руки эта девчонка, они непременно должны ее умертвить. Затем они следуют все дальше в лес, пока им не встречается зачарованный домик, где они решают остаться. Бенжамину поручают следить за домом, пока остальные должны добывать пропитание. Так проходит десять лет.

Тем временем новорожденная принцесса подрастает и становится доброй и отзывчивой девочкой; на лбу у нее была звезда. Однажды принцесса видит среди стираного белья двенадцать мужских рубашек и спрашивает мать, чьи это рубашки, они ведь были бы маловаты для ее отца-короля. Мать рассказывает ей о братьях, и девочка отвечает, что должна пойти отыскать принцев и привезти их домой. Итак, она забирает те двенадцать рубашек, уходит в лесную чащу, видит зачарованный домик и находит в нем Бенжамину. Пораженный ее красотой, прекрасным нарядом и горящей во лбу звездой, принц спрашивает ее, откуда она и что делает посреди леса. Она отвечает ему, что ищет своих братьев, и показывает ему двенадцать рубашек. Бенжамин очень тронут, он целует сестру, обещая воссоединение, но признается, что братья принесли клятву ее умертвить. Принцесса отвечает, что готова принять смерть от руки братьев. Бенжамин прячет сестру, и, когда братья возвращаются домой, он рассказывает им о ней, выводя принцессу из ее укрытия. Она остается с братьями, все вместе они продолжают жить в зачарованном домике в мире и согласии, и сестра помогает Бенжамину с домашними хлопотами.

Однажды, желая преподнести братьям сюрприз, девочка срывает двенадцать лилий, росших в саду, и кладет по одному цветку на каждую тарелку. Но братья тотчас превращаются в двенадцать черных воронов и улетают прочь. Исчезает также и дом вместе с садом, и девочка остается совсем одна. Она не понимает, что произошло.

Тогда появляется старушка, которая объясняет ей, что она должна была оставить двенадцать лилий в саду, ибо это были ее братья, которые теперь навсегда превратились в черных воронов. Девочка спрашивает старушку, нет ли какого-нибудь средства, которое позволило бы снять заклятие, на что ей отвечают, что такое средство есть, но это очень непросто: девочке придется семь лет хранить молчание, не проронив ни слова. Она забирается на вершину дерева, но, когда молодой принц приезжает поохотиться в лесу, ее замечает охотничья собака и начинает лаять. Принц влюбляется в девушку, и они играют свадьбу. Проходит несколько лет, и королева-мать заявляет, что эта девушка — ведьма и ее нужно сжечь. Ее привязывают к столбу и разжигают огонь, но в тот самый момент, когда разгорается пламя, прилетают двенадцать воронов и, приземлившись, тут же превращаются в людей, ведь прошло ровно семь лет с того дня, как на них пало заклятие, и теперь девушка может объяснить, что в действительности произошло.

В сказке «Семь воронов» у крестьянина было семеро сыновей и ни одной дочери, поэтому он очень обрадовался, когда наконец у него родилась дочь. Но младенец был очень хрупким, и отец поспешил скорее крестить девочку. Поэтому он послал сыновей принести воды для крещения, но те разбили кувшин, в котором должны были нести воду, а потому боялись возвращаться домой. Отец, разгневавшись, пожелал, чтобы они превратились в воронов — что и произошло.

Девочка подрастает и прознает о том, что случилось с ее братьями, которых по ее вине прокляли. С этих пор она не находит покоя ни днем ни ночью, тревожимая мыслью о своих братьях, и наконец решает убежать на их поиски. Ей предстоит дойти до края земли, добравшись до солнца, луны и звезд. Утренняя звезда рассказывает девочке, что ее братья живут на стеклянной горе, и дает

ей маленько кривую ножку, которой та сможет открыть дверь дома, где живут ее братья. Она теряет этот предмет, но хватает нож, отрезает себе палец и открывает им дверь. Ее приветствует гном, сообщая, что воронов нет дома, но она может их дождаться; тем временем он накрывает стол на семерых. Девочка отпивает и съедает по чуть-чуть от каждой порции и роняет кольцо, которое она принесла с собой из родительского дома, в один из кубков. Когда вороны возвращаются в дом, каждый спрашивает остальных, кто ел из его тарелки и пил из его кубка, заключая, что это должен быть человек. Затем они находят кольцо, и один из них говорит: «Если бы только наша сестра была здесь, мы были бы освобождены от заклятия». Сестра выходит из-за двери, и братья возвращают свой человеческий облик, и вместе с сестрой они возвращаются домой.

В нашей следующей сказке, которая называется «Шесть лебедей», король едет на охоту в огромный лес, отстает от свиты и встречает старуху, которая согласна указать ему дорогу, только если он пообещает жениться на ее дочери. Девушка оказывается очень красива, но королю она не приглянулась, и вскоре он понимает, что взял в жены злую ведьму. У короля от брака с первой женой осталось шестеро сыновей и дочь. Подозревая, что его новая супруга наверняка попытается убить детей, он решает спрятать их в уединенном замке посреди леса, куда он время от времени тайно приходит их навестить. Ведьма узнает обо всем этом и, предварительно смастерив шесть рубашек, выслеживает короля, направляющегося в лесной замок, и так она узнает дорогу к тайному укрытию детей. Она подходит к замку, и мальчики, полагая, что пришел их отец, выбегают ему навстречу. Тогда королева накидывает на них рубашки, и дети превращаются в лебедей. Уверенная в том, что она расправилась со всеми королевскими отпрысками, злая королева возвращается домой вполне довольной.

Но сестра принцев, которая не выбежала навстречу королеве, твердо решает пойти на поиски своих братьев и освободить их от заклятия. После долгих странствий она наконец их находит, и братья рассказывают, что им дозволено принимать человеческий облик лишь на четверть часа вечером каждого дня и что освободить их от заклятия принцесса сможет, только если будет хранить молчание в течение шести лет; за это время она должна будет смастерить для них шесть рубашек из звезддоцвета. Девочка намерена выполнить все это; так, она взбирается на дерево и принимается за работу. Но проезжающие мимо охотники замечают ее и отводят к королю, который решает взять ее в жены. Свекровь молодой королевы обвиняет девушку в том, что та убила и съела своих новорожденных детей, и после пропажи третьего ребенка (похищенного, как и предыдущие двое, самой старшей королевой) ее приговаривают к сожжению на костре за ведовство. Но именно в этот момент истекает шестилетний срок ее испытания, она заканчивает шестую рубашку, но не успевает дошить один рукав. Костер уже вот-вот должны зажечь — и тут появляются шесть лебедей. Девушка, захватившая с собой рубашки, накидывает их на птиц, которые тотчас превращаются в людей, и лишь у младшего из ее братьев вместо одной руки лебединое крыло остается. Так раскрывается вся правда. Король узнает, что его королева вовсе не колдунья, его злобную мать сжигают на костре, и все живут долго и счастливо.

Вы видите, как важно изучить все три истории, ведь, в сущности, это три различные версии одного и того же сюжета, амплификация мотива рубашки. Рубашки могут служить и средством наложения заклятия, и средством освобождения от него. До сих пор встречавшимся нам персонажам требовалось обнажиться, но в последней истории избавление от заклятия происходит тогда, когда персонажи надевают рубашки. Мы должны задаться во-

просом, что же это может означать? Нам не нужно доказываться до голой истины, напротив, ей требуется облачение, чтобы она могла проявиться в своей истинной форме; нужны рубашки из звездоцвета, и, накинув их на заколдованного человека, мы сможем избавить его от заклятия. Здесь мы вновь обнаруживаем тот же самый мотив длительного усилия, преданной любви или акта самопожертвования.

Воздействие проекции на человека подобно заклинанию. Если вы надеетесь на лучшее, вы, скорее всего, это получите, но если вы ожидаете худшего, человек никак не сможет проявить себя наилучшим образом. Этот пункт очень важен в области образования, ведь если ребенок чувствует, что ему оказывают доверие и ожидают, что он сумеет добиться каких-то успехов, такое отношение действует как поддержка, так что ребенку удастся показать себя с лучшей стороны. И здесь мы подбираемся к очень тонкой проблеме, породившей множество заблуждений.

Здесь мне стоит привести некоторые замечания доктора Юнга относительно проекции, которую он делает в своей работе «Психологические типы». Он говорит о слоях архаической идентичности¹. Описывая эти обширные области бессознательной идентичности, Юнг говорит, что человек может начать говорить о проекции не раньше, чем возникнет острая необходимость в разложении этой идентичности. Проекция, говорит он, прежде всего основана на архаической идентичности. Все люди связаны друг с другом и отчасти идентичны друг другу. Совершенно отдельно существующих личностей в природе не бывает. Скажем, в случае нападения на Швейцарию нам всем придется действовать как единой личности. На уровне коллективного бессознательного мы все тождественны группе. Многие говорят, дескать, в юнгиан-

¹ Collected Works. Vol. 6. Par. 783.

ском психоанализе примитивные племена проецируют Самость на фигуру вождя, но это будет неверно. Скорее, примитивное племя находится в состоянии идентичности, в которой вождь репрезентирует Самость.

Опять же, если вы встречаете человека, который открывает вам опыт единства сердец и единства душ, между вами зажглась искра, и вы совершенно уверены в том, что этот человек искренне одобрит любое ваше начинание. Вы образовали очень мощную идентичность. Но затем вы озвучиваете решающий вопрос и приходите в ярость, когда другой оказывается не единомышлен с вами, ведь, если у вас так много общего, отчего вдруг он должен обнаруживать различие! Тогда вам приходится осознать, что вы совершили проекцию. Сперва, впрочем, когда устанавливается естественная гармония идентичности, было бы неправильно описывать это в терминах проекции, ведь в проекции всегда присутствует идея, что нечто, принадлежащее мне, было приписано другой личности.

Предмет проекции никогда не сознавался мною как нечто, характеризующее меня; речь идет об архаической области, которая может спроецироваться на кого-то другого. Пока между вами продолжает гореть «искра», о проекции речи быть не может, поскольку наличествует факт, истина. Если ваша тень лжет и вы встречаете другого человека, который также лжет, кто докажет, что здесь имеет место проекция? Только истина. Но если моя тень обманывает, а я обвиняю во лжи другого, тогда как тот не лгал мне вовсе, то тут возникает дискомфорт, что-то не срабатывает. Если у вас совесть нечиста, часть вашей личности больше не верит в ваши отношения, тогда вы можете с уверенностью сказать, что вы что-то спроецировали. Вы могли принять ошибочные допущения, которые не соответствовали истине, но о проекции можно говорить лишь тогда, когда возникает эта фаза дисгармонии. До этого же момента имела место архаическая идентич-

ность, и в этой ситуации едва ли можно делать какие-то заключения о том, что относится к одному человеку, а что — к другому, поскольку в действительности мы имеем дело с интерперсональным феноменом.

Рубашка, скорее, представляет некий способ самовыражения, однако я могу кинуть неверное допущение в адрес другого человека, тем самым заставив его проявить самое дурное, что в нем есть. Очень важно оказывать доверие другому человеку. Есть тип людей, которые всюду выражают негативные ожидания, и из-за этого другие показывают свои худшие качества. На несознательных людей, не слишком сведущих в подобного рода механизмах, такое скептическое отношение в самом деле может воздействовать точно заклинание, так что они тут же начинают замышлять каверзы.

Например, человек с негативным комплексом матери может насколько хорошо играть свою роль, что всякая встречная материнская фигура тут же оказывается вынуждена демонстрировать негативное поведение; или, скажем, у мужчины негативный комплекс отца, так что он протестует против всякого рода авторитетов, поскольку для него фигура отца репрезентирует традиционный образ авторитета, всякий намек на который действует на него как красная тряпка на быка. В присутствии военного офицера он может повести себя так, что тот будет вынужден прибегнуть к своему авторитету, тем самым, не в меньшей степени, чем его оппонент, подпадая под власть комплекса и отыгрывая отведенную ему роль. Здесь речь идет о комплексе, который принадлежит обоим этим персонажам и который их связывает между собой, так что каждый из них, сам того не желая, вынужден разыгрывать его с другим. Если у одного из них отсутствует этот комплекс, он не попадет в ловушку; однако если где-то в просторах его психе затесалось нечто подобное, в таком случае может сложиться идентичность.

Слушая одного из них, вы можете не сообразить, что к чему. Но, вероятно, более дифференцированный из них скорее устанет от всей ситуации, приняв в конце концов собственную позицию. Он может начать рассуждать и в итоге прийти к выводу, что, даже если его оппонент действительно так плох, как он о нем думает, он не станет продолжать расточать свою энергию в бессмысленных препирательствах с этим человеком, куда полезней было бы поискать соринку в собственном глазу. Тем самым он обрезает архаическую идентичность, обращая свою проекцию вспять. Он будет присматриваться к своим собственным фантазиям, изучать свой комплекс, постепенно высвобождаясь из-под его ярма. Можно сказать, что таким образом он оставляет в своей психологической системе то, что принадлежит ему, отбрасывая в сторону другого вместе с его проблемой.

Коль скоро возникает тенденция к саморефлексии и сомнению, можно сделать вывод о наличии проекции — но не ранее, даже если стороннему наблюдателю кажется, что она присутствует. Содержание редко непосредственным образом выходит на сознательный уровень, хотя подобное иногда случается — в случае, когда сознательная позиция достаточно открыта. Если вы сознательно открыты для притока нового содержания, бессознательное содержание может проявиться в сновидениях, просочившись таким образом в сознательное без какой-либо внешней драмы. Но даже в подобном случае, особенно если содержание очень глубокое и многогранное, в интерперсональном пространстве между людьми возникает участие. Это также происходит с творческой интуицией, когда двоим людям одновременно приходит в голову одна и та же идея, как, например, в случае, когда двое или трое ученых независимо друг от друга совершают одно и то же открытие. Таким образом, нельзя утверждать, что архетипическое содержание принадлежит лишь

одному из людей, переживающих между собой конфликтную ситуацию.

Каждый раз, когда какое-то содержание прорывается к границе сознания, мы можем наблюдать такую интерперсональную манифестацию, которая образует первую идентичность; затем следует осознание проекции. Поэтому подобные процессы сперва сводят людей вместе, а затем разъединяют; это великий режиссер всех человеческих драм, как позитивных, так и негативных. Сперва человеку кажется, что он встретил родственную душу, но вскоре между ними возникают разногласия — тогда и начинается вся эта *comédie humaine*. До тех пор, пока не появится ощущение дискомфорта, никто не сможет убедить этого человека в том, что он проецирует. Это одна из жизненных закономерностей, и было бы неразумно вмешиваться в естественный ход вещей, пока человек сам не задастся вопросом, отчего он всегда вздорит с мужчинами или женщинами определенного склада. Что в подобных ситуациях исходит от него самого? Пока двое любят друг друга и их отношения держатся на этой любви, к чему вклиниваться между ними, убеждая в том, что все дело лишь в проекции? Но когда отношения перестают устраивать партнеров и сходят на нет, архаическая идентичность приближается к тому состоянию, в котором ее можно назвать проекцией.

Я бы сказала, что облачение в рубашку, скорее, соответствует уровню архаической идентичности, а те воздействующие друг на друга интерперсональные комплексы еще не достигают уровня проекции. Как мне представляется, различные бессознательные комплексы коллективного бессознательного также связаны между собой своего рода химическим родством: они воздействуют друг на друга как позитивным, так и негативным образом, т. е. в пределах бессознательного одни комплексы могут задевать другие. Если мы допустим, что мы навели на кого-то пор-

чу, т. е. запустили определенные психологические склонности, то, по всей вероятности, здесь присутствуют некоторые противоречивые склонности, которые негативно воздействуют друг на друга и провоцируют проявление самых дурных черт других людей, и эту ситуацию можно изменить лишь через вмешательство сознания — сумев найти правильные средства выражения. Я предлагаю интерпретировать рубашку как формируемое воображением средство выражения, как адекватное, так и неадекватное. Предположим, у вас активировалось бессознательное содержание, которое переживается как некое рассеянное или волнительное состояние, порождающее невротическое беспокойство. Чтобы подобное содержание стало сознательным, чрезвычайно важно обеспечить этот переход адекватными средствами выражения.

У меня есть анализанд, юная девушка, у которой из-за негативного комплекса матери и тяжелого характера отца практически отсутствует феминное эго. Поэтому она чересчур чувствительна к обстоятельствам, возникающим в общении с ее окружением. Она может сделаться совершенно безутешной, если сосед назовет ее несносной, и быть на седьмом небе, если кто-то скажет ей, что она прехорошенькая. Она целиком и полностью зависима от других и не знает ни своих собственных желаний, ни того, что в действительности она собой представляет. Как следствие ее слабого эго, она всегда опасается вызвать негативную реакцию в других людях — ведь она бы не смогла вынести такую реакцию; таким образом, она оставляет впечатление того, что с ней что-то не так. Она никогда не произносит никаких негативных комментариев — она благодарит за любую мелочь. У вас остается впечатление, что за этим скрывается критическая реакция, однако она всегда стремится избежать неловких ситуаций. Вообще-то, при проявлении негативной стороны она охотно

пускается в нелюбимые сплетни, а сплетни всегда доходят не до тех ушей!

Когда она только начинала курс психоанализа, она вела себя довольно дико. Люди зачастую подозревали в ней интриганку, и так она лишилась того, в чем больше всего нуждалась — в человеческом контакте. Во время сеансов она обращалась ко мне как к безусловному авторитету, не решаясь признавать свои негативные чувства: она говорила, что не может дать им волю. Она удерживала в себе огромное раздражение по отношению к окружающим, но никогда не позволяла себе его выразить. Она слышала о так называемом активном воображении и читала об этом феномене, описанном в работах Юнга, и, сама того не зная, начала практиковать черную магию. Она представляла себе ненавистного ей человека, тем самым желая «обратить вспять свое раздражение» и преодолеть его, тогда как в действительности ситуация лишь усугублялась. Исходя из содержания ее сновидений, я предположила, что она практикует черную магию, и прямо обвинила ее в этом. Я узнала, что именно она делала, и сказала ей, что, вместо того чтобы пытаться разобраться с раздражающим ее человеком, ей следует обратиться к собственному раздражению, понаблюдать за собой, наконец, задаться вопросом — что она сама делала со своей тенью? Необходимо абстрагироваться от человека, который вызывает у вас гнев или раздражение, — в этом и состоит разница между черной магией и активным воображением. Вы должны облачить свой собственный аффект в нужную экзорцирующую рубашку!

Когда возникает вопрос об исцелении человека (вернее, одной из частей его психе), проблема всегда сводится к поиску правильного выражения и соответствующего рода материала, произведенного воображением, при помощи которого он сможет себя выразить.

Лекция 7

В прошлый раз мы говорили о «Семи воронах» и «Шести лебедях». Девушка из сказки про шесть лебедей должна сшить рубашки из звездоцвета, растения с маленькими цветками, которое растет в тени лесной чащи, и так как его цветки похожи на маленькие белые звездочки, в различных фольклорных произведениях их называют небесными звездами, растущими на земле. Как раз из этих цветов девушка мастерит рубашки, которые нужно накинуть на заколдованных братьев, чтобы те снова превратились в людей. Мы успели рассмотреть, как этот мотив связан с проекцией, или с нахождением правильного выражения для бессознательного комплекса посредством фантазийного материала. Мне хотелось бы, в частности, выделить технику активного воображения, которую мы пытаемся использовать тогда, когда конструируется динамическое содержание бессознательного, а также технику рассеянного сознания — при выполнении некоторых условий: достаточно устойчивое эго и отсутствие психозов; эта техника требует крайней осторожности.

При выполнении необходимых условий мы пытаемся позволить этому комплексу бессознательного выразить себя в фантазии, тогда как наше участие проходит на сознательном уровне. Таким образом материал амплифицирует себя иначе, нежели в сновидении. Всякое сновидение является амплификацией бессознательного содержания, тогда как в активном воображении происходит активная сознательная кооперация, сознательное усилие, с одной стороны, воздействующее на этот материал, но также привносящее в него некоторые факторы, и при такой кооперации сознания и бессознательного может начаться процесс трансформации.

Некоторые люди думают, будто умеют воздействовать на свои сновидения, но мне не приходилось наблюдать это умение в действии. Иногда бывает, что во сне вам приходит мысль, что вы не хотите видеть этот сон, — и вы тут же просыпаетесь; однако это реакция страха, при помощи которой происходит вытеснение. Но вы не можете изменять содержание сновидений. Единственный известный нам способ воздействия на бессознательное — это техника активного воображения. Несомненно, другие вещи также могут влиять на бессознательное, но это воздействие исключительно репрессивное. В *exercitia spiritualia* Игнатия Лойолы для медитации отводится определенный предмет, существует определенный план процедуры. Насколько нам известно, это также применяется в большинстве техник йоги. Так, в одной из практик предполагается, что на определенной стадии должны появиться прекрасные дивы и попытаться вас соблазнить, но вы должны противиться соблазну; также существуют правила, помогающие поддерживать соответствующий уровень концентрации.

Не в пример всем этим практикам мы принимаем точку зрения, что в таком диалектическом процессе, в котором происходит столкновение между сознанием и бессознательным, сознание эго приходится постоянно определять, чего оно желает, не планируя наперед. Если человек в своем воображении представляет, как его манит прекрасная богиня, он может решить, что последует за ней, или же решить обратное; это решение не подчиняется какому-либо правилу. Решение остается за сознанием — как было бы и в обычной жизни. И в этом состоит существенная разница. Если правильно применить эту технику, возникает некоторая вероятность того, что нам удастся воздействовать на бессознательное, так что человек сможет ощутить огромное облегчение, освободившись от напряжения, вызванного цепкой силой бессозна-

тельного содержания. Данная техника также представляет неплохой способ проработки некоторых аффектов или выявления бессознательного творческого материала, который сложно понять и который не может проявиться в каком-то уже существующем материале, ведь мы предоставляем бессознательному возможность выразить себя, задействуя при этом фокусирующие и концентрирующие элементы сознания, так что полученный на выходе продукт принадлежит обеим сферам, находясь в промежуточной области, которую можно назвать реальностью психе.

Я полагаю, мы можем провести параллель между этой техникой и образом рубашки из звездоцвета из нашей сказки. Девушка прилагает длительное и самоотверженное усилие, стремясь обеспечить лебедей той формой, которая поможет им вернуть человеческий облик, и этот мотив представляет аналогию процесса активного воображения: мы исходим из человеческой перспективы на бессознательное содержание, мы беседуем с ним, словно это человеческое существо, тем самым производя на него таинственное очеловечивающее воздействие и подсказывая анимусу или аниме некий способ самовыражения.

Всякое содержание бессознательного, с которым не была установлена соответствующая связь, стремится пленить человека — оно всегда нападает исподтишка. Поговорив с этим содержанием, вы устанавливаете с ним отношения. Вы можете либо быть одержимы содержанием, констеллированным в бессознательном, либо вступить с ним в отношения. Чем больше вы подавлены этим содержанием, тем сильнее оно на вас воздействует. Если мы не занимаемся активным поиском средств самовыражения для бессознательного, оно проявляется в виде деструктивного, разрушительного и навязчивого фантазийного содержания.

Люди, одержимые содержанием бессознательного, захвачены самыми невероятными допущениями, которые они не ставят под сомнение, не вполне проясняют для себя самих, поскольку эти допущения кажутся им совершенно очевидными. Они всегда во всем уверены, им никогда не придет в голову спросить себя: «А почему я так думаю?» Одержимость становится завершенным полусознательным убеждением. Это происходит, когда фантазийный материал находит неправильный способ выражения, например, в обвинениях в адрес близких или друзей, которые никогда не подвергаются внутренней критике; этот материал таится на задворках сознания такого человека, подвергаясь амплификации. Человек собирает по крупичкам мелкие незначительные частности, выстраивая из них параноидальную систему, и каждый элемент привносит что-то еще. Скажем, правительство Швейцарии замышляет то-то и то-то, или звонок почтальона означает то-то и то-то — всякая мелочь интерпретируется как очередной «знак». Даже ум так называемых нормальных людей захламлен некритически принятыми допущениями, не соотношенными с сознательной реальностью. Заведя об этом беседу с одним из них, вы набредете на совершенно неустойчивый блок и обнаружите какую-нибудь безумную идею. В таком случае стоит прибегнуть к технике активного воображения: нужно положить свою идею или догадку прямо перед собой и побеседовать с ней. Преодолев некоторую стесненность сознания и порождающееся в вашем уме сомнение, что вы все делаете правильно, вы позволите своему бессознательному содержанию выразить себя в фантазии; для этого необходимо принять объективную позицию в отношении собственного бессознательного материала.

Пока девушка шьет эти самые рубашки из звездочвета, она не должна проронить ни слова (этот мотив появляется и в других версиях этой сказки), ее обвиняют

в убийстве собственных детей, в колдовстве и т. д. Здесь возникает еще один мотив искупления. Обет молчания может означать воздержание от каких-либо контактов с окружающими вас людьми, а также запрет на обсуждение своей проблемы. Здесь мы, безусловно, имеем дело с очень часто встречающимся явлением — когда что-то настолько вас потрясло, что вы лишились дара речи. При кататонических состояниях человек не способен говорить, ошеломленный теми эмоциями, которые породила в нем возникшая проблема. Если мы говорим о не столь тяжелых случаях, человек не может говорить тогда, когда он чем-то глубоко тронут: здесь мы опять же видим противопоставление между тем, что происходит произвольным образом, и тем, что случается, когда мы прилагаем к тому некоторое усилие. Если бессознательное содержание способно лишить вас дара речи, наилучшим решением будет поддержать эту тенденцию своим добровольным намерением не говорить о своей проблеме. Приложив свое сознательное усилие или утвердив сознательную позицию, вы сможете обратить деструктивный или опасный элемент в позитивный.

Итак, если вы потрясены бессознательным содержанием и не можете об этом говорить, то не стоит пытаться рассказать об этом кому-то другому — пусть это содержание сперва найдет выражение для вас самих. Тогда вы уже не будете потрясены неизвестной эмоцией, которая всегда представляет собой динамический факт, развивающийся в определенном направлении. *Примитивный* бессознательный импульс должен будет следовать за этой таинственной тенденциозностью эмоции, куда бы она ни пожелала направиться. Если это ненависть, она через неволю будет вести вас к ненавистному предмету; то же самое — если это любовь. Остановимся на двух основных эмоциях. Если вы попытаетесь сперва выразить свою эмоцию перед ее объектом, есть серьез-

ный риск, что эмоции вас переполнят. Скажем, человек взбешен, но намерен выразить это обстоятельство в благовидной манере, однако едва он произносит слово — тут же выливается целый поток; он собирался сказать совсем немного, а в итоге обрушилась лавина! В состоянии аффекта человек высказывает гораздо больше, все дальше увлекаясь, и под конец он уже убежден в том, о чем вначале еще сомневался.

Если технику активного воображения практикуют те, кому не подходит этот метод, фантазия выражается таким образом, что они переживают свой собственный материал, однако их эмоция становится все сильнее и сильнее, так что в конце концов это приведет к катастрофе, ведь аффект тем временем успеет возрасти. Сперва нужно спрясти пряжу для рубашки — найти способ самовыражения, и лишь затем выпустить эмоцию из ее темницы. Один иезуит, живший в XVII в., сказал, что человеческий язык подобен огненному колесу: он всюду источает ядовитый огонь и несет разрушение. Негативный аспект языка — штука дьявольская. Достаточно вспомнить о силе пропаганды в наши дни и о том, что с ее помощью можно сотворить самые ужасные вещи, вплоть до убийства.

Для людей, которые пишут полные ненависти статьи, изливая свои эмоции на бумаге, было бы разумно хранить молчание и работать над своим аффектом, тем самым он как бы получал рубашку, которая позволила бы придать его эмоции человеческий облик. То же самое постоянно происходит в психоанализе. Все зависит от того, каким образом будет выражена резистентность. Если человек просто выбрасывает ее вовне, аналитику приходится прикладывать немало усилий, чтобы, в свою очередь, не потерять самообладание. Однако если анализанд говорит, что в течение прошедшего часа он испытывал некоторую резистентность и хотел бы обсудить такой-то

и такой-то пункт, то в таком случае речь идет о нормальной человеческой ситуации, ведь предмет был представлен в ладно сшитой рубашке.

К сожалению, для одержимого человека свойственно всегда быть убежденным в своей правоте. Так же как некоторые русские мыслители убеждены в том, что западная культура деструктивна, так же и здесь: если вами завладел анимус, вы уверены, что так оно есть. Это очень важное знание. Подобно большинству моих братьев и сестер я не замечаю того, что подпала под влияние анимуса: я убеждена, что это мое собственное мнение, а не позиция анимуса. Но посвятив какое-то время анализу этой ситуации, прислушавшись к тону внутреннего голоса и оценив интенсивность переживаемой эмоции, можно понять, что что-то здесь неладно. Чрезмерное упорство, с которым вы желаете обладать чем-то или совершить нечто, вызывает подозрение. У вас такое чувство, как будто вы когда-то уже слышали подобный диспут, протекавший внутри вас. Если вы подпали под чересчур сильное воздействие анимуса, вы не сможете избавиться от этого сразу, поэтому стоит какое-то время хранить молчание. Вернитесь к себе и скажите: «Все это неправильно; есть что-то подозрительное в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, так что пару дней я ничего не буду говорить», и впоследствии вы будете благодарить Господа, что в этот раз сумели удержать все это внутри. Но эта эмоция может загноиться, так что ситуация только ухудшится — тогда-то вам и потребуется рубашка; вы не должны просто держать все в себе, позволяя негативной эмоции отравлять вас и змеиться внутри вас, ведь это делу не поможет. Если яд гноится внутри, дня через три станет только хуже, но если в течение этого времени вы набросите на него рубашку, скажем, при помощи активного воображения, тогда вам удастся избежать неприятностей.

Я уже упоминала о случае девушки, которая всегда вела себя любезно и доброжелательно, потому что ей хотелось всем нравиться, и которая в конце концов скопила в себе ненависть к одному женатому мужчине. Пара, с которой она иногда встречалась, столкнулась с тем же недугом, и, естественно, они стали обвинять друг друга в неискренности и лицемерии. Однажды после званого обеда в их доме она вернулась домой, сотрясаясь от патологического гнева, вызванного этим мужчиной, который был лицемером и обманщиком — ужасным человеком, скрывающимся под маской любезности. Она не произнесла ни слова. Было бы хуже, поступи она иначе: она бы выплеснула из себя слишком многое. Итак, эмоция скапливалась в ней, и, вернувшись к себе, девушка никак не могла сосредоточиться на работе, поскольку ее переполнял гнев. Она давала волю негодованию в своем фантазийном материале, представляя, как она расправляется с этим человеком: вешает его, плюет ему в лицо и т. п. Одно из ее сновидений указывало на то, что она увлеклась ведовством и черной магией. Я поставила ей это в упрек, но она не могла вспомнить, что занималась чем-то подобным. Тогда я решила пройтись по всем событиям, происходившим в течение предыдущих нескольких дней, и она вспомнила про эти фантазии. Я сказала ей, что если аффект так сильно ее тревожит, то ей необходимо его персонифицировать — но не в образе человека, который вызвал у нее такие эмоции, а, скажем, в образе разъяренного медведя или какой-нибудь твари, которая крушит все на своем пути. Если просто дать волю аффекту и предаваться неправильным фантазиям, которые у вас возникают, это может усугубить *abaissement du niveau mental*¹. Держать язык за зубами, удерживать аффект, не давая ему выхода наружу,

¹ Понижение ментального уровня (*фр.*).

с тем чтобы после найти для него соответствующий способ выражения, — вот правильный путь для данного мотива искупления.

Мы также можем обратиться к совершенно иному содержанию. Скажем, подобно ворону или лебедю, бороздящему небесные просторы, вы внезапно зажглись манией величия, воображая себя ни мало ни много верховным божеством. Вы либо говорите себе, что все это блажь, либо вы принимаетесь подпитывать эту навязчивую идею, но ни с кем не делитесь ею, ведь никто вам не поверит! Это не просто надуманная вами фантазия, но вы, вероятно, задаетесь вопросом, как вообще такая мысль пришла вам в голову? Конечно же, она сама к вам пришла! Если вы будете ходить по улицам и кричать, что вы божество, вас поместят в специальное заведение, но если вы оставите это при себе и спросите себя, откуда у вас в голове появилась эта идея, вам наверняка откроется самый невероятный материал. Тогда, подобно мистикам, вы обнаружите, что во всяком человеческом существе присутствует божественная искра и вашу личность дополняет внутренний опыт, хотя первое проявление этой искры было весьма шокирующим. Поэтому человеку необходимо, так сказать, посидеть на дереве в полном уединении, позволив своему ощущению выразить себя, проявляя чуткость к материалу, вместо того чтобы позволить этим чувствам взять верх над собой.

Парацельс говорит, что всякий человек — космос, держащий в себе все звезды. Звездное небо представляет образ коллективного бессознательного, и спускающиеся с неба звезды символизируют осознание, реализацию, ведь идея становится реальной, оформляясь в человеческом сознании. То, что не было осознано, — то не реально. Пока идея атома не была осознана, атомы существовали — но не в человеческом сознании. Звезды спустились с небес, где их завернули в рубашку, тем самым

реализовав архетипический паттерн. Оставшееся крыло, пожалуй, означает, что интеграция и осознание — вещи довольно относительные. Как сказал Гёте, «*Uns bleibt ein Endenrest, zu tragen peinlich*»¹. То же верно и для архетипического содержания, которое невозможно целиком интегрировать. Значение символа можно исчерпать в отношении вашего субъективного чувства, но вы не исчерпаете все возможные значения. Я обращаюсь к волшебным сказкам и интерпретирую их, пока в моем собственном уме не будет достигнуто умиротворение, однако у меня нет ощущения, что я исчерпала весь материал. Если я проработала недостаточный объем, я испытываю дискомфорт, затем мне снятся сны, содержание которых подсказывает мне, что мое бессознательное еще не вполне удовлетворено предложенной мной интерпретацией, однако этот пункт очень относителен. Некоторые люди полагают, что раз вы 20 лет занимаетесь психоанализом, то ваше бессознательное уже давно должно было исчерпаться, однако практически оно никогда не исчерпывается, какие-то аспекты всегда остаются нераскрытыми, как если бы бессознательное обладало способностью непрерывно производить все новое содержание. В конце у вас всегда остается одно лебединое крыло, которое восходит к бессознательному.

Любопытно, что, когда девочка воссоединяется с семьей воронами, вместе они образуют восьмерицу — число, символизирующее целостность; а в истории о шести лебедях, где девушка выходит замуж, общее число опять же восьмерка. В финале обеих сказок остается по восемь персонажей. Символизм этого мотива обсуждается в работе Юнга «Психология и алхимия»², где непростой переход от трех к четырем или от семи к восьми связан с пробле-

¹ Останки несть в руках

Для нас мученье (нем.) (И.В. Гёте. Фауст).

² Collected Works. Vol. 12. Pars. 201ff.

мой интегрирования четвертой, низшей функции. Здесь мы всегда сталкиваемся с большими трудностями, которые связаны с тем фактом, что бессознательное не может быть полностью интегрировано, и тем, что четвертая функция всегда остается более или менее автономной. В сущности, это хорошо, ведь это означает, что жизнь продолжает идти своим чередом, постоянно конструируя новый материал, а вместе с тем — и новые проблемы. Мы никогда не можем интегрировать целое; возможность же подобного интегрирования означала бы оцепенение жизненного процесса.

Следующий мотив можно условно назвать мотивом Амура и Психеи, сюжета, заимствованного из «Золотого осла» — позднеантичного произведения римского автора II в. н. э. Луция Апулея. Текст повествует о человеке, изучавшем колдовство в греческом городе Фессалия, который желал раскрыть секреты ведовства, практикуемого его любовницей. Но все пошло не так, и герой превращается в осла; однако он сможет вернуть свой истинный облик, если съест цветок розы. В конце романа герой находит слугителя храма, который несет букет алых роз, готовясь к церемонии посвящения в исидийские и осирийские мистерии, так что в конце концов нашему герою удастся вновь обрести человеческий облик, а заодно стать причастным к таинству мистерий. За то время, пока он жил в обличье осла, он также успел примерить на себя роль выючного животного, таская поклажу разбойников, похитивших девушку. Пока разбойники были заняты трапезой, старуха рассказывает плачущей девушке сказочную историю, которую часто публикуют как отдельное произведение.

В своей книге «Амур и Психея» Эрх Нойман интерпретирует эту историю с точки зрения женской психологии, однако в действительности она скорее связана с анимой мужчины и психологией анимы. Апулей представил этот сюжет в качестве народной сказки, которая появляется

в определенном месте его романа, поскольку этот сюжет был известен задолго до Апулея. Любопытно, что в германской и скандинавской мифологии мы находим параллельные мотивы, существующие вполне независимо от нашей истории, что показывает нам, насколько широко были распространены эти мотивы.

В античной версии этой истории царевну Психею соблазняет сын богини Венеры бог Эрос (или Амур), который живет с ней во дворце, где невидимые слуги приносят им всякие яства. Психея не может увидеть своего супруга, поскольку он невидимый; каждую ночь он делит с ней ложе, при этом она и не догадывается о том, кто же он в действительности. Две ее сестры отравляют ее сомнением, говоря, что она замужем за драконом, который занимается с ней любовью и откармливает лишь затем, чтобы в конце концов сожрать. Психею снедают сомнения, и злые сестры подговаривают ее взять кинжал и масляную лампу, спрятать в надежном месте, чтобы достать их ночью, когда супруг заснет, и поглядеть на него. Когда Психея зажигает лампу, она видит перед собой прекраснейшего крылатого юношу, но тут на него капает капля горящего масла. Он просыпается и говорит, что не желал раскрывать ей, кто он, и чтобы наказать ее за вероломство, он улетает, оставляя ее в одиночестве. Сперва она хочет покончить с собой, но вместо этого решает отправиться на поиски Амура, и так начинается ее длительное путешествие.

В этом случае возлюбленный обретает видимость не благодаря свету лампы, а из-за горящего масла, ранящего его так, что он исчезает. В германской сказке «Три черные принцессы» мотив искупления звучит несколько иначе. Молодой человек, очутившийся в черном замке посреди леса, находит трех черных принцесс, по пояс закопанных в землю. Юноша предлагает им свою помощь, и принцессы отвечают, что он сможет снять с них заклятие, если в течение года не проронит ни единого слова

и никому не расскажет ни о принцессах, ни о том, что пытаются снять с них заклятие; но если он выдаст их секрет, юношу ждет смерть от рук их братьев. Какое-то время он держит обещание, но когда дома мать спрашивает его, почему он молчит, юноша дает слабину и все рассказывает матери. Мать подозревает неладное в этой истории и советует сыну захватить с собой церковную свечу и склянку святой воды; вернувшись в черный замок, он должен зажечь свечу и окропить принцесс святой водой. Так он и поступает, и принцессы становятся белыми — но только до середины туловища. Они говорят юноше, что если бы он сдержал свое обещание, то освободил бы их, отныне же не родится вовеки тот, кто сумел бы их освободить, и юношу ждет гибель от рук их братьев. Герой, пытаясь спастись бегством, выпрыгивает из окна и ломает ногу. Замок исчезает, а герой остается калеккой. В этом сюжете фигура анимы оказывается уничтожена в результате неудачной попытки пролить на нее свет.

Еще одна вариация этого мотива встречается в другой сказке братьев Гримм — «Поющий и прыгающий жаворонок». У богатого купца были три дочери. Отправляясь в далекое путешествие, он спрашивает дочерей, какой подарок им привезти. Одна дочь просит жемчугов, другая — алмазов, а третья желает поющего и прыгающего жаворонка. Купец долго искал, но не мог найти то, о чем просила младшая дочь, как вдруг, возвращаясь домой, посреди леса он видит сидящего на дереве жаворонка. Однако жаворонка охраняет лев, который говорит ему, что позволит забрать птицу лишь при условии, что купец отдаст ему — льву — в жены его младшую дочь. Купец так напуган, что, воротившись домой, тут же рассказывает все дочери, и та соглашается на условие льва и отправляется в его лесной замок. Каждую ночь лев сбрасывает свою шкуру, превращаясь в прекрасного принца, но с восходом солнца он снова превращается во льва. Спустя время

девушка начинает тосковать по дому и просится пови-
даться с отцом и сестрами. Льва настораживают ее прось-
бы, но девушка настаивает, ведь одна из ее сестер выхо-
дит замуж и устраивает свадебный пир, и они непременно
должны оба присутствовать на празднестве. Лев отвеча-
ет, что если на него прольется хоть один луч света, слу-
чится непоправимое, поэтому девушка устраивает так,
чтобы его содержали в комнате, куда не проникает свет.
Но в одной из стен была трещина, куда просачивался
тонкий луч света, и едва свет упал на льва — он тут же
превратился в голубя. Вернувшись, девушка вместо льва
находит голубя, который говорит ей, что теперь он дол-
жен семь лет летать среди других голубей, но она может
последовать за ним, если хочет, ведь с каждым седьмым
шагом он будет ронять по капельке крови и белому перыш-
ку. И если она желает последовать за ним, ей предстоит да-
лекий и нелегкий путь за тридцать земель, по ту сторону
Красного моря и страшного леса — только так она смо-
жет освободить его от заклятия.

И здесь опять же воздействие света оказывается де-
структивным, однако тут тоже фигурируют сестры геро-
ини. В других версиях этой сказки возлюбленный исчеза-
ет, когда его называют его животным именем, или если
героиня выдает его секрет своим сестрам. Однако я хоте-
ла бы сосредоточиться на тех версиях, где фигурирует
мотив света. Этот мотив весьма примечателен, ведь
мы привыкли думать, что свет всегда играет исключи-
тельно положительную роль. Свет символизирует созна-
ние: мы говорим, что на нас «снизошло озарение», имея
в виду, что нам удалось что-то осознать, и т. п. Здесь
мы наблюдаем некое таинственное единение между дву-
мя влюбленными, которое подпитывается этой таин-
ственностью. Это единение происходит в ночной тьме,
не тронутой светом сознания, но стоит свету пролиться
на него — тут же и расставание, и муки, и, вероятно, даже

верная утрата всякой надежды на исцеление, как в случае с хромотой героя, который должен был освободить трех черных принцесс.

Это обстоятельство указывает на деструктивность сознания, а именно на то, что для определенного содержания бессознательного свет сознания будет оказывать не позитивное, а деструктивное воздействие. И всем аналитикам, в том числе будущим, необходимо в полной мере это понимать. Этот мотив относится к архетипическим, а значит, он наиболее широко распространен и чрезвычайно важен. Сознание может быть деструктивным и может стать причиной разделения внутри некой области, которую совершенно явно можно охарактеризовать как область эроса. Вот где свет сознания может произвести совершенно деструктивный эффект. Кроме того, судя по тому, каким образом исчезает лев (в оригинале, скорее всего, ошибка: *from the way the light disappears*), остается впечатление, что если бы героиня смогла хранить тайну еще какое-то время, то в определенный момент, по крайней мере, частичное исцеление было бы достигнуто.

Разумеется, разрушительное действие света объясняется тем, что его пролили слишком рано. Об этом непосредственно говорят некоторые персонажи сказок, превращенные в зверей; и мы также постоянно встречаем следующую сюжетную линию, в которой герои должны приложить невероятные усилия, чтобы вновь обрести своих возлюбленных. Таким образом, здесь в очередной раз возникает мотив срока, по истечении которого можно пролить свет. В данном случае возлюбленный может быть животным или же, напротив, божеством, и, скажем, Психея — с полным на то основанием — опасается, что сестры правы и ее супруг может оказаться драконом. В итоге же она узнает, что стала женой прекраснейшего божества, что тоже подпадает под общую концепцию

аналогичных сюжетов, ведь божественная и животная природа очень схожи между собой.

Божественная природа либо превосходит человеческую, либо уступает ей — в сущности, неважно, какой из этих вариантов имеет место. В одном случае таинственный супруг превосходит человеческую природу героя, в другом — тайна состоит в том, что он ей уступает. Для алхимиков высшее есть низшее, т. е. животное начало тождественно божественному. Эта тайна превосходства или подчинения человеческому началу как-то связана с его уязвимостью перед светом сознания, ведь последний может разрушить какие-то элементы того, что превосходит или уступает, не распознав их в их собственной области. Деструктивным качеством обладает свет сознания сестер и матери — снующих вокруг, ревнивых, сеющих негатив женщин.

Таким же деструктивным является свет, исходящий от свадебного празднества одной из сестер героини, или свет, намеренно пролитый на божество, по совету одного из персонажей; или же, как это происходит в истории о трех черных принцессах, матушка героя советует ему запастись свечой, — этот мотив может быть связан с угрозой ревности или злонамеренности. То есть речь идет не о решении самого героя, а о некоем независимом решении. Однако в сказке о льве и жаворонке мы не видим подобного решения: героиня лишь просит льва прийти на свадебный пир, что указывает на неправильный «стимул», исходящий с ее стороны. Ищущий исцеления всегда сторонится света, ведь он оказывает деструктивное действие на эмбрионическое содержание или же на содержание, пребывающее в состоянии трансформации. Если вы переставите горшок с растением, поставив его под прямые солнечные лучи, растение погибнет; точно так же солнечные лучи могут быть губительны и для нас, если

мы слишком долго будем под ними находиться. В обеих сказках проливание света обусловлено негативными причинами или злым умыслом, т. е. неправильным мотивом.

Если взглянуть на это с психологической точки зрения, можно сказать, что в этом свете осознания присутствует позиция «это не что иное, как...». Есть огромная разница между тем, чтобы сказать «*X* — это *X*» и «это не что иное, как *X*». Если нечто находится в процессе развития и я говорю «Это есть *то-то*», данный предмет все еще может измениться, но если я говорю «Это не что иное, как», такое отношение задает ограничения, приостанавливая процесс трансформации, а заодно и возможность дальнейшего развития. Если разум, вместо того чтобы сказать «Мне кажется, что это так-то и так-то», представляет свое предположение как результат тонкого психологического анализа, говоря «Я *знаю*, что это именно это и никак иначе», то пресловутое «никак иначе» привносит дьявольское или люциферское разрушение, в частности, если речь идет о зарождающемся процессе. То, что успело окаменеть, уже не несет никакой важности. Высказывание в более обтекаемом ключе будет безвредным, но если предположить, что нам все досконально известно о жизни растений и что мы наблюдаем не что иное, как такой-то и такой-то химический процесс, мы тем самым пресекаем всякую дальнейшую возможность развития.

Всякое духовное содержание (возвращаясь к мотиву оставшегося лебединого крыла) включает в себе аспект, который пока еще не был распознан. Так, философская система, при помощи которой мы пытаемся интерпретировать содержание бессознательного, остается открытой для корректирования; такая позиция позволяет избежать деструктивного эффекта. Нам следует удерживать в уме то, что кажется вероятным, в то же время допуская что-то еще,

тем самым оставляя возможность для последующего развития.

Свет церковной свечи навредил принцессам лишь потому, что его пролили по злонамеренному наущению матери героя, иными словами, мотив, скрывавшийся за пролитием света, был неправильным. Мать проявила решительную враждебность по отношению к будущей невестке. Негативное действие, в сущности, оказала не святая вода, а негативный элемент, привнесенный матерью. Святую воду и церковные свечи используют для ритуала изгнания злых духов; таким образом, когда она говорит сыну, что он должен взять с собой святой воды, она предполагает, что принцессы — «не кто иные, как» злые колдуньи, тем самым она привносит нюанс, который не присутствовал в самой истории, ведь принцессы хотели «побелеть» и вовсе не были ведьмами. Окропляя принцесс святой водой, герой выражает идею, что они «не кто иные, как» колдуньи, разрушая, таким образом, их души.

Всякое злонамеренное или профанное действие всегда сопряжено с оценкой в терминах «это — не что иное, как...». Некоторые люди в любом споре хотят оставить за собой последнее слово; в их словах присутствует некоторый колкий задор, который неуместен для интеллектуальных аргументов. Когда интеллект перестает играть роль инструмента, приобретая автономность и собственную динамику, тут можно не сомневаться в том, что человек, демонстрирующий подобное поведение, движим своей анимой; в противном случае он вел бы спор спокойно и отстраненно. Здесь может присутствовать некий дополнительный аспект, который пока еще не был распознан. Ученые XIX в. претендовали на абсолютную истинность своих теорий; они вовсе не задавались вопросом об условиях возможности познания, что отличает их позицию от более открытой позиции современных ученых, которые говорят: «То, что мы наблюдаем, подводит нас к такому-то

заключению». Таким образом, предмет всегда оставляет возможность для множества различных решений; мы придерживаемся идеи относительной — а не абсолютной — истины.

Подобное представление о нашем разуме — что он может служить инструментом, при помощи которого мы можем, с одной стороны, «проливать свет» на некоторые области и, с другой стороны, отключать другие аспекты, — составляет часть необходимого изменения позиции. Это безусловно применимо к интерпретации психологического материала: описывая ее с одной точки зрения, мы могли бы сказать, что интерпретация позволяет извлечь смысл из психологического материала, исходя из данного аспекта, но при этом существуют тысячи других вещей, которые мы также могли бы открыть.

Самонадеянная интеллектуальная позиция, как правило, обусловлена бессознательными мотивами, такими как престиж или власть, а также защитными механизмами страха. Нужно очистить разум от неправильных мотивов, не забывая при этом о его инструментальном предназначении. Инструментальный фактор должен использоваться целостной личностью, а не автономным элементом, выбренным бессознательными мотивами страха или «политического» интереса и прочими вещами, отравляющими инструмент рефлексии.

В сюжете о трех черных принцессах мы видим объяснение деструктивного мотива матери. В сказке о льве и жаворонке мы не можем с уверенностью говорить о какой-то определенной психологической позиции, но нам известно, что сестры героини просили драгоценности, что указывает на мещанский и приземленный взгляд на жизнь, и, вероятно, это как-то связано с тем фактом, что свет, возникающий в контексте свадебного пира, сыграл некую деструктивную роль для свадьбы младшей сестры: мещанский или корыстный мотив закрадывается

в нечто абсолютно мистическое по своему характеру. Это обстоятельство проливает немало света на женскую психологию, в частности, в ситуациях, когда сложно провести границу между любовью и социально обусловленной мотивацией, поскольку исторически сложилось так, что в любовных отношениях с женщиной ее социальный статус всегда играет определенную роль. В частности, в исламском мире женщина становится членом гарема. Статус замужней женщины, как правило, обеспечивает ее престиж и положение в обществе, и этот престиж неизбежно отравляет искренность ее чувств к супругу.

С анимой мужчины все обстоит несколько иначе, поскольку его эрос отчасти принадлежит излюбленной профессии, милым ему идеалам или области духовного опыта, который он переживает; именно это привносит приземленный мотив. Многим мужчинам пришлось оставить ту или иную область, поскольку им не удалось сделать карьеру в данной области; мужчина разрушает свой внутренний опыт, если он подчиняет свой духовный потенциал цели построить карьеру, тем самым предавая свое естественное стремление к истине; так «драгоценности» отравляют атмосферу мистического внутреннего венчания, свершающегося в его душе.

Результатом далеко не всегда оказывается полное и окончательное разрушение отношений; в сказке о черных принцессах юноша на всю жизнь остается калекой, зато в других сказках героям предстоит проделать долгий путь, чтобы в конце концов вновь обрести своих суженых. Такое происходит, когда люди поддаются стремлению к власти и престижу, теряя свое внутреннее единство, пока наступающее несчастье и отчаяние не толкают их вновь на поиски утраченной души. Как правило, это путешествие предполагает длительные искания и отказ от мирских привилегий, которыми человек некогда обладал, для того чтобы он сумел снова обрести внутреннюю

целостность; возлюбленного тоже можно исцелить, перенося страдания или поцеловав уродливую жабу (исцеление посредством преодоления отвращения).

Теперь я хотела бы затронуть еще один мотив — мотив отрубленной головы. В некоторых сказках фигурирует персонаж — зверь-помощник, который приходит на подмогу герою или героине, дает им совет или помогает, предупреждая об опасности. Иногда один из героев, жених или невеста, превращается в животное, которое в конце сказки просит, чтобы ему отрубили голову. Как правило, тот, на кого возлагают эту задачу, отказывается, говоря, что он слишком многим обязан этому животному, но последний настаивает; или же возникает некая пауза, после которой животное возвращается, и герой наконец соглашается, достает свой меч и обезглавливает зверя, и тогда появляется человеческое существо, на которое, как выясняется, наложили заклятие, придав ему звериный облик.

Сказка братьев Гримм «Золотая птица» повествует о герое, который находит прекрасную принцессу; ему помогает лис, который в конце просит отрубить ему голову и лапы. Герой отказывается, ведь он не может отплатить лису такой черной неблагодарностью; но лис вновь приходит к нему с этой же просьбой, и на этот раз герой сдается его мольбам, и тогда появляется прекрасный принц, брат принцессы и шурин героя, которого необходимо было обезглавить, чтобы он снова смог обрести человеческий облик.

Другой пример мы встречаем в немецкой сказке, в которой мальчик находит зачарованный замок и маленькую черную собаку, которая просит ее обезглавить, и когда это происходит, замок освобождается от чар, а собака превращается в принцессу.

В еще одной сказке братьев Гримм, «Белая невеста и черный жених», говорится о колдунье, у которой были

две дочери — родная и падчерица. Первая, как и мать, была колдуньей, падчерица же была красива и добра. В сюжете также фигурирует пасынок, благодаря которому добрая и красивая сестра знакомится с королем, пожелавшим взять ее в жены. Вся семья садится в карету, направляясь ко двору. По дороге в замок колдунья требует, чтобы падчерица отдала свою одежду ее родной дочери. Получив то, что они требовали, злая мачеха с дочерью толкают несчастную падчерицу в реку, и та превращается в утку, а король женится на дочери колдуньи. Время от времени утка заглядывает в королевскую кухню, произнося короткий стих, намекающий на то, что произошло. Это слышит маленький поваренок, который тут же бежит рассказать королю о диковинной утке. Король желает взглянуть на это диво, и когда к нему приносят утку, король отрубает ей голову, и перед ним предстает прекрасная принцесса. В финале сказки она становится королевой, а злую колдунью и сводную сестру наказывают.

В этой сказке животное необходимо обезглавить. Мы сосредоточим внимание на теме обезглавливания, хотя мотив отрубания головы человека является очень распространен в алхимии, где его связывают с идеей отделения разума от инстинкта. В *Mysterium Conjunctionis* Юнг говорит об обезглавливании дракона, усматривая в этом мотиве идею отделения разума от инстинктивного аспекта психе¹. Здесь возможны два значения. Отделяя разум от инстинктивных устремлений, вы достигаете некоторой беспристрастности и объективности взгляда, так что вы способны непредвзято смотреть на собственные материалистские мотивы, импульсы и мысли. Разум отделяется от бессознательной связи с остальными составляющими личности, превращаясь в совершенно беспристрастный инструмент отражения действительных

¹ Collected Works. Vol. 14. Pars. 730f.

фактов; подобное можно наблюдать в применении техники активного воображения, где помимо беспристрастности также требуется смелость. Человек должен отстраниться от своего эго и взглянуть на ситуацию объективно.

Но обезглавливание также может означать *sacrificium intellectus* — отказ от желания достичь разумного понимания, для того чтобы открыть возможность для неких иных форм осознания. Если я постоянно *думаю* об отношениях, я рискую воспрепятствовать возможности реализовать свои чувства, поэтому иногда необходимо отстранить свой разум, освободив, таким образом, место для иных форм жизни. Во имя божественной тайны приходится отказаться от ограниченного стремления к исключительно интеллектуальному осмыслению, и там, где должны быть задействованы иные формы осознания, разуму ничего не остается, как на некоторое время отойти на второй план, соблюдая границы своей области применения.

Совсем иначе обстоит дело, если речь идет об обезглавливании животного, поскольку для животного голова будет, вероятно, наиболее разумной частью тела. Как правило, мы склонны проецировать сознание и мышление именно на голову, а не на какую-то другую часть тела всякого живого существа. Обезглавив животное, мы как будто отделяем его разум от тела, что, безусловно, придает этому мотиву совершенно иной смысл по сравнению с темой отрубания человеческой головы; отрезание головы животного означает устранение некоего элемента, присутствующего в мотивации. Этот элемент — хитроумный план. Животным не свойственно выстраивать философские системы, по крайней мере, насколько нам известно, однако мы знаем, что их интеллект проявляется в хитром планировании или в умении пускать в ход какие-то уловки, направленные на достижение определенной цели; нам неизвестно, совершают ли они

это сознательно или бессознательно, но с позиции внешнего наблюдателя мы вполне можем допускать, что животное действовало разумным образом. Это также проявляется в животной мотивации человека. В женской психологии это проявляется в виде зломыслений и интриг, например в полусознательной интриге, которую может замышлять женщина, скажем, сядя во время лекции «совершенно случайно» рядом с молодым человеком, который ей интересен, и т. п. Ее инстинктивная мотивация не совпадает с ее сознательным эго. То же самое наблюдение верно для анимы или тени у мужчин. Наша мотивация склонна совершать запланированные действия для достижения своих целей, что нарушает сознательное единство личности: правая рука не знает, что делает левая — в картину затесался нечистый элемент.

Святой Фома Аквинский рассуждает о различии между *concupiscentia* и *cupiditas*: первое представляет естественное стремление, возникающее, когда вы чего-то желаете, — плотское начало мужчины, которое им движет. Однако в случае с *cupiditas* к мотивации примешивается алчность или другое подобного рода разумное качество, привнося в мотивацию некий дополнительный нечистый, дьявольский аспект — вводя элемент «хитроумного плана». Поведение человека с подобной мотивацией можно сравнить с поведением животного. Животное располагает своим арсеналом хитрых уловок, один импульс может пересекаться с другим и т. д. У человека же к этому может примешиваться некоторая сознательность, тем самым усиливая его стремление, ведь в сферу инстинктов затесалось нечто, что, в сущности, к ней не принадлежит и что ее отравляет, так что она перестает правильно функционировать. Отделяя и отрезая элемент, принадлежащий человеческому сознанию, и устраняя тело животного, которое представляет грубую материю инстинктивного побуждения, мы можем полностью интегрировать проблему на человеческий уровень.

Напоследок я хотела бы произнести заключительное слово. Вероятно, вы обратили внимание, что, интерпретируя все эти волшебные сказки, я применяла иной образ мышления. Работая с таким символическим фольклорным материалом, мы можем мыслить двумя способами: можно размышлять об этом, или же мы можем занимать некую внешнюю позицию по отношению к этому материалу, высказывать свои соображения о нем и проверять, насколько они применимы. Мы никуда не денемся от первого способа: это традиционный способ мышления, которому нас учат в школе. Но попрактиковав какое-то время второй способ, мы неизбежно привносим изменения в наше мышление; мы не перестаем рассуждать о материале, скорее, процесс мышления уподобляется прислушиванию к тому, что нам хочет сказать сам символ. Тогда мышление превращается в инструмент.

Именно это имел в виду Юнг, говоря о *символическом мышлении*. Этому сложно научиться, и чем лучше вы усвоили академический метод, тем сложнее для вас будет переключиться на символический способ мышления. Однако он снабжает вас очень ценным инструментом, позволяющим осмыслить грубый материал человеческой психики, а также ее новые и еще неизведанные способы выражения, которые нам необходимо знать, если мы хотим исследовать бессознательное. Я всячески призываю вас двигаться в этом направлении, ведь этот метод позволяет пролить свет на, казалось бы, совершенно невнятный материал, извлекая из него богатство смыслов.

Оглавление

Лекция 1	3
Лекция 2	19
Лекция 3	35
Лекция 4	55
Лекция 5	76
Лекция 6	100
Лекция 7	123

Научное издание

Франц Мария-Луиза фон

Мотив искупления в волшебных сказках: психологическое значение

Компьютерная верстка: Е.Н. Савченков

Дизайн обложки: Д.С. Шевченко

Корректор: С.Ю. Иванченко

Группа допечатной подготовки:

Т.Ю. Коновалова

С.М. Коробов

Подписано в печать 02.09.2022.

Формат 84×108/32. Гарнитура MyslC.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,75. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»,

адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;

сертификат соответствия

№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;

орган по сертификации РОСС RU.0001.11AE51

ООО «Профи-сертификат»

Отпечатано в АО «ИПК “Чувашия”»,

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,

факс: +7 495 305 6088,

e-mail: info@aproject.ru,

интернет-магазин: www.academ-pro.ru

**По вопросам издания книг
обращаться в редакционный отдел:**

e-mail: redactor@aproject.ru

**Издательство
«Академический проект»
предлагает**

книги по философии,
психологии,
истории,
культурологии,
геополитике,
а также учебную
и справочную литературу
по гуманитарным дисциплинам
для вузов, лицеев, колледжей.

Вы можете приобрести книги:
купив их в нашем
интернет-магазине
www.academ-pro.ru,
заказав их по телефону
+7 495 305 3702,
по факсу
+7 495 305 6088
или по электронной почте
info@aproject.ru

Просим Вас быть внимательными и указывать
полный почтовый адрес и телефон / факс для обратной связи.
С каждым выполненным заказом Вы будете получать
информацию о новых книгах, выпущенных в свет
нашим издательством.

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАКАЗОВ!

Издательство «Академический проект»,
адрес: 111399, Москва, ул. Мартеновская, 3,
телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
e-mail: info@aproject.ru

Книги издательства

«Академический проект»

Франц М.-Л. фон

Толкование волшебных сказок

(271 с.)

В настоящей книге, представляющей собой дополненное переиздание книги «Введение в толкование волшебных сказок», М.-Л. фон Франц — признанный и, вероятно, наиболее влиятельный последователь К.Г. Юнга, специализирующийся на психологической интерпретации фольклорных и мифологических сюжетов, — описывает этапы выстраивания подобных интерпретаций на примере различных европейских сказок — от «Красавицы и чудовища» до «Жениха-разбойника». Автор начинает с изложения краткой истории исследования сказок, а также различных теорий их интерпретаций, приводя в качестве иллюстрации детальный анализ сказки братьев Гримм «Три перышка»; во второй части книги подробно рассматриваются сказочные мотивы, связанные с такими понятиями юнгианской психологии, как тень, анима и анимус.

Книги издательства

«Академический проект»

Франц М.-А. фон

Легенда о Граале

(377 с.)

Мария-Луиза фон Франц (1915–1998) оставила след в истории как признанный специалист в области психологической интерпретации снов, сказок и алхимических трактатов.

Многолетняя соратница и ближайшая коллега К.Г. Юнга, основоположника аналитической психологии, именно с юнгианской точки зрения препарирует она и многочисленный материал легенд о Граале. Подобно глубокому символизму алхимии, эти фольклорные фантазии и их символика живописуют сущностные, бессознательные психические процессы. Под прицелом внимания исследовательницы оказывается прежде всего сочинение средневекового французского поэта Кретьена де Труа, первооткрывателя куртуазного романа и автора старейшей из известных компиляций о Граале. Поверье о магическом артефакте, дарующем здоровье и процветание, который сокрыт в труднодоступной земле, в затерянном замке тяжелобольного Короля, вызывает неослабевающий интерес у широкой аудитории на протяжении вот уже восьми столетий. Архетипический мотив поисков клада вступает в нем в причудливую взаимосвязь с драмой крестного пути Сына Божия: по преданию, заветное сокровище представляет собой сосуд, в который Иосиф Аримафейский собрал пролитую кровь Иисуса Христа. Таким образом, сказание о Граале освещает не только фундаментальные человеческие проблемы, но и трагические события, формирующие фон христианской культуры. Благодаря такому парадоксальному синтезу история о рыцарях, жаждущих испить из чудотворной чаши, до сих пор остается живым литературным явлением.